

ОГОНЁК

№ 47 НОЯБРЬ 1955
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наблюдательный пункт артиллерийского дивизиона в ходе «наступления». На переднем плане: Командир дивизиона майор Н. Сорока и вычислитель рядовой А. Хоботов.

Фото В. Темина.

На первой странице обложки: Аспирант Московского института стали имени И. В. Сталина болгарский инженер Христо Еринин ведет опытные плавки на заводе «Запорожсталь». На снимке: Христо Еринин (справа) беседует со сталеваром «Запорожстали» Петром Заложем.

Фото Н. Козловского.

ОГОНЁК № 47 (1484) 20 НОЯБРЯ 1955

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

33-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВСЯ СТРАНА БУДЕТ ЗАЛИТА СВЕТОМ...

«Путь Ильича» — так зовется колхоз в деревне Кашино, Волоколамского района, Московской области, в той самой деревне, где 35 лет назад Владимир Ильич Ленин был на открытии электростанции. Волоколамцы следуют пути, указанному им Лениным в тот незабываемый день: там, где ни одно село не имело электричества, ныне электроэнергия широко применяется в колхозном производстве.

Памятная дата была отмечена массовым митингом в подмосковной деревне. В Кашине состоялась торжественная закладка памятника В. И. Ленину. В эти дни не раз вспоминались ленинские слова, произнесенные 35 лет назад:

«Вы видите, ваша деревня Кашино пускает электричество. Это только одна деревня. Но нам важно, чтобы вся страна была залита светом».

От первых «лампочек Ильича» до энергогигантов сегодняшнего дня — таков путь, пройденный Советской страной за три с половиной десятилетия. Уже в 1940 году электростанции СССР вырабатывали почти 50 миллиардов киловатт-часов, в 25 раз превысив уровень 1913 года. Пятая пятилетка ознаменовалась вводом в строй оборудованных по последнему слову техники гидростанций Цимлянской, Гюмушской, Верхне-Свирской, Мингечаурской, первых очередей Камской, Каховской, Нарвской, Княжегубской и других. Непрерывно растет сеть тепловых электростанций. В прошлом году была введена в действие первая в мире промышленная электростанция, работающая на атомной энергии.

Особенно насыщенным был нынешний год. Первый ток получен с Горьковской гидроэлектростанции; строители крупнейшей в мире Куйбышевской ГЭС перекрыли Волгу и делают все, чтобы до конца года ввести в действие первые гидроагрегаты. Уже поступает в общую сеть южной энергосистемы ток с Каховской ГЭС, воздвигнутой на год раньше срока.

Сталинградская, Ангарская, Новосибирская, Бухтарминская, Теребля-Рикская, Братская... Когда перечисляешь наименования этих и других строящихся станций, перед взором возникают необозримые пространства нашей Родины.

Осуществляется завет Владимира Ильича — вся Советская страна заливается светом.

Торжественная закладка памятника В. И. Ленину. Старейшие колхозники артели «Путь Ильича», участники встречи с В. И. Лениным, Т. Т. Родионова и И. С. Ошмарин снимают покрывало с гранитного монумента.

Фото М. Савина и И. Тункеля.

Митинг в деревне Кашино, посвященный 35-летию выступления В. И. Ленина на открытии электростанции.

В ДОМЕ НА МОХОВОЙ

К 80-летию со дня рождения М. И. Калинина

В старинном особняке на Моховой разместился Музей М. И. Калинина. Фотографии, документы, книги, вещи восстанавливают многогранную, яркую жизнь выдающегося революционера и государственного деятеля Михаила Ивановича Калинина.

...Безрадостным было его детство в деревне Верхняя Троица, Тверской губернии, типичной деревне пореформенной царской России, где в 1890 году на 270 жителей было лишь 15 грамотных и среди них ни одной женщины.

В зале музея мы читаем воспоминания Михаила Ивановича о ранних годах своей жизни:

«С шестилетнего возраста мне пришлось нянчить своих младших братьев и сестер... Сходить в лес или поле считалось наслаждением, так как домашняя работа поглощала все время».

Торжественный сбор пионеров 313-й школы Куйбышевского района Москвы.

Фото Б. Кузьмина.

По возвращении отца из солдатчины их крестьянский дом разделился: отцу достались лошадь, корова, овца и сбруя, а изба и вся стройка оказались у дяди. Отец купил по дешевке дом, где и протекала жизнь маленького Миши Калинина.

Под стеклом лежит похвальный лист, полученный Михаилом Калининым по окончании четырехклассной сельской школы. А на стене висит портрет учительницы А. А. Бобровой, добрую память о которой Калинин сохранил на долгие годы.

Но настоящую школу прошел Михаил Иванович Калинин в самостоятельной жизни, которую начал очень рано. Книги, на которых воспитывался Калинин: Маркс, Ленин, Добролюбов, Писарев, Чернышевский...

С юношеских лет он посвятил себя революционной борьбе. И вот мы читаем сообщение департамента полиции о привлечении Калинина к дознанию в качестве обвиняемого по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». С тех пор начали поступать донесения о «крестьянине Михаиле Ивановиче Калинине» из петербургского жандармского управления, московского охранного отделения, тифлисской полиции, от московского градоначальника.

Вот приказы об увольнении Калинина с заводов за революционную работу, снова дела и донесения охранок, где его называют «Живым» за неустрашимость и умение ускользать от агентов полиции и жандармов.

Грянула революция. Михаил Иванович становится одним из руководителей боевых выступлений рабочих и солдат Петрограда, активно участвует по заданию партии в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции.

В марте 1919 года М. И. Калинин, после смерти Я. М. Свердлова, был избран председателем ВЦИК. Его кандидатуру предложил Владимир Ильич Ленин. В музее на мраморной доске высечены слова Ленина:

«Это товарищ, за которым около двадцати лет партийной работы; сам он крестьянин Тверской губернии, имеющий тесную связь с крестьянским хозяйством и постоянно обновляющий и освежающий эту связь. Петроградские рабочие сумели убедиться, что он обладает умением подходить к широким слоям трудящихся масс, когда у них нет партийной подготовки...

...Кандидатура такого товарища, как тов. Калинин, должна бы объединить нас всех. Такая кандидатура поможет нам практическим путем организовать целый ряд непосредственных сношений высшего представителя Советской власти со средним крестьянством, поможет нам сблизиться с ним.

...Вот почему я позволяю себе рекомендовать вам эту кандидатуру — кандидатуру товарища Калинина».

Экспонаты музея отражают кипучую государственную деятельность Михаила Ивановича Калинина. Вот подлинники его статей,

Этот токарный станок стоял в квартире Михаила Ивановича.

конспекты речей, докладов. Документы, характеризующие работу ВЦИК, фотографии Михаила Ивановича с фронтов гражданской войны — среди бойцов Первой конной армии, на смотре войск Туркестанского фронта, среди курсантов комсостава тяжелой артиллерии. Грамота, подписанная тов. К. Е. Ворошиловым, о награждении М. И. Калинина за выдающуюся боевую деятельность в период гражданской войны в день его 50-летия боевым огнестрельным оружием с надписью: «Всесоюзному старосте Михаилу Ивановичу Калинину от Рабоче-Крестьянской Красной армии».

Среди множества телеграмм, полученных Михаилом Ивановичем, есть телеграмма и от И. В. Мичурина:

«Глубокоуважаемый Михаил Иванович. Считаю долгом искренне приветствовать вас, как одного из горячо любимых вождей нашей республики, неизменно в течение десяти лет ведущих нас по пути успешного социалистического строительства. Мичурин».

Тысячами нитей был связан Всесоюзный староста с трудящимися. В одном из залов музея висит карта, на которой отмечены города, села, деревни, кишлаки, аулы, в которых бывал Михаил Иванович во время своих частых поездок по необъятным просторам Советского Союза. Только за 20 месяцев 1919 и 1920 годов М. И. Калинин пробыл в поездках 272 дня, посетил свыше 260 городов, сел, деревень.

И в дальнейшем трудящиеся видят М. И. Калинина на открытии электростанции в Новониколаевске (теперешнем Новосибирске), на строительстве Волховстроя, в Лодейном Поле на митинге по случаю закладки Нижне-Свирской электростанции, в Козлове у великого преобразователя природы И. В. Мичурина, на пуске Днепрогэса, в колхозах Татарии, в строящихся Березниках, в казахском ауле «Бель-Булак», где он вручает

колхозу акт на вечное пользование землей.

И всюду простые, доходчивые слова Михаила Ивановича волнуют слушателей, воодушевляют их на строительство новой жизни.

Внимание посетителей музея вызывают фотографии Приемной товарища Калинина. Всесоюзный староста запросто беседует с посетителями. Недавно музей пополнился интересными документами из Приемной. Знакомясь с ними, видишь, как внимательно относился М. И. Калинин к каждому письму, сколько заботы и отеческой любви проявлял он к труженикам, обращавшимся к нему.

...1931 год. Тридцать четыре рабочих и служащих фабрики «Коминтерн» прислали жалобу — Соснинско-Пристанский сельсовет оштрафовал их за убой молодняка. Штраф был ощутителен, превышая в ряде случаев размер месячного заработка. Михаил Иванович выяснил, что оштрафованные закололи скот из-за полного отсутствия кормов. Тогда от него последовало указание:

«Штраф со всех рабочих снять, дело прекратить. Поставить вопрос о снабжении сеном или покосами».

Вскоре Чудовский РИК ответил, что распоряжение Михаила Ивановича выполнено: штраф с рабочих снят, а с конторских служащих понижен. Это не ускользнуло от внимания товарища Калинина.

«Политически недопустимо противопоставлять рабочих служащим», — написал он, и отмена штрафа была распространена и на конторских служащих.

За каждым письмом Михаил Иванович видел живого человека с его нуждами и переживаниями и не выносил решения, пока не был убежден, что оно правильно, а приняв решение, обязательно доводил дело до конца. Так произошло, в частности, с заявлением рабочих стеклозавода имени Володарского, Курловского района, нынешней Владимирской области. Они образовали рабочий жилищно-строительный кооператив и построили поселок одноквартирных домов с небольшими садиками. Когда кооперативы были по решению правительства ликвидированы, местные власти пытались признать дома коммунальными и распорядиться ими по-своему. Рабочие просили разрешить им досрочно погасить задолженность коммунальному банку и сохранить дома на правах собственности.

Товарищ Калинин согласился с этим и лаконично написал: «Я думаю, надо удовлетворить просьбу рабочих». Однако местные власти продолжали чинить препятствия. Тогда последовала телеграмма: «Ввиду волокиты по делу Курловского РЖСКТ Калинин просит прибыть со всеми материалами». И просьба рабочих была вскоре уважена.

Учительница из Харькова написала, что ее в связи с осуждением мужа уволили из школы и она в течение ряда месяцев не может поступить на работу. Товарищ Калинин не только предложил предоставить ей работу по специальности в одной из школ, но и подчеркнул в своем письме, что нужно «дать указание директору школы о том, чтобы он ей обеспечил товарищескую обстановку для работы».

Как-то ходоки из колхоза «Красное знамя», Московской области, пришли к товарищу Калинину и передали ему просьбу колхоза прибавить им за счет соседнего колхоза «Золотой колос» 14 гектаров земли и 2,5 гектара сада. Изучив этот вопрос, Михаил Иванович ответил колхозу:

«Ваше ходатайство я не могу удовлетворить, потому что колхоз «Золотой колос» владеет землей и садом, на которые вы претендуете, уже несколько лет, и они переданы ему по акту на вечное пользование.

Оба колхоза, и ваш и «Золотой колос», как видно, очень малочисленны. В интересах колхозного дела их следовало бы объединить, но, конечно, при соблюдении полной добровольности. Этим самым был бы положен конец вашим земельным спорам.

Советую вам в этом направлении и вести свою работу».

По каким только делам не обращались люди к Всесоюзному старосте! В годы войны две студентки потеряли продовольственные карточки, и товарищ Калинин ходатайствует за них перед Московским карточным бюро. Мать привезла восьмилетнего мальчика в Москву учиться в музыкальной школе при консерватории, но, по правилам военного времени, не может прописаться... Люблинская жительница хочет послать двух своих детишек на весенние каникулы к бабушке в деревню, но идет война, и она не может получить разрешения... Михаил Иванович считал возможным пойти им навстречу.

Советские люди платят любовью и признательностью верному сыну Коммунистической партии, прошедшему тяжелый путь революционера, неутомимому строителю Советского государства, чуткому, простому и справедливому человеку.

Среди множества экспонатов музея есть обычная, внешне ничем не примечательная трость. Это подарок Михаилу Ивановичу от рабочих Ленинских железнодорожных мастерских Ростова-на-Дону. Вот как описывает это событие ростовская газета «Молот» в номере от 27 ноября 1927 года. Товарищ Калинин выступил с речью на митинге.

После него слово взял старый рабочий тов. Фрукалов. Он сказал:

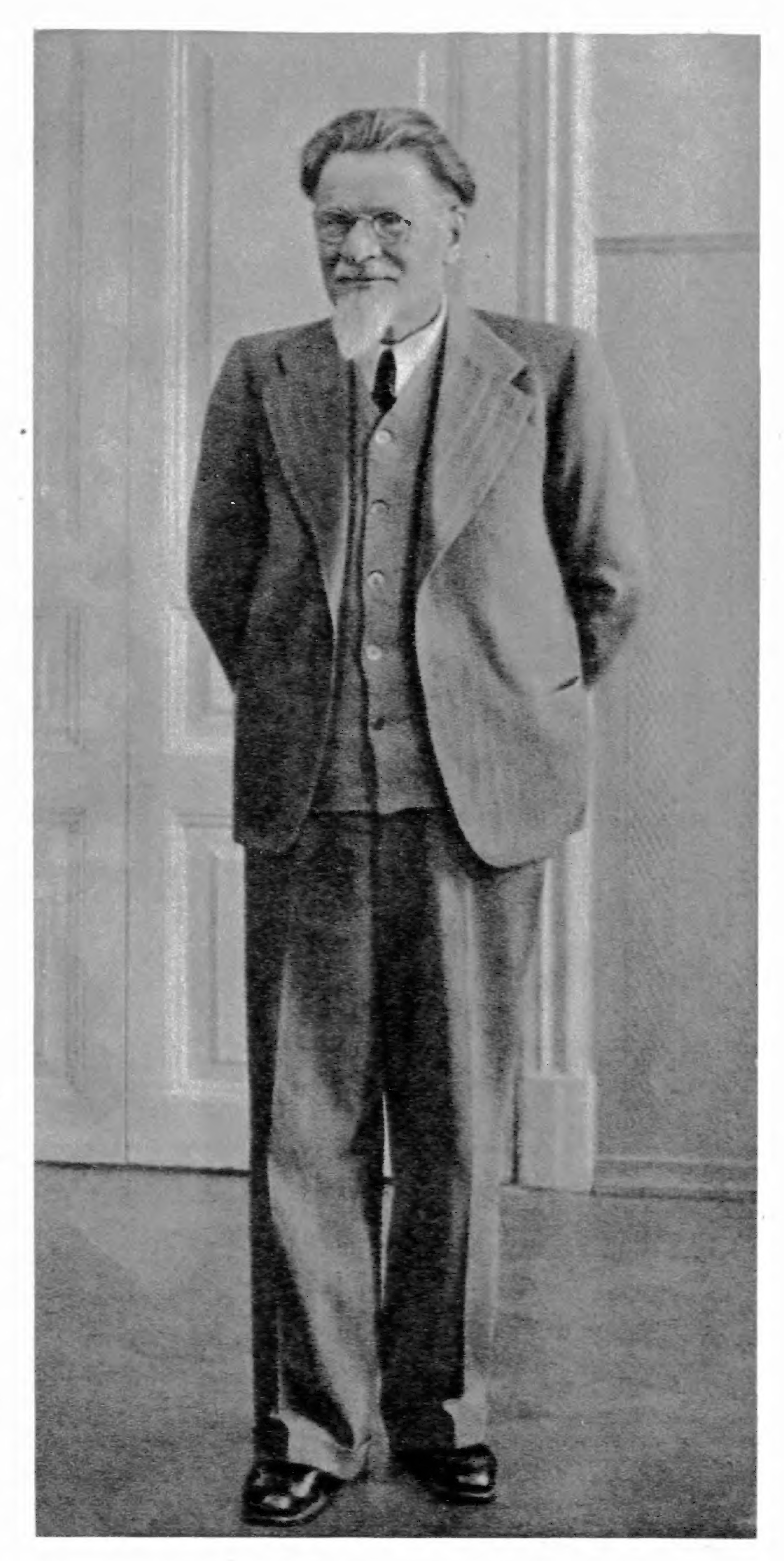
— Товарищи, разрешите преподнести Михаилу Ивановичу трость, которая сделана в Ленмастерских.

В трудные минуты, опираясь на эту трость, тов. Калинин будет помнить, что он опирается на авангард рабочего класса, к которому себя причисляют Ленинские мастерские.

Трогателен дар лесорубов: срез дерева, опоясанный серебряным обручем. Тогда Михаилу Ивановичу исполнилось 54 года, и дереву было столько же лет: на срезе 54 кольца.

Маленький действующий токарный станок. Изготовлен он учениками Московского ремесленного училища металлистов № 12 (ныне 6-е техническое училище) в 1942 году, когда на полях сражений решалась судьба народа. М. И. Калинин выступал в Колонном зале Дома союзов на собрании учеников ремесленных училищ.

В фойе ремесленники выставили образцы своего мастерства. После собрания Михаил Иванович осмотрел выставку. Ему понравился маленький станок.

М. И. КАЛИНИН.

Фото А. Устинова.

— Сами сделали? А ведь он последней конструкции, хороший.

Станок отправили в Кремль. Товарищ Калинин поставил его у себя на квартире и в минуты досуга работал на нем.

...Мы переходим из зала в зал, от стенда к стенду. Мимо нас проносят красное знамя, появляется колонна мальчиков и девочек. Они выстроились в зале, где в центре возвышается скульптура Михаила Ивановича Калинина. Это происходит пионерский сбор: детей принимают в пионеры. Юные ленинцы дают клятву быть верными заветам Ленина, твердо стоять за дело Коммунистической партии, быть достойными гражданами социалистического государства. Многие московские школы проводят в этом зале торжественные пионерские сборы. Некоторое время назад здесь стал пионером младший внук Михаила Ивановича — Миша Калинин.

Но вот закончен торжественный сбор, дети слушают рассказ экскурсовода, и перед ними встает образ выдающегося сына русского народа, революционера и государственного деятеля, чья благородная жизнь служит вдохновляющим примером для советских людей, зовет к борьбе, к строительству коммунистического общества.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Заметки о Югославии

Белград. Улица маршала Тито.
Фото В. Шаховского.

А. ВАРШАВСКИЙ

Специальный корреспондент «Огонька»

Первая встреча

За широким окном вагона — оно занимает чуть ли не всю внешнюю стену купе — из предрассветного тумана проступают очертания югославской земли. Равнина перемежается невысокими пологими холмами, аккуратно расчерченными на прямоугольники полей. Это Воеводина — самый плодородный край Югославии.

Окруженные густыми садами деревни еще безлюдны. Глаз постепенно начинает различать участки кукурузы, подсолнечника, хмеля. На склонах холмов — виноградники и плантации табака. Там, где убрана кукуруза, среди низко подстриженной щетины стеблей жирно поблескивают желтые туши кормовой тыквы.

На дорогах стали появляться крестьяне, выезжающие в поле. Мужчины — в фетровых шляпах, шерстяных или овчинных жилетах, обуженные на голени брюки заправлены в шерстяные чулки, на ногах опанци — плетеная кожаная обувь с задорно загнутыми кверху носами. Лица пожилых крестьян непременно украшают густые — у нас бы сказали «запорожские» — усы. Женщины постарше всегда в черном, у молодых черная безрукавка сочетается с вышитой кофтой и яркими цветами головного платка, юбки, передника.

В купе появляются новые пассажиры: средних лет широкоплечий мужчина и худенький юноша, одетый скромно, но с учетом последней моды. В руках у обоих портфели и свежие газеты, которые они с ходу принимаются читать. Общительная соседка — чешская художница из Братиславы — быстро налаживает общий разговор. Используем сразу четыре языка: сербский, чешский, словацкий и русский. Находим одинаковые или похожие слова.

— Кукуруз! — произносит серб, указывая на пробегающие за окном поля.

— Да, кукуруза,— соглашаюсь я. — Хороший урожай в этом году?

Сербы понимают не сразу.

— Урода? — пытается помочь чешка.— Як сэ уродило жито?

— А-а... — догадываются сербы. — Òве гòдѝне е жито рóдило дòбро!

Это уже понятно всем. Тут же выясняем, что урожай по-сербски — «летина», пшеница, тыква и хмель так и будут — «пшеница», «тиква» и «хмель», арбуз — «лубеница», виноград — «гродже», а словом «виноград» обозначается здесь виноградник. Младший из наших собеседников учил русский язык в школе и русские газеты читает легко. Показываю советский журнал. Оба с интересом рассматривают фотографии. Младший переводит подписи. С заметным волнением останавливаются на странице, где помещена беседа со Светозаром Вукмановичем-Темпо.

Передо мной тоже появляются югославские газеты: рядом с телеграммами из Советского Союза помещены портреты гостящих в Югославии советских спортсменов.

Горячо, перебивая друг друга, мои новые знакомые начинают рассказывать, какую радость вызвало у них опубликование Белградской Декларации, какие надежды эти люди связывают с восстановлением и укреплением дружбы между Югославией и СССР. Говорят быстро, совершенно забыв, что их собеседники не знают сербского языка. Но то, что они говорят, не нуждается в переводе.

Поезд подходит к станции. Это Нови-Сад, главный город автономного края Воеводина. На улицах заметное оживление: группы принарядившихся крестьян, вереницы повозок, грузовые и легковые автомашины движутся в одном направлении. Спутники объясняют, что здесь, в центре важного для Югославии сельскохозяйственного района, дважды в неделю бывают большие ярмарки.

— Даже из Белграда приезжают покупатели.

— В Белграде жить — много денег надо иметь, — неожиданно замечает старший, и лицо его становится серьезным.

Младший, желая, видимо, разъяснить это замечание, берет одну из газет. Передовая начинается следующими словами:

«Наши граждане в последнее время обычно бывают обеспокоены ростом цен на некоторые товары, слухами о новом росте цен и повышении платы за квартиры...»

Опровергая эти слухи, так же как и слухи о предстоящем резком повышении заработной платы и возможности инфляции, газета рассказывает о только что состоявшемся экономическом совещании с участием президента товарища Тито и подробно описывает меры, которые намерено предпринять правительство для повышения в ближайшие годы жизненного уровня трудящихся. Газеты «Борба» и «Политика» печатают подробное изложение лекций на эту тему, прочитанных Светозаром Вукмановичем в одном из рабочих университетов столицы.

Беседа заходит о трудностях, с которыми пришлось столкнуться народам Югославии на пути ликвидации вековой отсталости страны, в борьбе за экономическую независимость. К 1955 году по сравнению с довоенным временем машиностроение в Югославии выросло в 8 раз, энергетика — в 2,5 раза. Все это потребовало большого напряжения, немалых жертв со стороны трудящихся и не могло не отражаться на их жизненном уровне. Тем более, что продуктивность сельского хозяйства в этом году достигла лишь уровня 1939 года.

— Вы скоро сами увидите, — уверенно заявляет юноша, — как много мы построили за эти годы. И то, что мы построили, было недостижимой мечтой в старой Югославии.

— Много сделано и для улучшения жизни трудящихся, — добавляет старший. — Особенно в области просвещения, здравоохранения, социального обеспечения. Трудностей, конечно, много, но вы убедитесь, что мы умеем с ними справляться...

Народное предприятие

Село, возле которого вырос этот завод, сейчас разрослось в большой рабочий поселок. Оно и раньше называлось Железник.

— Почему?

Товарищ Вуколич, председатель управного отбора завода «Иво Лола Рибар» в Железнике, не может этого объяснить. В прежнее время мало кто знал даже о самом существовании этой группы приземистых домишек, притулившихся на склоне холма неподалеку от Белграда. Во всяком случае, к железу село тогда имело отношение ничуть не больше, чем сотни других сел Сербии, да и всей Югославии.

Имя Железник получило свой смысл благодаря энтузиазму, проявленному в труде шестнадцатью тысячами юношей и девушек. Они прибыли сюда вскоре после войны со всех концов Югославии и из других стран — Чехословакии, Болгарии, Австрии, Швейцарии, Советского Союза.

Молодежь прибавила к старому названию села и другое имя, ныне неотделимое от Железника, — имя славного руководителя югославской молодежи, погибшего во время народной войны за освобождение — Иво Лола Рибар.

Вместе с Милорадом Вуколичем мы осматриваем цехи — литейный, кузнечный, механический, цех сборки крупных конструкций — этот, самый большой из всех, еще не совсем достроен. Но работа и здесь идет полным ходом: у завода много заказов. В прошлом году выпустили до 180 видов различных машин и конструкций общим весом 15 тысяч тонн. В нынешнем году должны дать около 20 тысяч тонн.

— В январе 1948 года, — рас-

Посетивший Международную сельскохозяйственную выставку в городе Нови-Сад тов. А. Ранкович заинтересовался бараном из алтайского совхоза.
Фото В. Шаховского.

сказывает Вуколич, — «Железник» дал первую продукцию — пневматические молоты. Сначала мы поставляли машинное оборудование для самых различных восстанавливаемых и вновь строящихся отечественных предприятий. Делали машины и для собственного завода. Потом стали специализироваться на тяжелом оборудовании для гидроэлектростанций и металлургических заводов. Планы были широкие — собирались строить тяжелые токарные и карусельные станки... Но тут настало для нас тяжелое время.

Густые тонкие брови Вуколича сходятся у переносицы, когда он переходит к рассказу о том, как было трудно коллективу «Железника» в период нарушения дружественных связей между Югославией и Советским Союзом.

— Но мы не отказались от выполнения своих планов. В этом году завод должен достичь проектной мощности. Вот посмотрите: первенец нашего тяжелого станкостроения — карусельный станок для обработки деталей в три тысячи миллиметров диаметром.

Станок, вернее, части, на которые он был разобран, рабочие освобождали от упаковки — его только что привезли из Загреба, с Международной ярмарки. Карусельный станок, выпущенный «Железником», соседствовал там рядом с пятисоткилограммовым пневматическим молотом, станом для проката жести и мотоциклом «Сокол» — все эти машины впервые выпущены заводом в этом году.

Сейчас тут выполняются ответственные заказы двух крупнейших в Югославии строек металлургических комбинатов в Никшиче и в Зенице.

...Осмотрев цехи, мы возвращаемся по широкой, залитой асфальтом и обсаженной деревцами «главной улице» заводского двора. Молодая зелень — березки, елочки, аккуратно подстриженный кустарник, просто клумбы или газончики — окружает все постройки. От этого территория завода выглядит опрятной, заботливо ухоженной. У проходной — большой сквер. За ним — длинное двухэтажное здание из бетона и стекла.

— С этого «цеха», — говорит Вуколич, — следовало бы начать наш осмотр. Но сейчас там никого нет. Его обитатели выехали на экскурсию по стране.

Это — производственное училище. Оно создано в 1948 году и дает уже пятый выпуск молодых квалифицированных рабочих — слесарей, станочников, литейщиков — всего около тысячи человек.

В заключение за неизменной чашкой кофе Вуколич подробно рассказывает о системе управления народными предприятиями, принятой сейчас в Югославии. На столе разложена отпечатанная на гектографе схема. Наверху ее обозначен Рабочий совет — 55 членов совета избираются всем коллективом завода; ниже идет кружок со словами «Управный отбор» (совет управления) — это 11 человек, выбранных Рабочим советом. Кроме того, есть Совет специалистов, составленный из инженеров и представителей научно-технических учреждений; этот совет выносит консультативные решения по техническим вопросам. Директор считается лишь старшим служащим завода и подотчетен Рабочему совету в решении основных вопросов. Но он руководит повседневным ходом производства, и ему подчинены все органы управления. Участие в Рабочем совете и Совете управления является общественной обязанностью; члены этих органов работают на заводе по своей основной специальности.

— Завод, — говорил Вуколич, — руководствуется общегосударственным планом, который определяет только основные пропорции между отраслями хозяйства и объем производства предприятий в стоимостном выражении. Но мы сами должны планировать ассортимент продукции в зависимости от положения на рынке, сами организовать ее сбыт, определить цены и (после того как сделаем отчисления в общегосударственный и местный бюджеты) нормы заработной платы.

Рассказывая все это, Вуколич подчеркнул, что он не считает новую систему, которая начала вводиться с 1950 года, завершенной, — она, по его мнению, нуждается в совершенствовании на основе практического опыта. Такие заявления позднее я читал и в центральных газетах. Обычно это говорилось в связи с тем, что в экономической жизни современной Югославии встречается много трудностей, нередко вызываемых нарушением жизненно важных для государства пропорций, или тем, что многие хозяйственники сознательно или бессознательно становятся на путь местнических интересов в ущерб интересам общества в целом.

Мне подарили несколько номеров местной газеты «Омладинска фабрика». Перелистывая страницы последних номеров — газета выходит два раза в неделю, — я отчетливо представил себе, что трудности, переживаемые коллективом «Железника», еще велики, но велики инициатива и упорство рабочих предприятия.

Вот в одном из июньских номеров заметка: станочник Миле Степанович перешел на одновременное обслуживание двух станков. «Этот пример особенно важен сейчас, — пишет газета, — когда в механическом цехе не хватает ста квалифицированных рабочих».

Вместо передовой статьи в газете от 25 августа — три заметки о том, как старый, опытный каменщик Кристо Секович, электромонтер Михаил Обрадович и группа работников технического отдела при изготовлении наклонных печей для строящегося в Зенице металлургического комбината своими предложениями помогли сэкономить время и миллионы динаров. 25 сентября газета сообщает, что наклонные печи готовы.

Передавая мне экземпляры «Омладинской фабрики», товарищ Вуколич заметил:

— Название газеты, пожалуй, устарело. Наш завод уже не «молодежный»: на нем работают люди всех возрастов...

Но после всего того, что я здесь увидел и узнал, мне очень хотелось возразить: нет, название газеты правильное. Это молодой завод, он растет и набирает новые силы...

На кругу югославские крестьяне показывают рогатый скот.

На выставке в Нови-Сад

Еще в поезде, когда проезжали мимо города Нови-Сад, я обратил внимание на большой плакат, протянутый поперек улицы. На плакате одно слово: «Сайам».

— Что это значит?

— Как раз то, что вам следовало бы посетить в первую очередь, — говорят спутники. — На днях здесь открывается большая сельскохозяйственная выставка...

И вот мы на выставке. Помимо Югославии, в ней участвовали Советский Союз, Венгрия, Чехословакия, Западная Германия, Австрия, Франция, Швейцария, Голландия — всего шестнадцать стран. Газеты писали, что это первая в Югославии выставка такого размаха за послевоенное время. Экспонаты тут очень разнообразны. Представлены югославские государственные имения, животноводческие фермы, земледельческие задруги (кооперативы) и промышленные предприятия, производящие сельскохозяйственные машины, химические удобрения. Много экспонатов выставлено крестьянами-единоличниками, опытными сельскохозяйственными станциями. В отличие от предыдущих лет, когда, как острили некоторые репортеры, в центре внимания оказывались «колоссальные арбузы и перец рекордной величины», теперь главенствуют на выставке сельскохозяйственные машины.

Крестьяне, приехавшие целыми семьями из дальних горных деревень, с живым интересом рассматривали огромный советский комбайн, невиданную ранее кукурузоуборочную машину. И какой радостью светились глаза посетителей, когда перед ними оказывались машины отечественного производства!

— О, те е наше, домáче!

Чтобы понять их чувства, надо знать, что довоенная Югославия на каждую тысячу хозяйств имела около 500 железных и 200 деревянных плугов. На всю Югославию в 1939 году было 2 300 тракторов. Нельзя забывать и то, как дорого стоила Югославии последняя война: около 300 тысяч хозяйств было разрушено.

Осмотрев все эти собранные на одну площадку тракторы, молотилки, сортировки, жнейки, сноповязалки и многие другие машины отечественного производства, югославский крестьянин воочию мог убедиться, что рабо-

Трактор югославского производства на выставке в Нови-Сад.

чий класс уже сейчас во многом ему помогает, а при дальнейшем развитии промышленности сумеет вывести на светлый путь коллективного труда и благосостояния.

Один из руководителей выставки рассказал мне, что в сельском хозяйстве Югославии в этом году уже работало восемь с половиной тысяч тракторов, около десяти тысяч тракторных плугов, более десяти тысяч молотилок с мотором, 11 400 жнеек и 53 527 сеялок. Рост по сравнению с довоенными годами несомненный, но это считается лишь началом реализации правительственного плана поднятия сельского хозяйства — плана, рассчитанного на десять лет.

На осуществлении этого плана, несомненно, благоприятно скажется установление экономического сотрудничества между ФНРЮ и Советским Союзом. Не потому ли таким успехом пользовался на выставке в Нови-Сад советский павильон, которому отвели половину главного выставочного здания?

Были на выставке и живые экспонаты нашего советского животноводства — коровы, овцы, лошади. Интерес посетителей вызывал привезенный сюда рекордсмен ВСХВ — баран из Рубцовского совхоза, Алтайского края. Его «портрет» — облако густой шерсти, из которой торчат только широко расставленные крутые рога да солидная меланхоличная морда,— украсил страницы многих газет.

А каким успехом пользовались кони из советских хозяйств! Когда рысаков отвели в стойла, а на кругу уже важно прохаживались не крупные, но плотные и мясистые быки и коровы сербских крестьян, вокруг нашего зоотехника Юрия Борисовича Алексеева все еще толпились югославские любители лошадей. Они требовали все новых и новых сведений об орловских и русских рысаках, столь поразивших их своей статью.

— Пятый час подряд,— жалуется Юрий Борисович,— длится это интервью. Чем только не интересуются! Начнут с того, чем и как кормим коней, а кончают расспросами о Волго-Донском канале или о том, как у нас рис сеют...

Позднее я просмотрел книгу отзывов. Она свидетельствовала, что интерес югославов к нашей стране не праздное любопытство.

«Я очень счастлив тем, что мне довелось увидеть успехи Советского Союза»,— пишет крестьянин Мирко Роджєнович.

Рядом запись инженера Д. Георгиевича: «...я глубоко верю, что ваша экономика основана на принципах подлинного социализма, который непобедим...»

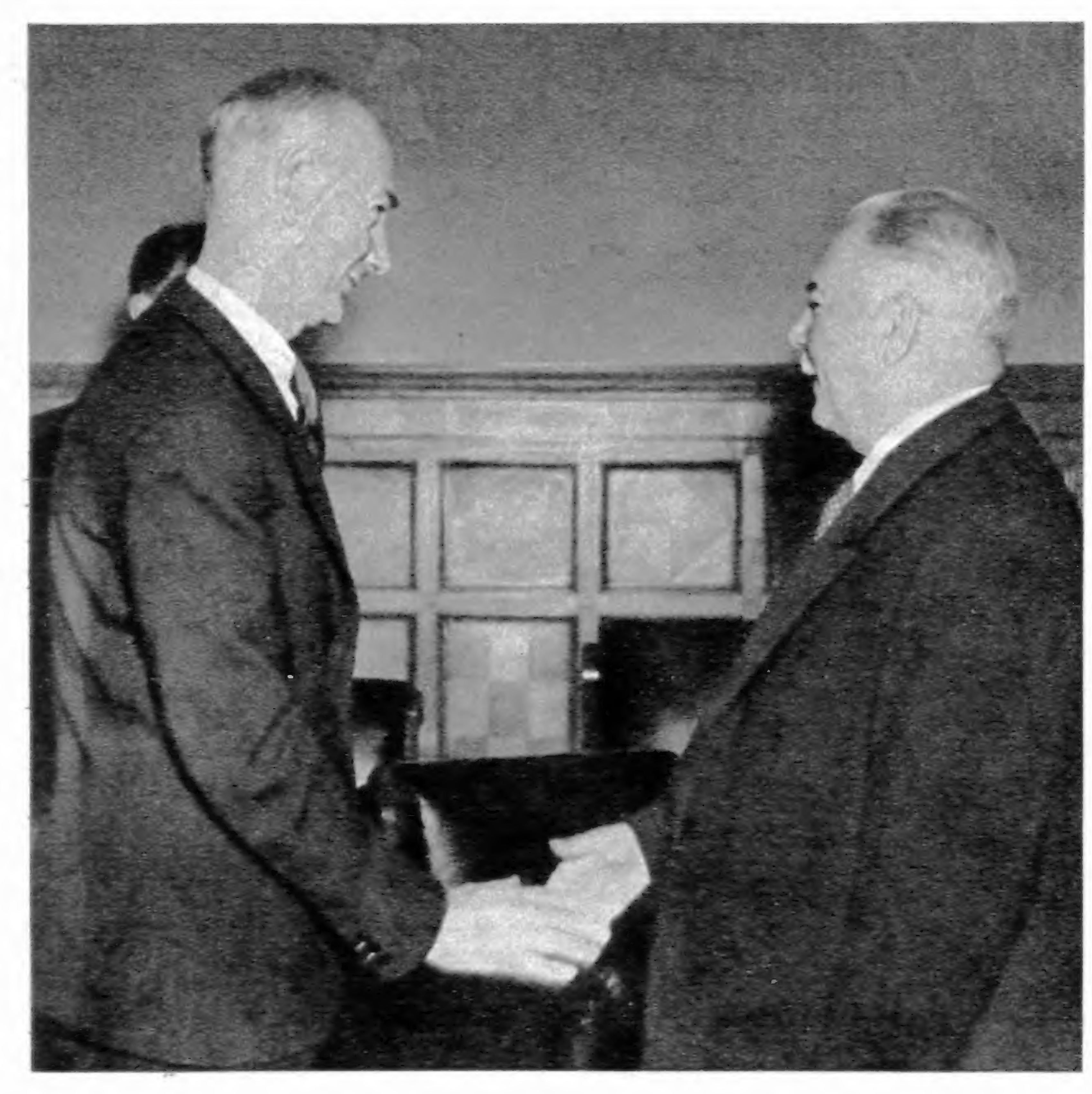
Читая эти строки, я вспоминал виденное на выставке — крестьян из Шумадии, неуверенно ощупывающих мощный советский трактор, молодежь, окружившую двадцатипятитонный самосвал, пожилую чету, склонившуюся над альбомом фотографий. Но все же больше всего запомнился первый разговор со случайными спутниками в поезде Будапешт — Белград, с которыми так сразу и крепко мы подружились.

— Нам очень нужна ваша дружба! — горячо говорили они. — Эта дружба нужна не только нашей и вашей стране, она в интересах рабочих всех стран, в интересах мира...

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР НОРВЕГИИ В МОСКВЕ

По приглашению Советского правительства нашу страну посетил Премьер-Министр Норвегии Эйнар Герхардсен.

15 ноября Председатель Совета Министров СССР Н. А. Булганин и Премьер-Министр Норвегии Э. Герхардсен парафировали текст Советско-Норвежского коммюнике. Был также подписан Протокол о взаимных поставках товаров СССР и Норвегии в 1956—1958 годах и Протокол о дополнительных взаимных поставках товаров в 1956 году.

11 ноября Премьер-Министра Норвегии Э. Герхардсена принял Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов.

В тот же день в Кремле состоялась беседа Председателя Совета Министров СССР Н. А. Булганина, члена Президиума Верховного Совета СССР Н. С. Хрущева и Первого Заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна с Премьер-Министром Норвегии Эйнаром Герхардсеном.

Фото А. Гостева.

СОВЕЩАНИЕ ПО ОВЦЕВОДСТВУ

14 ноября в Москве, в Большом Кремлевском дворце, открылось Всесоюзное совещание по овцеводству. В совещании приняли участие знатные чабаны, зоотехники, заведующие фермами, председатели колхозов, директора совхозов и МТС, видные ученые, партийные и советские работники.

На снимке: участники совещания (слева направо) — старший чабан совхоза «Оргачер», Киргизской ССР, М. Акматов; заведующий отделом Всесоюзного института овцеводства и козоводства Н. И. Граудынь (Ставропольский край); чабан Бейского овцесовхоза, Хакасской автономной области, П. В. Килижеков; старший ветеринарный врач совхоза «Тон», Киргизской ССР, А. Дуйшеев.

Фото А. Гостева.

БЕСЕДА У ЖЕНЕВСКОГО ОЗЕРА

Эдмунд **ОСМАНЧИК**, польский публицист

Фото А. Новикова.

На завтраке у президента Швейцарии М. Птипьера. М. Птипьер, В. М. Молотов, А. Пинэ.

Мы сидели в кафе на берегу озера и старались понять друг друга. Он был, как теперь говорят, человек Запада, я — Востока. Но оба мы, журналисты, по поездкам знали страны обоих полушарий, и оба были согласны в том, что нет на свете народа, который нельзя было бы полюбить, когда узнаешь его поближе. Я сказал:

— Давайте исходить из того, что каждый народ имеет равные права на мир, на безопасность своих границ, на самостоятельное решение своих внутренних дел...

— Согласен! — ответил мой собеседник.— Но не забывайте о том, что мы живем не в едином, а в разделенном мире. И о том, что взаимное недоверие диктует каждой стороне ту или иную политику. Вы боитесь империализма западных держав, но мы — в не меньшей степени — боимся вашего коммунизма...

Мне нетрудно было распознать в этих суждениях типичную терминологию некоторых западных газет.

— Нет,— ответил я.— Мы не боимся. И вообще я не согласен с этой, с позволения сказать, теорией страха. Гораздо вернее будет сказать, что еще не хватает взаимного доверия... Это ваши стратеги «холодной войны» изобрели подобную прививку искусственного страха, чтобы поддерживать напряженность. Но народы прямо и открыто высказываются за переговоры, за мирное урегулирование. И это придает нам моральную силу, оптимизм, веру в смягчение международной напряженности.

— Вы никак не хотите согласиться, что все, что мы делали, включая НАТО и Западноевропейский союз, направлено на обеспечение нашего спокойствия и безопасности...

— Дело мира неделимо. Нет «вашей» или «нашей» безопасности, есть один, общий мир.

— Ага! — откликнулся мой собеседник.— Мы входим в сферу дискуссии по вопросам нынешней Женевской конференции?

— Это естественно,— сказал я.— И, может быть, вы скажете, как вы — по-«западному» — оцениваете ход нынешнего Женевского совещания.

— Гмм, пожалуйста!.. В атмосфере «духа Женевы» обе стороны представили свои предложения. Главным пунктом были вопрос безопасности Европы и проблема Германии. Западные державы изложили свой план, который предусматривал объединение Германии путем свободных выборов...

— ...с тем, что вся Германия войдет в НАТО!

— Совершенно верно. Мне кажется, таким образом были бы решены и вопрос о европейской безопасности и проблема Германии. Но, к сожалению, советский министр не дал своего согласия и...

— Та-а-ак...— невольно улыбнулся я, еще и еще раз убедившись, как плоско представляют себе международные проблемы некоторые профессионально тренированные журналисты Запада.— Вы изображаете совещание министров четырех держав сугубо формально. И к тому же неточно. Вы — да и не только вы — обходите ясные и достаточно убедительные аргументы советской делегации. Может быть, вы разрешите, я расскажу вам, какой представляется мне эта конференция?

— Ладно! Только не твердите, пожалуйста, что вы во всем правы, а то это нас, на Западе, страшно нервирует...

— Да?.. Но ведь мы же честно спорим!.. Цель нашей с вами «конференции», как и любой другой,— выявить и принять то, что совпадает в мнении обеих сторон.

— С этим я согласен! — отозвался мой собеседник.

— Тогда послушайте!.. В июле, собравшись в Женеве, главы четырех великих держав договорились о том, что следует путем переговоров приступить к решению проблемы европейской безопасности и германской проблемы. Что касается европейской безопасности, то было установлено, что следует принять во внимание — цитирую: «...законные интересы всех государств»; по вопросу о Германии было сказано — цитирую снова,— что «...разрешение германского вопроса и воссоединение Германии посредством свободных выборов должно быть осуществлено в соответствии с национальными интересами германского народа и интересами европейской безопасности...»

— Гмм... У вас хорошая память!

— Я стараюсь не забывать того, что существенно... Увы, я не могу сказать, чтобы западные министры на этом Женевском совещании слишком часто вспоминали об этих существеннейших моментах! Да, да, не смотрите на меня такими удивленными глазами!.. Моя страна, как вы знаете,— Польша. Можно ли требовать от Польши, или от Чехословакии, или от других стран, перенесших жестокие страдания гитлеровской оккупации, чтобы они согласились на такой «план»: Германская Федеральная Республика вооружается до зубов, поглощает Германскую Демократическую Республику и в «объединенном» таким образом виде включается в западную военную группировку — НАТО. Это значит требовать, чтобы мы все забыли, пошли на повторение прошлого!.. Поймите, что сама проблема общеевропейской безопасности возникла не потому, что Польша, Чехословакия или ГДР угрожали какому-нибудь государству в Европе, а потому, что возрождение милитаризма в Западной Германии стало угрозой для мира и безопасности всех — подчеркиваю, всех — народов Европы. Неужели вам не ясно, что советское предложение о европейской безопасности обеспечивает не только польские, чешские или советские интересы, но также и английские и французские, если только не становиться на позицию людей, не желающих воспринимать уроки истории... Позвольте спросить еще раз: разве возможна безопасность одних без безопасности других? Молчите?..

Мой собеседник пожал плечами.

— Не знаю, правы ли вы, ставя вопрос именно так... Во всяком случае, переговоры по всем этим проблемам должны продолжаться. Нельзя все-таки забывать о требованиях мирового общественного мнения,— добавил он задумчиво.

— А мировое общественное мнение как раз и требует упрочения «духа Женевы»!..

Женева, 14 ноября.

Советская делегация в свободное от совещаний время.

Фоторепортеры в вестибюле отеля «Де Берг».

ПОЧЕТНЫЙ ДОЛГ АРХИТЕКТОРОВ

В. ПРОМЫСЛОВ,
первый заместитель председателя исполкома Моссовета

Желая образнее показать размах нашего строительства, Анри Барбюс говорил, что советский пейзаж характерен строительными лесами. С тех пор как были произнесены эти слова, объем строительных работ в СССР неизмеримо увеличился. Только леса уступили место башенным кранам. Вы не найдете на карте страны большого города, где не поднимались бы к небу металлические стрелы...

За пятую пятилетку сдано в эксплуатацию 150 миллионов квадратных метров жилья. Только в минувшем году в городах и рабочих поселках сооружены жилые дома общей площадью в 32 миллиона квадратных метров.

Свыше трех четвертей всего строительства ведется теперь крупными организациями, располагающими совершенными механизмами. Строительная промышленность по праву заняла видное место в системе народного хозяйства.

Созываемый вскоре Всесоюзный съезд архитекторов призван решить важные задачи. Партия и правительство требуют от нас строить быстрее, лучше, дешевле. Каждая строка, каждая цифра принятого недавно Центральным Комитетом партии и Советом Министров СССР постановления, направленного к совершенствованию строительной и архитектурной практики, проникнута заботой о благе советского человека.

Путь, указанный партией, — это путь индустриализации, превращения всех строительных площадок в монтажные, где здания собираются из готовых, сделанных на заводах элементов. Партия призывает смелее, шире внедрять сборные железобетонные конструкции и детали. Девять миллионов кубометров сборного железобетона будет выпущено в 1956 году и почти 14 в следующем. Это на 4 миллиона больше, чем ранее предполагалось.

Обширен список наименований строительных материалов. В ближайшие два — три года предстоит резко поднять производство этих материалов — вдвое, втрое, впятеро, вшестеро, а цветных керамических плиток даже в семнадцать раз. Известный новатор Павел Дуванов предложил оригинальный способ обжига кирпича. Этот способ решено повсеместно распространить. В результате через несколько лет мы будем получать на 3,5 миллиарда штук кирпича в год больше, чем нынче.

Строителям предложено всячески развивать комплексную механизацию. В течение двух лет государство даст им 12 тысяч одноковшовых экскаваторов, 5 тысяч скреперов, 18 тысяч бульдозеров, 3 500 автогрейдеров, 3 850 различных кранов. Мощное пополнение машинного парка наряду с рациональным использованием наличных средств механизации уже в близком будущем позволит полностью исключить ручной труд при монтаже сборных конструкций.

На Всесоюзном совещании строителей архитекторам было предъявлено суровое, но справедливое обвинение. Многие из них упустили из виду, что достоинства дома в первую очередь измеряются удобствами, предоставляемыми жильцам, и стоимостью квадратного метра жилой площади. Главное внимание они стали уделять внешней, показной стороне своей деятельности.

Увлечение бутафорией, дорогостоящими карнизами, портиками, лоджиями, излишними в современных условиях атрибутами архитектуры минувших веков принесло немалый ущерб народному хозяйству страны. Чтобы придать жилому или общественному зданию помпезный облик дворца, привлекались чуть ли не все известные в истории архитектуры формы. Дошло до того, что скромные городские проезды стали кое-где проектировать на манер римских триумфальных арок.

Исключительно велики излишества, допущенные при проектировании и строительстве высотных зданий. Это привело к тому, что стоимость квадратного метра жилой площади, скажем, в доме на Котельнической набережной втрое, а в доме на площади Восстания вчетверо дороже, чем в обычных домах.

Московский метрополитен по справедливости считается самым красивым, самым удобным в мире. Архитектура его станций заслуживает высокой оценки. Но в последнее время «модная» болезнь украшательства проникла и... под землю. Когда проезжаешь некоторые станции, невольно задаешь себе вопрос: зачем нужны в таком количестве скульптуры, барельефы, панно, мозаика? Архитектор Л. Поляков ухитрился, проектируя станцию «Арбатская», придать ее архитектуре черты интерьеров кремлевских теремов и церквей. И это он называл «использованием классического наследства»!

Следы расточительства носит и ряд павильонов Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Например, главный павильон выполнен в стиле московских высотных зданий. Вряд ли это может считаться целесообразным.

На станции Левобережная под Москвой возводится здание общежития Библиотечного института. Архитектор В. Воскресенский также решил «обогатить» его колоннадой, заимствованной из арсенала далекого прошлого. Архитектурно-планировочное управление утвердило этот проект, и началась стройка. Разобравшись как следует в замыслах проектировщика, строители сумели легко доказать, что колоннада не только лишит солнца ряд жилых комнат, но и повлечет излишнюю трату сотен тысяч рублей. Строительство общежития института ныне близко к завершению, а колонны остались лишь в проекте. Случай, о котором мы рассказали, лишний раз свидетельствует о том, что архитекторам и строителям надо чаще советоваться друг с другом.

Индустриализация строительства неотделима от улучшения проектирования. До сих пор мы строим главным образом по индивидуальным проектам. В 1954 году по типовым проектам возводилось только около пятой части новых зданий Москвы. Между тем подсчитано, что стоимость квадратного метра жилой площади в пятиэтажном доме, построенном по типовому проекту, примерно в полтора раза ниже, чем в «штучном». Если бы мы в текущем году перешли на строительство только по типовым проектам, государство сберегло бы средства, достаточные на сооружение еще полутора миллионов квадратных метров жилья. Другими словами, мы дополнительно получили бы столько домов, сколько строят за год Москва и Ленинград, вместе взятые.

Начиная со второй половины 1956 года все жилые дома, школы, больницы общего типа, детские сады и ясли, кинотеатры, магазины, санатории должны строиться по типовым проектам.

Проект, осуществленный многократно, выходящий, если можно так выразиться, большими тиражами, должен быть экономичным, выразительным, отвечать градостроительным требованиям. Мы не вправе допускать архитектурную ошибку, повторенную десятки и сотни раз и тем самым вредно отражающуюся на городе в целом. Пора покончить с бытующим еще в архитектурной среде мнением, что работа над типовым проектом «сковывает мастера».

Здания, монтируемые из блоков и панелей, завоевывают права гражданства в Москве, Ленинграде, Киеве, Свердловске, Горьком, Магнитогорске. Долг советского архитектора и конструктора — активно участвовать в развитии самых прогрессивных видов строительства — крупноблочного и крупнопанельного. Надо тщательно и вдумчиво проанализировать имеющиеся проекты и, выяснив их недостатки, искать новые и новые решения. Партия и правительство обязали Государственный комитет Совета Министров СССР по делам строительства провести ряд конкурсов на лучшие типовые проекты. Несомненно, такие конкурсы принесут большую пользу.

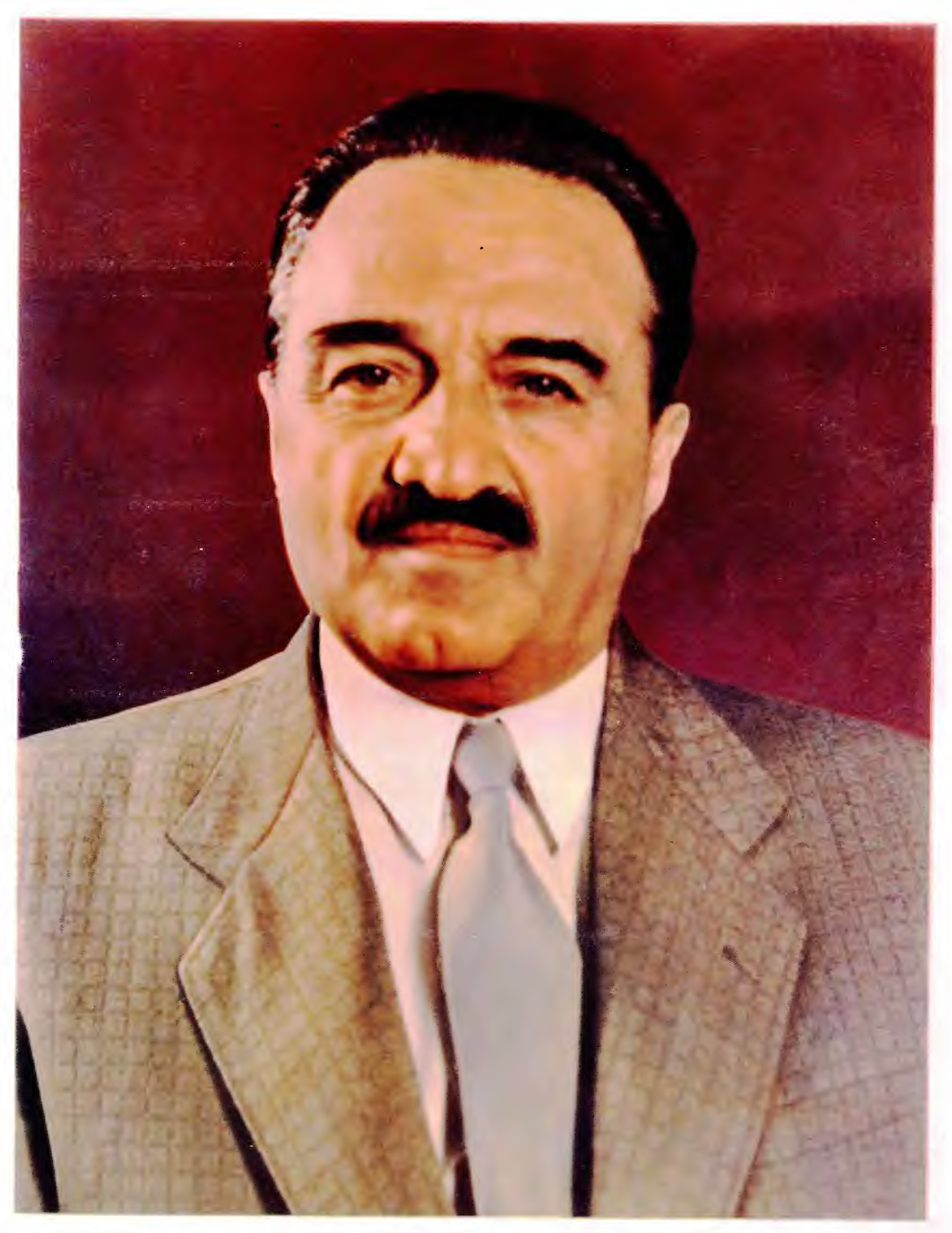
Хотелось бы сказать в этой связи об опытно-показательных стройках, которые ведутся во многих городах страны. Руководителям таких строек было дано задание значительно сократить по сравнению с «соседями» сроки возведения зданий, снизить стоимость работ, показать пример экономного расходования материалов, умелого использования механизмов. Здесь уточняются размеры денежных и материальных затрат на один кубический метр дома и один квадратный метр площади. Впоследствии эти нормы станут основой всего планирования разных видов строительства, станут своеобразным эталоном. Между тем при наших огромных объемах строительства каждый выигранный день, каждый сэкономленный рубль превращаются в общей сложности в миллионные суммы. Один процент экономии железобетона на стройках Москвы дает ни много ни мало 5 миллионов рублей, а ускорение строительства жилого дома на один месяц обеспечивает удешевление работ на 1,3 процента.

По всей стране насчитывается уже около трехсот опытных строек. В будущем году их число увеличится по крайней мере в шесть раз. То, что сегодня считается экспериментальным, завтра сделается достоянием всех строителей.

Советский архитектор должен стать поборником всего передового в строительстве. Его долг — работать для народа, строить удобные, добротные, красивые дома, удовлетворяющие запросы советского человека.

Новые жилые дома на Ярославском шоссе.
Фото Е. Умнова.

АНАСТАС ИВАНОВИЧ МИКОЯН. К 60-летию со дня рождения.

Фото Дм. Бальтерманца.

Г. И. Прокопинский. К. Е. ВОРОШИЛОВ В МАСТЕРСКОЙ У М. Б. ГРЕКОВА.

Выставка «20 лет студии военных художников имени М. Б. Грекова».

В. К. Дмитриевский. ЗДЕСЬ СТОЯЛИ НАСМЕРТЬ.

ЖИВЫЕ ОГНИ

Рассказ

Виталий **ТРЕТЬЯКОВ**

Рисунки П. **БАРАНОВА.**

I

Все началось с пустяка, со справки для личного дела. Лет тридцать назад Сергей Андреевич Ладыгин практиковал в Кашинске, захолустном городишке, давно им забытом. А теперь для выслуги и повышенной пенсии недоставало именно этих двух кашинских лет. На первый запрос ответа из Кашинска не последовало, на второй — пришла путаная бумаженция с перевранными датами. Пришлось самому съездить.

Поезд отходил рано утром, пути было часов семь, но Ладыгин заказал место в купированном вагоне. Он любил расположиться удобно. В купе снял пиджак, оставшись по-домашнему в жилетке поверх свежей сорочки. Всю дорогу играл в преферанс. Проиграл два рубля десять копеек и, во всем уважая точность, выложил на чемодан именно два рубля с гривенником.

В Кашинск прибыли около полудня. Выйдя за вокзальную ограду, Сергей Андреевич очутился на заснеженной улочке. Первое его ощущение — непривычная и властная тишина, повисшая над городком. Деревянные одноэтажные домишки. Несмотря на начало весны, большие сугробы: снег, видно, не убирают. Прохожие редки. Он повернул с Вокзальной на Главную и прошел ее всю. Какое-то милое, благодушное настроение охватило Сергея Андреевича. Ладыгину нравились теперь и невозмутимая тишина и даже фикусы за оконными стеклами. Приятно вот так идти, никуда не спешить, никого не обгонять. Он отыскал домик, в котором жил тридцать лет назад, — потемневший от времени, неказистый. Два карапуза топтались в снегу у ворот. Все это: и дом, и крашеные ворота, и малыши — показалось таким знакомым, родным, что Сергей Андреевич еле сдержался, чтобы не постучать в дверь.

В райздраве его ждала неприятность. Заведующий уехал в район, и без него никто справки выдать не мог.

— Безобразие! — возмутился Сергей Андреевич.— Не ночевать же мне здесь!

— Но, товарищ, что же я могу сделать? — возражала девушка-секретарь.— А ночевать мы вас устроим...

— Мерси! — Ладыгин хлопнул в сердцах дверью.

Но он быстро остывал и обладал счастливой способностью не терять спокойного расположения духа даже в самых критических обстоятельствах. Ну, проторчит здесь лишний денек — не беда.

Стояла ранняя мартовская оттепель. Тяжело падала с крыш капель. По тротуарам на солнечной стороне подтаивал снег. Ветер раскачивал голые, черные ветки лип. Кое-где уже сбрасывали снег с крыш, и крыши эти, красные и зеленые, радовали глаз непривычно яркой свежестью красок.

Ладыгин особенно остро ощутил нежность ранней, самой ранней весны. Он шатался по городу, заглядывал в магазины, невозбранно вдыхал весенний воздух и ни о чем не думал. Собственно, и думать было не о чем. В крайнем случае переночует в Доме колхозника. Или попробовать отыскать Веткина? Хорошо все-таки помянуть старое. А здесь ли еще Веткин? Каков он теперь? Вдруг встретит его благообразный, скучный, как помятая газета, старикан, который вечерами толкует над чашкой жидкого чая о политике, а первого числа каждого месяца, надев стоптанные калоши, плетется в собес за пенсией! С Веткиным всякое может статься. Э, будь что будет,— он махнул рукой,— пойду!

Детская больница занимала тот же двухэтажный флигель, что и лет тридцать назад, только к нему теперь пристроили большой многооконный корпус, и вход был не со двора, как раньше, а с улицы.

В вестибюле за регистрационным столиком сидела сестра, женщина лет пятидесяти.

— Скажите, у вас работает доктор Веткин?

Сестра окинула его быстрым взглядом.

— Алексей Алексеевич сегодня принять не сможет: запись к нему прекращена,— произнесла она с расстановкой.— У вас направление участкового врача?

— Я о направлении не беспокоюсь. — Он спрятал озорную улыбку.— Я Ладыгин.

Сестра подняла на него удивленные глаза и даже привстала.

— Сергей Андреевич?! — Она будто не верила своим глазам.— Не узнаете? Спицына Екатерина Ивановна. Катя Спицына! Не помните?

— Как же, вспоминаю, вспоминаю,— говорил, широко улыбаясь, Ладыгин, хотя никакой Кати Спицыной припомнить не мог.

Екатерина Ивановна хотела было бежать за Веткиным. Потом решила проводить гостя наверх, в докторский кабинет. И тут-то Ладыгин увидел спускающегося по лестнице человека в белом халате. Высокий, не то чтобы полный, а скорее грузный, человек этот как-то бочком сходил со ступеньки на ступеньку. Большая голова, дужка пенсне плотно охватила широкую переносицу. Ладыгин не столько узнал, сколько почувствовал, что это Веткин. Бог мой, Веткин! Он, он,— старик, тяжело несущий груз своих лет. Особенно жалкой и неуместной показалась старомодная бородка клинышком на чуть одутловатом лице доктора. Ладыгину почему-то стало вдруг неловко и за свое шитое по заказу пальто и за свою моложавую, молодецкую, как говорили друзья, внешность.

— Алексей Алексеевич! — воскликнул Ладыгин. Назвать Веткина просто по имени он теперь не решился.— Алексей Алексеевич! Не узнаете? Немудрено: много воды утекло. И сдали мы с вами, сдали: года!

II

Ладыгин дожидался хозяина. Веткин сунул ему ключ от квартиры и обещал вернуться пораньше. Сергей Андреевич коротал время над кроссвордом, хотя терпеть их не мог: там иной раз такое загнут — только руками разведешь! И теперь вот попалась закорючка: «Постоянство» из восьми букв. Ну, что такое постоянство из восьми букв? Верность? Верность... Глупо! Ладыгин бросил кроссворд и стал расхаживать по комнате, заложив руки за спину.

Двухкомнатная квартира доктора казалась неуютной. По многим мелочам, по давней холодноватой прибранности угадывалось, что хозяин здесь только ночует. У стены — клеенчатый, без чехла диванчик. На этажерке у кровати — потрепанная книга «Детские болезни». «Читает, видно, по ночам вместо романа»,— подумал Ладыгин. Часы на стене молчат: не заведены. Скука! Дернул его черт зайти сюда! Ведь и разговор у них как-то не клеился. Собственно, и дружбы большой между ними не было, а так — обстоятельства. В университете сын сельского учителя Веткин был чужд честолюбивому Сергею Андреевичу: слишком много было в Веткине... чернозема. Свели их годы совместной работы в Кашинске: и жить пришлось вместе и знакомые были общие. Но разница в характерах сказывалась и тогда. Ладыгин и думать не хотел о том, чтобы задержаться в Кашинске, а Веткин прочно обосновался в этом захолустье, словно и не мечтал о большем. Никому, ни при каких обстоятельствах не отказывал в вызове и денег ни с кого не брал, так что скоро прослыл бессребренником. Ревнивому к чужим успехам Ладыгину иногда приходилось слышать, как упрашивали регистраторшу: «Только запишите, пожалуйста, к доктору Веткину». «Пускай,— успокаивал себя в таких случаях Сергей Андреевич. — Потомки рассудят». Теперь он улыбнулся своим воспоминаниям: о суде потомков можно было не беспокоиться!

Часто захаживали к инженеру Донцову. У Донцовых были две дочери. За младшей, Наденькой, ухаживал Ладыгин, за старшей, Шурой,— Веткин. Попробует, бывало, Ладыгин при сестрах посмеяться над странностями друга, а тот ничего, улыбается только. Или ляпнет, впрочем, без гнева:

— Ну тебя, Сережка, к черту! Я, знаешь, деликатничать не умею.

И тут же покраснеет.

Тянулся, тянулся у Веткина с Шурой Донцовой постный роман, да и кончился ничем. Трудно сказать, почему — Ладыгин считал неделикатным допытываться,— может быть, домашние сложности помешали. Когда у Веткина умер отец, он привез из деревни мать и сестру. Сестра его, тоже Шура, с детства страдала костным туберкулезом. Она не могла ни ходить, ни сидеть. Брат стал ей и другом, и отцом, и нянькой. Ухаживая за сестрой, кормил с ложечки, читал ей по вечерам.

Всегда осторожный, Ладыгин как-то выпалил сдуру:

— Хоть бы раскрепостила она тебя скорее, Алеша. Все равно уж...

Он не докончил фразы, заметив, как побледнел Веткин.

— Я, может быть, из-за нее и на медицинский пошел,— сказал он глухо, не своим голосом.— Эх, ты!..

Да, зря, пожалуй, он пришел сюда... Зря!

Наконец вернулся Веткин и сразу начал оправдываться:

— Понимаете, хотел пораньше выбраться— не удалось. Участковый врач поставил диагноз: дизентерия под вопросом. А в стационар, естественно, под вопросом не принимают. Вот пришлось тащиться на край города.

— Помилуйте, Алексей Алексеевич, неужели ординатора помоложе нельзя было послать?

— Да как-то так, знаете... Уж очень просили.— Он раскрыл портфель, извлек оттуда бутылку ликера, банку крабов, разложил на бумаге нарезанную еще в магазине колбасу и сыр.

— К чему это? — Ладыгин втайне улыбнулся странному выбору закусок к ликеру.

— Ничего, ничего,— суетился Веткин.

Он долго искал и наконец нашел где-то рюмки. Штопора в доме не оказалось, и Ладыгин после долгих усилий пропихнул пробку внутрь черенком вилки.

— Ну, рассказывайте, как вы? — спросил Веткин, наливая ликер.— Всё в институте, кажется?

— В университете,— поправил Сергей Андреевич.— Читаю студентам историю медицины.

— Да... Да... Занимательно. Очень...

— Не так уж занимательно. Скучно! Вот книгу кончаю «Радищев и медицина».

О книге он не хотел говорить, но вот не утерпел.

— Интересно, интересно,— тянул доктор, будто жевал резинку, но по его отсутствующему взгляду, по всей его флегматичной фигуре Ладыгин чувствовал, что Веткину совсем не интересно все это, что он вряд ли понимает, какое отношение может иметь Радищев к медицине.

— А вы, коллега? — спросил он только для того, чтобы поддержать разговор.

— Да все так, врачом-консультантом. Доверяют... Работы, понимаете, много.

«Погряз! — решил Ладыгин.— Совсем погряз».

— А я рассчитывал,— сказал он,— что вы, по крайней мере, горздравом заведуете или больницей, что ли.

— Заведовать больницей предлагали, но ведь не по мне эти хозяйственные хлопоты.— Доктор вздохнул.— Так-то . вот...

Они помолчали. Ощущение неловкости нарастало. Ладыгин с грустью думал о том, что живой огонек энергии, темперамента, которым светился молодой Веткин, погас. И вот сидит перед ним человек, потерявший вкус к жизни, поблекший, рано состарившийся.

— Так, знаете, и живу,— начал опять Веткин, будто плел унылую паутину по малому кругу.

Ладыгину вспомнился молодой Веткин, когда после одной — двух рюмок у Донцовых он прислонялся к стене и чертовски бойко, приятным баском пел оперные арии. Обязательно у стены и обязательно арию. «Сатана ликует там, ликует там»,— скандировал Веткин, и в глазах его бегали чертики. Бегали...

Сергей Андреевич хотел спросить, когда Веткин потерял мать и сестру, давно ли живет отшельником, но удержался.

— Ну, а здоровье как, Алексей Алексеевич? — спросил он.

— Ничего,— оживился Веткин.— Бегаю, только вот сердце пошаливает иногда. Да...

И опять потух.

Молчаливое, томительное сидение за столом начинало угнетать Ладыгина. Хотелось встать, раскланяться и уйти. Куда глаза глядят, хоть на вокзал, хоть в общие комнаты Дома колхозника.

Задребезжал телефон. Кто-то кричал в трубку, очевидно, волнуясь.

— Конечно, сейчас же приду,— проговорил Веткин.

Он положил трубку и минуту стоял, не снимая с нее руки, полузакрыв глаза, будто размышляя о чем-то.

— Я вас оставлю, Сергей Андреевич,— сказал он наконец и добавил изменившимся тоном: — Ничего не попишешь...

— Да что же это, помилуйте! — взмолился гость.— Двенадцать ночи!

— Случай один тут у нас... Тяжелый случай.— Он быстро надел пальто, взял палку.— Вы не ждите меня, располагайтесь,— неловким движением он показал на кровать,— вернусь, на диване лягу.

И хлопнул дверью.

— Маньяк! — буркнул Ладыгин, оставшись один.— Старый маньяк!

III

Случай, о котором говорил Веткин, был действительно тяжелый. Семилетняя девочка, единственный ребенок в семье, пожаловалась на боль в животе. Ее показали молодому участковому врачу Гришиной. Та не нашла у девочки ничего, анализ тоже не дал результатов, а боли усиливались.

— Запишите нас к Алексею Алексеевичу,— попросила мать.

Но Гришина, старавшаяся, как и весь персонал больницы, по возможности облегчить работу Веткину, сказала, что у девочки нет ничего серьезного и не стоит понапрасну беспокоить Алексея Алексеевича. И точно, Танечке стало лучше. В день своего рождения она играла с подругами-первоклассницами. А утром не смогла подняться с постели.

— Надо Алексея Алексеевича пригласить,— встревожилась мать.

Веткин внимательно и долго осматривал Таню. Потом так же долго и сосредоточенно мыл руки и, вытирая их махровым полотенцем, сказал хмуро:

— Определенных симптомов, знаете ли, нет... Да... То есть определенного я вам пока ничего сказать не могу,— он пожевал губами.— Положим ее в больницу. На исследование. Там, знаете ли, анализ, наблюдение...

Совет Веткина был законом: девочку положили в больницу. Алексей Алексеевич вызвал из областного центра профессора для консультации.

И вдруг наступило резкое ухудшение. Девочку перевезли в городскую клинику. Пришлось сделать операцию, но и она не дала результатов. Ребенок угасал. Но от чего? От чего? Веткин не мог ответить на этот вопрос, и ощущение бессилия угнетало его. Утром он просыпался с чувством томительным и тяжелым. И сразу вспоминал: Таня! Звонил в клинику, зная заранее: ничего утешительного не будет. Поздним вечером, закончив работу у себя, брел через весь город в хирургическое отделение. Надевал халат, тяжело поднимался по лестнице на второй этаж, подходил к кровати Тани, здоровался с матерью, неотлучно дежурившей здесь, и клал свою большую ладонь на горячий лоб девочки. Поправлял кислородную подушку и, постояв несколько минут у постели, отправлялся читать записи в истории болезни. А потом долго ходил по коридору, потирая виски ладонями.

И вот наступила агония. Веткин не спрашивал себя, стоит ли идти. Помочь невозможно — это он знал почти наверняка. Ребенок в другой больнице, и формально он, Веткин, теперь не отвечает за него, а все равно пойти надо, нельзя не пойти.

Ночь была темная. Подтаявший за день снег смерзся и лежал твердым настом. Веткин шел напрямик по насту, иногда проваливаясь, не разбирая в темноте дороги. Тишина действовала угнетающе. И ноги почему-то мерзли. Больница была на окраине, и, когда Веткин вышел за город, его поразила удивительная контрастность белеющего в ночи снежного поля и иссиня-темного неба. Небо казалось громадной темной стеной, такой близкой, будто до нее можно дотянуться рукой. Но доктор делал шаг — и небо отступало на шаг. И опять было рядом.

В вестибюле больницы он, не торопясь, снял пальто и калоши. Дежурная санитарка накинула ему на плечи белый халат. Тяжелой походкой уставшего человека он направился к лестнице и вдруг остановился на секунду, будто вспоминая, зачем пришел. Потом пробормотал свое «да, да» и стал подниматься, держась одной рукой за перила, а другой опираясь на тяжелую палку. На лестничной площадке его остановил крик. Пронзительный женский крик и рыдание. Веткин остановился, и сердце у него рванулось и тоже будто остановилось, замерло. Навстречу торопливо спускалась сестра, унося что-то, теперь, очевидно, ненужное. Что именно, он не разглядел. Сестра прошла, а Веткин все стоял. Потом пронесли носилки, покрытые простыней. Когда носилки были уже внизу, догоняя их, по лестнице стремительно сбежала женщина с большими темными глазами.

— Отдайте! Отдайте ее мне! — умоляла она кого-то.

Будто черная пелена застлала все. А когда она спáла, кругом было тихо. Так тихо, что Веткин ясно услышал тиканье часов в вестибюле второго этажа. Он обернулся. Уронив на подоконник голову и почти опустившись на пол, плакала женщина. Веткин подошел к ней и прикоснулся к ее вздрагивающему плечу.

— Не надо, не надо, голубушка,— только и мог сказать он.

Женщина вдруг поднялась, выпрямилась, и доктор увидел ее большие, налитые болью глаза.

— Что же вы смотрели? Вы! Доктор! — прошептала она, приблизив к нему свое горячее от слез лицо.— Где вы раньше-то были?! — И шепот ее вырос до крика. Веткин стоял перед ней, уронив руки, и молчал.— Уходите! Уходите! — произнесла она снова тихо, но с такой властной силой, что Веткин молча отступил.

Только на улице он осознал тяжелый смысл ее слов, и невыносимая, острая боль сдавила его сердце. Он не видел дороги, не чувствовал резкого ветра. Старался понять, что же случилось и почему ему так тяжело, как никогда тяжело. Ведь за большую, трудную его жизнь болезни детей не всегда кончались благополучно. Это страшное случалось и раньше. Да, но, оказывается, привыкнуть к этому невозможно... Когда-то он думал, что с годами волнение пройдет, он привыкнет, поуспокоится. Но нет, не проходило. Или он дряхл и слишком истрепаны нервы?

Веткин не помнил, как миновал пустырь и очутился в городе. Его неотступно преследовала картина далекого-далекого деревенского детства. Мальчишкой он любил разжигать костры. Сначала огонь мал и слаб. Дохни — и нету его. Его надо оберегать и поддерживать, питать сухими веточками. И тогда огонь живет! Живет и медленно растет, разгорается в большое, жаркое пламя. Это было очень трудно — с одной спички сохранить огонь. Но ему, мальчишке, тогда всерьез казалось, что огонь может жить. И какой увлекательной задачей было не дать ему погаснуть, не дать умереть! Каким счастьем было сохранить это трепещущее пламя жизни!

Веткин прошел мимо своего дома и повернул на Парковую улицу. В глазах неотступно полыхали, потухая и разгораясь опять, далекие костры детства. Который теперь час, четыре, пять или шесть утра, доктор не знал. Небо на востоке посветлело. Ветер стих. Тьма постепенно редела, рассеивалась. К Веткину вернулось ощущение действительности.

Он глубоко, всей грудью вдохнул свежий воздух и повернул к детской больнице.

Было еще слишком рано, и доктор прошел через двор, черным ходом. В коридоре на продавленном диванчике дремал, подложив под голову шапку, сторож Акимыч. Громыхание докторской палки разбудило его. Акимыч не удивился раннему приходу Веткина. Он неторопливо поднялся с диванчика, пригладил ладонями реденькие волосы и, сняв с гвоздя ключ, побрел за доктором.

Веткин ждал у дверей кабинета.

— Погасло, Акимыч, погасло,— проговорил он отчетливо, когда сторож вертел ключ в замочной скважине.

— Что погасло, Алексей Алексеевич?

— Пламя жизни погасло, друг. Живой огонь.

Веткин вошел в кабинет и, не раздеваясь, сел на тот одинокий стул у стены, на котором обычно присаживались матери его пациентов.

— Погасло,— повторил он.— Совсем!

Акимыч топтался в дверях.

— Может, вам надо чего, Алексей Алексеевич? — спросил он.

— Чаю бы покрепче,— сказал Веткин.

Сторож вышел. Веткин продолжал молча сидеть, опершись локтями о колени и обхватив голову руками. Теперь он почувствовал, что страшно устал и не может двинуться с места. В голове пусто и тяжело. Ноги ломило.

Тем временем совсем рассвело. Белые полосы забегали по потолку, и в окно стало видно, как раскачиваются черные лапы деревьев. Без стука вошел Акимыч. Расстелив газету, поставил на стол железный чайник, кружку, достал три кусочка сахару.

— Это откуда? — спросил Веткин.

— А домой сходил. Старуха вскипятила,— просто ответил сторож.— И вот халатик ваш захватил. Вы пальтецо-то снимите, Алексей Алексеевич.

Старик налил ему чаю.

— Что, ребеночек-то велик был?

— Лет восьми,— тихо ответил Веткин.

— Мать, отец молодые?

— Молодые.

— Ну, это ничего,— протянул Акимыч.— Еще дети будут. — Он помолчал немного. — Я в молодости двоих потерял. В деревне раньше какая же медицина? Никакой, почитай, медицины. Затоскует малый — и нет его. Как ветром сдуло. Потом война одного взяла. Взрослый уже был. Этак, поди, труднее. А четверо вот живут, радуют. Выучились, живут. — Он опять немного помолчал. — Жизнь-то, она сильна все же, посильнее прочего будет...

Доктор слушал и вместе с тем думал о чем-то своем, невеселом. Веки его сузились, низко опустились брови.

— Стар я,— прохрипел он.— Стар. Надо кончать. На пенсию.

Акимыч недоверчиво усмехнулся.

— Вам-то, Алексей Алексеевич? На пенсию? Не пустят.

— Кто? — серьезно спросил Веткин.

— А люди. Лет, небось, сорок отдали городу.

— Сорок,— подтвердил Веткин. И перед ним как-то сразу предстала вся его жизнь. Да, бессменная вахта! Здесь каждый знает его в лицо. Пожалуй, нет дома, в котором он бы не побывал. А сколько материнских глаз, затуманенных слезами и сияющих радостью, видел он! Сколько рук пожимали ему руку в безмолвной благодарности!

— Людям вы нужны, Алексей Алексеевич, вот что,— услышал он голос Акимыча и вспомнил, что ему действительно с утра пораньше нужно быть в стационаре, что потом у него прием и что его ждут еще десятки дел, которые нужно, необходимо сделать сегодня. Да, это так. Но ведь всему приходит конец... Просто нет больше сил. И потом этот шепот, этот тихий, в самую душу запавший голос: «Уходите, уходите!» Доктор зажал уши ладонями, но шепот рос, рос — и не прекращался.

— Хватит! — сказал Веткин тихо.

Он снял халат, бросил его на спинку стула. Потом уронил голову на руки и беззвучно заплакал. Заплакал от бессилия, потому что понял: сегодня впервые за сорок лет он не начнет свой день обычным обходом больных, совсем нет сил. Первый раз за сорок лет.

IV

Ладыгин спал плохо, и снилась ему какая-то чертовщина. Он увидел степь и длинную, до самого горизонта дорогу. В степи горела трава, и от каждой былинки к небу поднималась тонкая струйка дыма. Эти струйки, как громадные нити, ритмично колебались то вправо, то влево. А по дороге, опираясь на палку, с мешком за плечами шагал Веткин. «Подайте обывателю копеечку,— жалобно тянул он. Останавливался, стучал палкой по твердой земле, будто нащупывая дорогу, и опять тянул: — Копеечку обывателю».

«Да он слепой!» — догадался Ладыгин и проснулся.

Было серо и сумрачно. Утро только начиналось. Сергей Андреевич взглянул на диван — никого. Странно. Неужели так и не приходил? Тут он действительно услышал какой-то стук. В дверь с улицы негромко, но настойчиво стучали. Он быстро оделся, прошел в переднюю и, не спрашивая, открыл дверь. На пороге стояла женщина. Она удивилась Ладыгину: верно, ждала, что откроет ей кто-то другой.

— Алексей Алексеевич? — она устало провела рукой по глазам.

— Его нет.

Точно боясь упасть, женщина сделала несколько шагов вперед, так что Ладыгин отступил в переднюю.

— Где он?

— Право, не могу сказать. Вероятно, в больнице.

— В больнице... В больнице.— Она уставилась неподвижным взглядом в его лицо; он подвинул стул.

— Присядьте.

Женщина села.

— Как же? — сказала она упавшим голосом.— Он мне очень нужен.

И в голосе и во взгляде ее было что-то до того беспомощное, что Сергею Андреевичу стало жаль ее.

— А в чем, собственно, дело? — спросил он.

Женщина вдруг задрожала, как от озноба. Руки ее на мгновение безжизненно опустились, но сейчас же, с силой стиснув пальцы, она прижала их к груди.

— Девочка у меня умерла,— она почти задыхалась.— Дочка!

Ладыгин почувствовал, что и у него дрожат руки, но никак не мог справиться с этой дрожью.

— Я обидела Алексея Алексеевича.— Глаза ее теперь налились слезами, и она опустила голову. Слезинки падали на полы ее пальто.— Вы же знаете, какой он человек!

Все это так поразило Ладыгина, что он совершенно растерялся. Он стоял возле нее и молчал, не замечая, что наружная дверь открыта и в передней похолодало. Женщина поднялась и, не прощаясь, ушла.

Ладыгин еще долго стоял в холодной передней. Да, что-то значил доктор Веткин для этих людей, если мать в такой тяжелый для нее день пришла к нему... «За гробом такого весь город пойдет»,— подумал Ладыгин с какой-то тревогой. А что, если его собственная жизнь, на вид полная значения и успехов, на самом деле мельче, тусклее жизни Веткина? Студенты не любят его, считают злым и холодным. И эта книга «Радищев и медицина»... Ведь он делал ее не для людей, нет, он писал докторскую диссертацию, только диссертацию. Так зачем же это? Зачем? Бросить все и уехать. Бежать, бежать в такой вот городишко. В деревню. Лечить детей, как Веткин. Почувствовать себя необходимым, нужным. Нужным, как воздух. Чтобы люди и жить без него не могли.

— Решено, решено! — вслух твердил Ладыгин, но сам чувствовал, что все это слова. Никуда он не убежит: бессилен.

Он стал быстро ходить по комнате, как вчера, от стола к стене. Потом подошел к окну и прижался лбом к холодному стеклу. Солнце поднялось уже довольно высоко. День обещал быть ясным и теплым. Чистая синева неба отражалась на снегу и окрашивала сугробы в неуловимые голубоватые тона.

Ладыгин открыл форточку. Свежий воздух с запахом талого снега и звонким воробьиным чириканьем ворвался в комнату. Сергей Андреевич увидел и воробьев. Веселой стайкой они прыгали посреди дороги, взъерошенные, оживленные, может быть, оттого, что своим птичьим инстинктом тоже угадывали приближение весны.

— Ну, нет, это не пустые слова! — сердито сказал Ладыгин.— Решено, решено!

Он поднял глаза и на противоположной стороне улицы увидел Веткина. Доктор шел своей обычной походкой, немного бочком, выбрасывая далеко вперед тяжелую палку. Лицо его было сурово и холодно, глаза смотрели вниз, под ноги. Вдруг Веткин остановился. Кажется, его кто-то окликнул. И в следующий момент Ладыгин увидел, что к нему бежала женщина, та, что недавно была здесь. Она бросилась к старому доктору и прижалась лицом к его груди.

Она, конечно, плакала. Веткин обнял ее за плечи, и они долго стояли так посреди улицы. Потом доктор стал осторожно вытирать ее щеки. Он что-то тихо и робко говорил ей, но что именно, Ладыгин не слышал.

Он все смотрел и смотрел на них. Да, видно, еще горели, горели живые огни, которым никогда не погаснуть! Женщина взяла доктора под руку и, поддерживая его, повела вперед. И так они шли, не оборачиваясь, будто отец с дочерью. Все шли и шли рядом. И пока можно было их видеть, Ладыгин не отходил от окна.

ЛЮДИ И ОПЫТЫ

Д. ХРАБРОВИЦКИЙ

Профессор Л. М. Шабад в своей лаборатории.
Фото Н. Ананьева.

О раке знают уже давно. В раскопках египетских пирамид, на костях мумий, пролежавших четыре тысячи лет, ученые обнаружили злокачественные наросты — саркомы, явившиеся причиной смерти погребенных там фараонов. Четыре тысячелетия назад, как и сегодня, люди болели раком. Папирус Эберса, написанный за полторы тысячи лет до нашей эры, уже повествует о раковой болезни. Древние индийские поэмы упоминают о раке. Великий Гиппократ, один из Колумбов медицины, не только описывает раковую болезнь, но и классифицирует ее по группам.

Можно без преувеличения сказать, что раковой проблеме посвящены не сотни, а сотни тысяч работ, опубликованных на многих языках мира. Пожалуй, ни одна другая проблема не стоила человечеству такого титанического труда, как проблема рака. Пожалуй, никакая другая проблема не вызвала такое колоссальное количество горьких неудач, жестоких разочарований, несостоявшихся открытий.

Но если в каждой отрасли знаний метод рождался из опыта, то при решении проблемы рака долгое время были разобщены опыт и метод. Лаборатория замыкалась в круг собственных идей. Клиника шла вперед своей дорогой. Клиницисту-врачу, каждый день встречающемуся с человеком, который требовал от него действенной помощи, некогда было ожидать открытий лаборатории, так долго и так безуспешно блуждавшей в потемках. И сначала ощупью, вполуслепую, потом все настойчивей и увереннней врач вступал в борьбу со своим загадочным, непонятным врагом один на один, без помощи лаборатории. От героических хирургов прошлого, от открытия Рентгена, от сарая на улице Лямон в Париже, где Пьер и Мария Кюри добыли первые крупицы радия, начинается этот путь.

И хотя на первых порах туманными и спорными казались причины раковой болезни, хотя возбудитель рака долгое время был вообще неулозимым, усилия клиницистов не остались тщетными. Это могут засвидетельствовать многие сотни тысяч больных, практически исцеленных от рака. История медицины изобилует подобными парадоксами. Разве Эдуард Дженнер не открыл свою антиоспенную прививку более чем за сто лет до появления самого понятия о вирусах — возбудителях и виновниках оспы? И хотя бацилла туберкулеза была обнаружена Робертом Кохом уже в 1882 году, понадобилось еще свыше шестидесяти лет, прежде чем удалось найти эффективные методы лечения этой болезни. И, тем не менее, вряд ли кто-либо осмелится утверждать, что метод, рожденный из опыта, не окажется рациональней и действенней. Время блуждания в потемках миновало.

Мы хотим рассказать о новых шагах, сделанных экспериментаторами на пути решения проблемы рака. Путь этот не окончен. Сейчас еще рано давать оценки той или иной работе, преждевременно делать выводы. Речь идет об эксперименте, и только об эксперименте. Но хочется верить: быть может, завтра опыт выйдет за стены лабораторий и станет методом... Хочется верить...

Из первых поисков

Было слишком много теорий, трактующих по-своему причины раковой болезни. Не подтвержденные опытом, они отбрасывались, заменялись другими, которые, в свою очередь, не выдержав строгой проверки, уступали место новым. Все это сейчас имеет лишь исторический интерес...

Первые серьезные наблюдения принадлежат английскому хирургу П. Потту. В 1775 году он описал распространенный среди трубочистов рак кожи. В те времена каминные трубы очищали мальчики. Полуголыми они опускались в узкие дымоходы, снимая сажу и копоть не столько специальными приспособлениями, сколько собственной одеждой и кожей. Тела трубочистов постоянно подвергались воздействию продуктов перегонки каменного угля. К двадцати — двадцати пяти годам юноши заболевали раком.

Рак стал профессиональной болезнью, и в девятнадцатом столетии в Англии издали специальный закон, запрещающий использовать детский труд на подобных работах. «Рак трубочистов» постарел: раком стали заболевать и сорокалетние трубочисты. Закон не помог.

Эти странные обстоятельства, описанные П. Поттом, не могли не привлечь внимания других ученых. Чтобы разобраться в причинах болезни трубочистов, экспериментаторы различных стран в течение многих лет пытались воспроизвести на животных раковую опухоль, смазывая их кожу сажей или каменноугольной смолой.

Долгое время эти попытки не имели успеха. Лишь через сто пятьдесят лет, уже следующим поколениям ученых — японцам Ямагива и Исикава,— удалось искусственно вызвать опухоль. Полтора года регулярно, дважды в неделю, они втирали в кожу кроликов каменноугольную смолу. Сперва на месте воздействия выпала шерсть, потом, через два — три месяца, кожа утолщилась и покрылась бородавками, представлявшими собой при микроскопическом исследовании доброкачественные кожные опухоли, и, наконец, изъязвляясь на поверхности и прорастая вглубь, бородавки перешли в рак.

Эти опыты показали, что раковая опухоль возникает не сразу, ей неизменно предшествует так называемое предраковое состояние. И если на определенном этапе прекратить смазывать смолой кожу кроликов, рака может и не быть. Это наблюдение имело впоследствии важное значение для своевременного предупреждения болезни. Как выяснилось потом, предраковое состояние характерно и для многих других форм рака не только у животных, но и при заболевании людей.

Однако открытие японских ученых пролило лишь слабый луч света на причины раковой болезни. Разные каменноугольные смолы вызывали разное количество опухолей. «Рак трубочистов» чаще всего встречался в Англии, в Голландии наблюдалось меньше случаев, во Франции и Германии еще меньше. В России никогда не сталкивались с таким видом рака. Очевидно, действенное начало заключалось не в самой каменноугольной смоле, а в каком-то из элементов ее химического состава.

Спустя много лет после опытов японских ученых английским химикам Куку и Кеннеуею, которые применили открытый ими метод спектрографического анализа, удалось выделить из смолы, а потом и приготовить в лаборатории химически чистое углеводородное вещество, вызывающее у животного опухоль. Такие многоядерные углеводороды получили наименование канцерогенов.

Канцерогены в печени человека

Опыты продолжались. Оказалось, что одно и то же канцерогенное вещество вызывает различные по своему строению опухоли. Если им смазывать кожу, появляется рак — злокачественная опухоль из покровных клеток. Если канцероген попадает под кожу, начинает расти саркома — злокачественная опухоль из соединительной ткани или мышц.

Наряду с раковыми опухолями канцерогены вызывали образование просто доброкачественных опухолей, которые часто грозят перейти в рак.

Советским ученым Л. С. Морозенской, Я. С. Кленицкому, Е. Л. Пригожиной при помощи химически чистых веществ удалось вызвать у животных раковые опухоли внутренних органов — печени и матки. Значит, канцерогены, попав под кожу, могут разноситься по организму и проявлять свою активность даже вдали от места введения.

Коллектив советских исследователей, работавших под руководством профессора Л. М. Шабада, установил, что многие канцерогены не так уж далеки по своему строению от щелочных кислот и половых гормонов, вырабатываемых человеческим организмом.

А может быть, в теле ракового больного удастся обнаружить вещества, которые также могут вызвать опухоль?

Л. М. Шабад и сотрудники его лаборатории взяли печень человека, погибшего от рака. Ткани печени измельчили и залили бензолом, который служит отличным растворителем искусственно приготовленных канцерогенных веществ. Бензол извлек из печени растворимые продукты, потом их отогнали при низкой температуре и полученную вытяжку ввели под кожу мышам.

Контрольной группе мышей сделали прививку из экстракта печени человека, умершего по другой причине.

Шли месяцы. Никакие проверки не констатировали у мышей признаков заболевания. Уже перестали верить в успех опыта, как однажды, спустя почти год после начала эксперимента, профессор Шабад зашел в помещение, где содержались мыши. Он взял в руки одну из них. Вдруг пальцы его ощутили какое-то небольшое затвердение под кожей зверька.

Неужели опухоль?!

Он не поверил себе. Но у следующей мыши тоже прощупывалась опухоль... Третья оказалась без опухоли... Зато четвертая, пятая, шестая...

Профессор вбежал в соседнюю комнату. Он предлагал каждому потрогать мышей, чтобы удостовериться самолично. Сомнений не оставалось: это были опухоли, знакомые опухоли, ничем не отличавшиеся от тех, которые так лег-

ко и просто научились вызывать канцерогенами.

Итак, стало известно, что в теле человека, погибшего от рака, содержатся вещества, после введения которых у мышей растет опухоль. Но, пожалуй, не менее важным было и другое. У некоторых мышей из контрольной группы, которым ввели экстракт здоровой печени, также появились опухоли.

Чем это объяснить? Возможно, некоторое количество веществ, близких к канцерогенным, находится и в теле здорового человека. Постепенно накапливаясь в организме, они впоследствии вызывают образование опухолей. Отчего же в таком случае одни люди заболевают раком, а другие нет? Казалось бы, если в каждом организме, пускай очень медленно, накапливаются вредные вещества, все люди рано или поздно должны подвергнуться заболеванию. Часть исследователей объясняет этот процесс как следствие нарушенного обмена веществ, в котором немаловажную роль играет нервная система.

Советские ученые А. Д. Сперанский, С. И. Лебединская, А. А. Соловьев, производя опыты на животных, показали, что можно влиять на развитие раковой опухоли, перерезая или же раздражая нервные стволы.

Были установлены и другие причины, вызывающие появление раковых опухолей; среди них воздействие рентгеновых, ультрафиолетовых, радиевых и даже солнечных лучей. (Если крысу в течение 6—8 месяцев ежедневно по многу часов облучать солнцем, у нее тоже появляется опухоль.)

Значит, не одни канцерогены были виновниками заболевания животных. Как можно было объяснить все это? Ясного ответа на поставленные вопросы не последовало.

Опухоль в пробирке

Если кусочек органической ткани величиною с булавочную головку поместить в питательный раствор, то она, оторванная от организма, будет жить. Старые клетки будут заменяться новыми, обусловливая рост ткани. В некоторых лабораториях выращиваются культуры тканей людей, которые умерли свыше 25—30 лет назад.

...Ученые высказали резонное предположение: если канцерогенные вещества — главные «действующие лица» в процессе заболевания раком, то опухоль должна развиться и в пробирке на культуре ткани.

Но в пробирке ничего подобного не происходило, хотя ученые А. Д. Тимофеевский и С. В. Беневоленская более года настойчиво воздействовали на соединительную ткань сильнейшим канцерогенным веществом — метилхолантреном...

Тогда те же ученые поставили другой опыт, поместив культуру мышиной ткани в один сосуд с вирусом рака молочных желез мышей. Но и этот эксперимент закончился безрезультатно. Никакого злокачественного перерождения в клетках не наблюдалось.

В третьем опыте были соединены два элемента воздействия — метилхолантрен и вирус. И то, что так долго не удавалось получить, с блеском продемонстрировали советские ученые. Под действием канцерогена и вируса нормальные клетки в пробирке видоизменились: это был рак.

Значит, и вирус и метилхолантрен сами по себе оказались несостоятельными. Только объединяясь, они обретали силу. Но что из них играло главную роль: метилхолантрен или вирус? И при чем здесь вирус?

Вирус и проблема рака

В 1910 году великий русский ученый И. И. Мечников высказал предположение, что раковая болезнь вызывается вирусами — мельчайшими микроорганизмами, обладающими размерами в десятые, сотые доли микрона и размножающимися только внутри живой клетки. При этом вирус рака, должно быть, мало болезнетворен: для проявления активности ему необходим ряд особо благоприятных условий.

Не прошло и года, как предположение Мечникова получило первое экспериментальное подтверждение.

В Нью-Йорке, в Институте медицинских исследований, молодой бактериолог П. Раус исследовал саркому кур — болезнь, которая давно уже была известна птицеводам. Мало веря в успех своего эксперимента, Раус тщательно растер опухоль и, разведя образовавшуюся массу водой, пропустил ее через мельчайший фильтр, задерживающий бактерии и клетки. Бесклеточный фильтрат он ввел в грудную мышцу здоровых кур. Через 14—18 дней все подопытные птицы заболели куриной саркомой.

Сначала Раусу не поверили. Его опыт был многократно повторен другими исследователями. Тот же результат! Все данные подтверждали: возбудитель саркомы кур не что иное, как вирус.

Договорились о том, что куриная саркома должна рассматриваться как исключение из общего правила.

Прекрасно. Но чем глубже велись исследования, тем неумолимей расширялся круг этих «исключений»! Оказалось, что вирусы вызывают различные опухоли у птиц, кроликов, мышей и других животных. А самым ярким доказательством вирусной природы некоторых злокачественных заболеваний явился рак молочных желез мышей.

Считалось, что эта мышиная болезнь передается потомству по наследству. Скрещивая больных зверьков, в лабораториях выводили целые поколения — раковые линии мышей. Наследственность рака казалась неоспоримой. Но случилось так, что один из самых ярых сторонников этой гипотезы, американский ученый Дж. Битнер, сам не подозревая того, обнаружил, что суть-то тут вовсе не в наследственности, а в вирусе, который попадает в организм новорожденной мышки вместе с молоком матери. При этом мыши были восприимчивы к вирусу только в первые недели своей жизни. Но даже и в этом случае новорожденная мышь заболевает не сразу: проходит 8—12—15 месяцев, и требуется еще ряд условий, прежде чем вирус, попавший в ее организм, проявляет свою болезнетворность.

Какие же условия способствуют активности вируса? Ученые предполагают, что этому способствует наличие в организме очагов молодых, делящихся клеток. Причиной появления этих очагов могут быть, в частности, и канцерогены. Если раздражать ими, например, кожу кролика, то клетки в месте повреждения начинают усиленно размножаться. А это как раз то, что благоприятствует деятельности вируса.

Как будто логически все обосновано. И можно было бы считать, что поиски возбудителя рака успешно завершены, если бы не одно существенное обстоятельство: в большинстве раковых опухолей и главным образом в опухолях, возникающих в организме человека, вирусы обнаружить не удалось.

Правда, с помощью электронного микроскопа, увеличивающего в десятки тысяч раз, в опухолях сфотографировали вирусоподобные тельца. Однако эти же самые тельца нашли и в клетках здоровых тканей людей, никогда не болевших раком. Кстати, в тканях здорового человека их было значительно меньше, чем больного.

Как же примирить между собой все эти противоречивые данные?

И еще один пример со старой неразгаданной загадкой о саркоме кур. Когда извлекали экстракт опухоли не на пятый, а на сороковой день болезни и вводили его здоровым птицам, ничего особенного не происходило: куры не заболевали саркомой. Видимо, в созревшей за сорок дней опухоли вирус терял свою силу.

А иногда казалось, что вирус и вовсе пропадал. Американский ветеринар Рихард Шоп заметил, что среди диких кроликов, обитающих в Канзасе, распространена болезнь, которая в своей начальной стадии представляет собой бородавочные разрастания на коже — папилломы. В папилломе легко обнаруживается вирус, посредством которого заболевание можно передавать от кролика кролику. Однако вскоре папиллома переходит в рак, и прежним способом, то есть прививкой бесклеточного экстракта, вирус в опухоли уже нельзя обнаружить.

Но куда же в таком случае исчезал вирус? А что, если он и не исчезал, а лишь скрывался, облачаясь в маскарадный костюм?

Чужеродный белок

Вирус, как и клетка любого организма, состоит главным образом из белка. Но белок вируса отличен по своему строению от белка животного: он чужой в его организме. И если вирус находится в опухоли, пускай даже в замаскированной форме, не проявляя своей болезнетворности, его все равно можно обнаружить, хотя бы в качестве чужеродного белка.

Десятки самых чувствительных реакций были использованы, чтобы раскрыть «инкогнито» вируса, и все они дали отрицательные результаты. Основываясь на безуспешных опытах, исследователи пришли к единодушному выводу, что в опухолях нет никакого чужеродного белка, а следовательно, нет и никакого вируса. Это положение стало аксиомой и вошло во все руководства по онкологии.

Аксиома? Иногда жизнь опровергает самые бесспорные истины. Советский ученый Л. А. Зильбер с помощью особо чувствительной реакции, специально разработанной им для этой цели, все-таки обнаружил в опухолях чужеродный белок.

...В пище человека и животных содержится много белков. Попадая в желудок, они перевариваются в нем, распадаются на составные части. Сам организм строит из них свои собственные белки.

Но стоит чужеродному белку попасть не в желудок, а в какую-либо другую часть тела, как судьба его станет иной. Организм начнет вырабатывать особые вещества, которые вступают во взаимодействие с «незваным гостем». Отношения могут быть разными: ядовитый белок нейтрализуется, безвредный выпадает в осадок и растворяется. Как бы то ни было, защитные свойства не дадут пришельцу распространиться по организму.

Так или иначе организм всегда реагирует на чужеродный белок. Если подопытную свинку подготовить соответствующим образом, эта реакция может быть очень бурной и очень заметной: свинка погибнет от спазма кровеносных сосудов — шока.

Прошли долгие годы, полные кропотливейшего труда, прежде чем Л. А. Зильберу и его сотруд-

Профессор Л. А. Зильбер (справа) вместе со своими сотрудниками З. Л. Байдаковой и Т. Г. Гасановым рассматривает снимки вирусов.
Фото О. Кнорринга.

Вирусоподобные частицы, извлеченные из раковой опухоли желудка человека.

никам удалось наконец разработать тончайшую реакцию и поставить опыт. Этот опыт должен был обнаружить чужеродный белок в раковой опухоли человека даже в том случае, если он находится там в небольшой концентрации, даже если чужеродный белок прочно перемешан с белками здоровых тканей.

...Это произошло будничным рабочим утром. В окна лаборатории смотрело солнце. Морские свинки, на долю которых выпало стать участницами одного из значительнейших открытий в науке, легкомысленно бегали по своей клетке.

В специальном сосуде булькала вода: там кипятили шприцы. Из холодильника принесли ампулы с экстрактом печени человека, погибшего от рака. Все было готово для опыта.

...Выйдет или не выйдет? Сейчас свинке будет сделан укол. Если в раковой опухоли не содержится никакого белка, кроме того, который есть в клетках здоровой печени, укол не окажет на организм животного никакого действия. Но если чужеродный белок действительно существует...

Л. А. Зильбер берет в руки шприц. Нехитрая, уже тысячи раз проделанная операция. Проходит минута, другая, третья. Все молчат. Только слышно, как в углу в металлическом сосуде булькает вода.

В поведении свинки нет ничего необычного. Она подходит к краешку стола, к чему-то принюхивается.

Что ж, значит, опять неудача? Проходит еще минута, и вдруг... свинка усиленно чешет нос... Вот она уже опрокинулась на бок. Лапки ее сводят судороги... Секунда — и свинка мертва... Шок!

Шок... Значит, в раковой печени человека есть белок, которого нет в здоровой печени. В это трудно поверить сразу. Неужели то, что так долго не поддавалось самым чувствительнейшим реакциям, вдруг обнаружило себя?

Опыт повторили с особенной тщательностью. Новая свинка, так же, как и предыдущая, погибла от шока. Еще одна, седьмая, десятая, сотая... Шок! Шок! Шок!

Наблюдение, чрезвычайно важное по своему значению! В раковой опухоли человека искали вирусы, пытались обнаружить их в качестве чужеродного белка. И вот этот белок найден. Он доказан со всею неопровержимостью. Но... является ли он белком именно вируса — это еще вопрос, который требует своего разрешения. Теперь уже исследователи не остановятся на полпути.

Отныне можно считать установленным: опухоли содержат чужеродный белок. Само по себе это уже крайне значительно, и не только в чисто теоретическом отношении. Открытие имеет и огромный практический смысл.

Об антираковом иммунитете

У раковой болезни неприятная особенность. Иногда спустя два — три года, пять лет после успешной операции, когда, казалось бы, опухоль была полностью удалена, рак вдруг возвращается снова. Врач обнаруживает в каком-нибудь другом органе, а то и в нескольких сразу новые опухоли. Борьба начинается сначала. Вести ее уже много труднее, чем в первый раз.

А возможно ли выработать в организме невосприимчивость к рецидиву, к возвращению болезни?

Медицине давно известно, что человек, перенесший тиф, оспу, скарлатину и ряд других инфекционных заболеваний, крайне редко болеет ими вторично. Почему же в таком случае рак составляет исключение?

Пока считалось, что в опухолях нет никакого постороннего организму чужеродного белка, попытки воспроизвести иммунитет не имели научного обоснования. Дело в том, что иммунитет — это прежде всего реакция организма на чужеродный, именно чужеродный, а не на свой собственный белок. Раз нет чужеродного белка, то не может быть и иммунитета. Но белок найден, и, следовательно, должен быть и иммунитет. Как же его создать в организме?

Этот вопрос имеет длинную историю. Еще в конце прошлого столетия русский исследователь М. А. Новинский показал, что опухоли можно перевивать от одного животного другому, и чтобы достичь успеха, следует оперировать лишь в пределах одного биологического вида: от кролика — кролику, от мышей — мышам.

Наблюдая эти перевивки, ученые заметили, что в иных случаях опухоль растет, достигает значительной величины, а потом вдруг сама собой рассасывается. При этом животному, у которого произошло рассасывание, уже не удается вновь привить такую же опухоль. Оно оказывается невосприимчивым.

Исследователи пытались использовать эти явления. Профессор А. М. Безредка предложил вводить в кожу небольшое количество живых опухолевых клеток. Он установил, что они рассасываются и организм при этом становится невосприимчивым к раку. Но увы! Хотя у большинства подопытных животных клетки действительно рассасывались, все же у некоторых они отлично приживались, и вместо иммунитета, наоборот, появлялась опухоль.

В дальнейшем был избран иной путь: под кожу подопытных животных вводили убитые или же ослабленные клетки. Ученые рассчитывали, что само присутствие в организме убитых клеток способно вызывать в нем образование особых веществ, которые и обусловливают иммунитет к раку.

Но расчеты не оправдались: убитые клетки не создавали никакого иммунитета. А что касается ослабленных клеток, они неизменно вызывали новые опухоли.

После открытия, сделанного Л. А. Зильбером, несколько прояснились причины всех этих неудач. Иммунитет к опухоли, очевидно, можно вызвать с помощью чужеродных белков, обнаруженных в пораженных тканях. В убитых клетках этот белок оказывался также убитым, поэтому ничего не выходило из опытов. В ослабленных клетках хотя и сохранялся белок, но сами клетки, приживаясь, вызывали не иммунитет, а опухоль.

Значит, нужно было каким-то образом выделить из раковых клеток неповрежденные белки. Но как это сделать?

Исследования, проведенные Л. А. Зильбером, З. Л. Байдаковой и Р. М. Радзиховской, разрешили этот трудный вопрос. Им удалось выделить из раковых клеток неповрежденные белки.

Теперь нужно было испробовать их иммунное действие. По нескольку раз белки вводили под кожу животных, и животные в большинстве случаев становились невосприимчивыми к тем видам опухолей, из которых извлекались белки.

Опыты ставили с разнообразными опухолями мышей, крыс, кроликов. При одной из форм рака кроликов удалось большинство животных сделать иммунными. Интересно отметить, что даже в тех случаях, когда прививка не спасала от заболевания, оно протекало гораздо медленнее и метастазы в опухолях наблюдались в меньшем количестве.

Сейчас представляется очевидным, что впервые удалось искусственно создать иммунитет к опухолям извлеченными из них белками. Но можно ли быть уверенным в их безвредности?

К многочисленным опытам на животных авторы добавили опыты и на самих себе. Л. А. Зильбер и З. Л. Байдакова сделали друг другу по три прививки белкового вещества, извлеченного из раковой опухоли желудка человека. Никакой реакции, кроме небольшого повышения температуры, не наблюдалось.

Итак, лабораторные опыты завершены. С полным основанием мы спрашиваем у исследователей:

— Можно ли сделать человека иммунным, не восприимчивым к раку?

— Эксперимент дает основания считать, что человека, перенесшего операцию рака, можно сделать устойчивым к рецидивам или метастазам опухоли.

— Много ли пройдет времени, прежде чем все это начнет применяться в клинике?

— От эксперимента к клинике тернистый путь. Потребуется немало усилий, чтобы воспроизвести у человека то, что уже удалось у животных. Но... можно верить, что сейчас, когда найдено принципиальное решение вопроса, эти трудности будут преодолены в ближайшем будущем...

Будем верить...

Без скальпеля, рентгена и радия

Это было более полугода назад. В одной из больничных палат клиники Института экспериментальной патологии и терапии рака мне показали больного. Он лежал на крайней кровати, у окна, молчаливый и замкнутый.

Профессор слегка приподнял одеяло. На правой стороне шеи, занимая все пространство до самой ключицы, поднималась опухоль. Большая. Величиною с голову новорожденного ребенка.

Я хотел обратиться к больному, но профессор движением глаз остановил меня.

— К чему нежности,— больной с трудом приподнялся в подушках,— я же не гимназистка. Я знаю: дела мои уж очень скверные.

Профессор присел на краешек кровати и взял его руку в свою:

— Неправда. Вас будут лечить. Новым средством. Абсолютно новым средством.

Больной страдал семиномой — раком семенных желез. Время уже было упущено: раковые клетки по лимфатическим сосудам успели проникнуть в другие органы. Шейные лимфоузлы поразил метастаз: там образовалась новая опухоль. До сих пор такое состояние считалось безнадежным.

...Спустя несколько месяцев наступила весна. Как-то утром я снова пришел в институт. Знакомый коридор, дверь в палату открыта. Я остановился на пороге. Крайняя кровать у окна была пуста. «Умер?!»

Кто-то коснулся моего плеча. Я обернулся и вздрогнул от неожиданности. Это был тот самый больной, с крайней кровати. Но что-то изменилось в нем. Ах, да — опухоль! Опухоли не было. Не было никаких признаков ее!..

Больному не делали операции. Раковую ткань не подвергали разрушающему воздействию радиоактивных излучений. Ее уничтожили с помощью нового химического препарата — сарколизина.

Создание сарколизина является каким-то итогом больших поисков. Как и каждый шаг в проблеме рака, эти поиски имеют свою историю. С давних пор ученые в различных странах пробуют вмешаться в обмен веществ, происходящий в опухолевых клетках, нарушить его с помощью химических препаратов и таким образом остановить рост опухоли. История сохранила огромный список имен... Сотни, тысячи опытов...

Чем только не пытались воздействовать на опухолевую ткань! Кальцием, магнием, серебром, железом, золотом, платиной, цинком, свинцом, висмутом, иодом, мышьяком, серой, селеном, рядом органических веществ, в том числе красок. Один из исследователей перепробовал подряд 144 различные краски и, отчаявшись, отказался от дальнейших экспериментов. Порою опыты на животных давали повод для обнадеживающих выводов. Но по мере перехода в клинику энтузиазм угасал, как спичка, вспыхнувшая на ветру. То, что в иных случаях действовало на искусственные, перевиваемые опухоли мышей, совершенно не действовало на естественные опухоли человека...

Ученые избрали иные дороги. Под кожу крысе вводят 50 миллиграммов раковых клеток. Спустя месяц прогрессирующая опухоль достигает веса 50 граммов. Количество клеток, а вместе с ними и белка увеличилось в тысячу раз. Как затормозить этот рост?

Если представить себе белок как строящееся здание, то «кирпичи» на этой стройке — аминокислоты, а «цемент», который скрепляет их, — нуклеиновые кислоты. И те и другие попадают в организм вместе с пищей, и те и другие одновременно необходи-

мы для питания как здоровых, так и раковых клеток. Но в раковой опухоли клетки размножаются быстрее, чем в нормальных тканях. Следовательно, опухоль требует для себя больше и нуклеиновых и аминовых кислот. Этим свойством и решили воспользоваться экспериментаторы.

План заключался в следующем: ввести в организм больного большое количество искусственно приготовленных видоизмененных аминовых и нуклеиновых кислот, нарушить этим самым процесс построения белка вообще, а следовательно, в первую очередь процесс построения белка в опухоли, где он происходит интенсивнее. А раз произойдет торможение в белковом синтезе, то и остановится рост опухоли.

Такие искания велись во многих институтах мира, в том числе и в научных центрах Советского Союза.

Опыты длились месяцами. Но результат оказался ничтожным. Хотя рост опухоли приостанавливался, но одновременно задерживался и рост нормальных клеток. При этом тормозящее влияние на рост злокачественной ткани так незначительно превышало вредное воздействие на здоровую ткань, что игра не стоила свеч. Тогда ученые, работающие в области химиотерапии рака, избрали иную тактику. Они пытались создать препараты, обладающие избирательным действием: разрушая опухоль, не затрагивать при этом здоровых органов.

Одним из подобных препаратов и является сарколизин. Но и он появился не сразу.

Ядовитое жальце

Еще в начале сороковых годов в некоторых клиниках стали испытывать целебные свойства хлорэтиламинов — химических препаратов, представляющих собой азотные аналоги иприта.

У нас в стране появился свой препарат из этого ряда — эмбихин. Он был изготовлен профессором В. Г. Немецом и введен в практику профессором Л. Ф. Ларионовым.

Его использовали для лечения злокачественных заболеваний лимфатической системы и органов кроветворения.

Однако ни в эксперименте, ни в клинике не было случая, чтобы опухоль рассосалась под воздействием эмбихина. Даже при болезнях крови и лимфатической системы он всего лишь тормозил трагическое развитие заболевания.

Перед экспериментаторами встала задача: найти для яда прямую дорогу к недрам опухоли, отравить ее ядом, убить навсегда. В качестве «проводников» яда избрали «кирпичи» и «цемент», из которых создается белок — аминовые и нуклеиновые кислоты. И к каждому «кирпичику» пристроено ядовитое жальце — подвешено по молекуле эмбихина. Теперь с помощью аминокислоты, проникая непосредственно в недра опухолевых клеток, эмбихин будет убивать их, не поражая при этом других органов.

Разработкой этой идеи занимался профессор Л. Ф. Ларионов. В химической лаборатории Института экспериментальной патологии и терапии рака под руководством А. С. Хохлова ее осуществили молодые химики Е. Н. Шкодинская и О. С. Васина. Так появился на свет сарколизин.

Опыты были поставлены на большом количестве крыс, которым привили злокачественную опухоль—«крысиную саркому 45».

После 3—4 вливаний сарколизина опухоль рассосалась полностью у всех без исключения подопытных животных! Такого разительного действия еще никогда не приходилось наблюдать!

Более того, если на первых порах лечение начинали спустя 12 дней после перевивки, когда опухоль достигала лишь 5 граммов, то в последующих опытах стали вмешиваться в течение болезни даже на 25-й день — всего за 7—10 дней до естественной гибели животного. Но и при таких «запущенных формах рака» от опухоли, весящей уже не 5, а 30 граммов, не оставалось никакого следа. Излечение оказывалось стойким, рецидивов не наблюдалось.

Почти одновременно с сарколизином по аналогичной схеме был изготовлен другой препарат — допан. Молекулу эмбихина присоединили к азотистым основаниям нуклеиновых кислот — пиримидиновым основаниям.

...Я видел женщину, больную миэлоидной лейкемией — раком крови. Анализ крови показывал 200 тысяч лейкоцитов вместо 6—8 тысяч по норме. Положение было катастрофическим, безнадежным. Больную лечили допаном — по одной таблетке через 18 часов. Спустя две недели количество лейкоцитов снизилось до нормы. Человек возвратился к жизни.

Я видел и других больных, на которых лечение сарколизином и допаном оказало явное и несомненное целебное действие.

Однако таких случаев пока еще очень немного. И, увы, необходим немалый срок, чтобы окончательно убедиться в действенности нового препарата. Нужны длительные наблюдения, которые определят круг заболеваний, подвластных воздействию сарколизина и допана.

В клинике Института экспериментальной патологии и терапии рака под руководством профессора Н. Н. Блохина идут настойчивые, упорные поиски.

Мне довелось присутствовать в операционной, когда Н. Н. Блохин пробовал комбинировать хирургические методы лечения с применением новых химических препаратов. Много по-человечески обнадеживающего и радостного заключено в этих поисках. Хирургические операции дополняются попытками воспроизвести иммунитет к метастазам извлеченными из опухоли белками. Испытываются и другие новые методы воздействия на опухолевую ткань, о которых говорить еще преждевременно. Сделан лишь один маленький шаг, открывший новые перспективы. Впереди снова путь — длинный и трудный, который предстоит пройти...

* * *

Когда-нибудь напишут книгу, которая запечатлеет самую волнующую из эпопей в науке. Она будет посвящена победе над раком. Ее украсит много различных имен, потому что в великих поисках один шаг дополняется другим, независимо от того, где работает ученый.

Сейчас уже заполнено немало страниц этой волнующей книги. И ошибаются те, кто поддается малодушию, верит в фатальную бесперспективность лечения этой тяжелой болезни.

Рак излечим. Он излечим даже теми средствами, которыми сегодня располагают клиницисты. В одних случаях это скальпель хирурга, в других — лучи Рентгена и радия, в третьих — химические и гормональные препараты. Новая методика сложнейших операций, сочетание различных методов лечения, успехи лучевой терапии — все это заслуживает отдельного очерка. Достаточно пройти по палатам онкологических клиник, чтобы воочию убедиться, как много людей вылечивается от рака.

В Государственном онкологическом институте имени Герцена мне показали таблицы. Цифры — упрямая вещь. С ними нельзя не считаться. Люди, больные раком кожи, стойко излечиваются в 95 процентах случаев. Рак шейки матки дает 80 процентов стойкого излечения, если больные обращались к врачу в ранней стадии заболевания. Близки к этому результаты лечения рака молочных желез. Даже при таком тяжелом заболевании, как рак желудка, 70 процентов больных, которых оперировали в первой стадии, живут многие годы. Поэтому так важно при первых же признаках болезни обращаться к врачу, а не махать в отчаянии рукой, считая себя обреченными.

Рак будет полностью побежден. Это уже совершенно ясно и не вызывает сомнений. Мы полны глубокой веры, и порукой нам служит труд ученых — неутомимых, упорных и вдохновенных искателей.

Профессор Н. Н. Блохин в своем кабинете.

Деревья

Владимир СОЛОУХИН

У каждого дома
Вдоль нашей деревни
Раскинули ветви
Большие деревья.

Их деды сажали
Своими руками
Себе на утеху
И внукам на память.

Сажали, растили
В родимом краю.
Характеры дедов
По ним узнаю.

Тот к цели путями
Несложными шел:
Воткнул под окном
Неотесанный кол.

И хочешь не хочешь,
Мила не мила,
Но вот под окном
Зашумела ветла.

На вешнем ветру
Разметалась ветла,
С нее ни оглобли
И ни помела.

Другой похитрее,
Смотрел он вперед:
От липы и лапти,
От липы и мед.

И пчелы летают
И мед собирают,
И дети добром
Старика поминают.

А третий дубы
Насадил по оврагу:
Дубовые бочки
Годятся под брагу.

Высокая елка —
Для тонкой слеги.
Кленовые гвозди —
Тачать сапоги.

Обрубок березы —
На ложку к обеду...
Про все разумели
Премудрые деды.

Могучи деревья
В родимом краю.
Характеры дедов
По ним узнаю.

А мой по натуре
Не лирик ли был,
Что прочных дубов
Никогда не садил!

Под каждым окошком,
Вдоль каждого тына
Рябины, рябины,
Рябины, рябины...

В дожди октября
И в дожди ноября
Наш сад полыхает,
Как в мае заря!

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

К 20-летию студии военных художников имени М. Б. Грекова

Борис **ПОЛЕВОЙ**

Никогда не забудется виденное мною однажды на волжском берегу у сталинградской переправы в грозном 1942 году. Разрушенный город, превращенный несокрушимой волей его защитников в неприступную крепость, горел. Густые дымы и бурое пламя пожаров отражались в хмурой, холодной воде. Гром перестрелки не смолкал ни днем, ни ночью. А когда под утро канонада несколько стихала и реку и город окутывал холодный, промозглый туман, маленькие трудолюбивые, до смешного мирные катера, хлопотливо треща моторами, перевозили в город подкрепления.

Эти подкрепления, не переставая подтягивавшиеся сюда, ожидая переправы, сосредоточивались в кустах. Тут, у самого причала, у фанерного синенького домика, бывшего, вероятно, когда-то яличной станцией, на стене, прошитой пулеметной очередью, висел уже выгоревший плакат, приклеенный хлебным мякишем: охваченная огнем улица, кусок издолбанной пулями красной, как кровь, кирпичной стены и под ее защитой солдат у пулемета. Руки его, вцепившиеся в рукоятки боевой машины, точно окаменели, старая пилотка сбита на ухо. В лице застыла такая воля, в глазах такая целеустремленная, холодная ярость, что понимаешь: этот не отступит. Он будет стрелять, даже если его смертельно ранят. Он не подпустит врага, пока в нем бьется сердце.

Под плакатом, как помнится, была лаконичная надпись: «Бей насмерть!» Но сам рисунок был так выразителен, что надпись казалась лишней. Эта страстная сила целеустремленного, боевого искусства доходила до сердца. У плаката все время толпились солдаты в тяжелых, набухших от осенних дождей шинелях. Они ничего не говорили, только смотрели, эти загорелые, обветренные фронтовики, шагавшие по многим и многим трудным дорогам войны и знавшие, куда понесет их через несколько минут хлопотливый катер. Тут, возле плаката, они как бы присягали самим себе — стоять насмерть там, в городе, становившемся легендарным.

Невдалеке, в заливчике, в зарослях ивняка, артиллеристы молча, в полнейшей тишине грузили на понтоны пушки и боеприпасы. И я думал, что этот вот выгоревший, полуистрепанный степными ветрами плакат, как магнит, притягивающий к себе солдат, вселяющий в них волю и веру в победу,— тоже грозное для врага оружие.

Сценка у волжской переправы, врезавшаяся в память, приходит мне на ум всякий раз, когда доводится снова прикасаться к разнообразному и в то же время очень своеобразному творчеству талантливого боевого коллектива советских художников-баталистов, объединенных студией имени М. Б. Грекова.

В свое время славнейший русский художник-баталист В. Верещагин говорил, что нельзя дать обществу картины войны настоящей, неподдельной, «глядя на сражение в бинокль из прекрасного далёка». Художник должен сам все прочувствовать и проделать, участвовать в атаках, штурмах, победах. Митрофан Греков, первый советский баталист, запечатлевший для грядущих поколений незабываемые картины гражданской войны, последовательно осуществил этот завет. Он был не только художником-воином, но и воином-художником. Его полные динамики и жизни полотна, такие, как знаменитая «Тачанка», «Трубачи Первой Конной», «Бой за Ростов у Генеральского моста», «Кавалерийская атака» и многие другие, получив всенародное признание, стоят в ряду лучших произведений советского искусства. Как и по «Железному потоку» А. Серафимовича, по «Чапаеву» Д. Фурманова, «Разгрому» А. Фадеева, так и по этим полотнам новые поколения советских людей постигают все величие вдохновенного подвига героев гражданской войны.

М. Б. Греков стремился «показать только историческую правду, как он видел ее собственными глазами, и он знал, что эта правда настолько прекрасна, так насыщена подлинным героизмом восставших масс, что она не нуждается ни в каком искусственном приукрашивании. И поэтому полотна художника Грекова с их беспредельными южными степями, охваченными революционным пожаром, красными всадниками, в дыму кровавых схваток мчавшимися навстречу смерти и победе,— навсегда останутся ценнейшими живыми документами суровой и великой эпохи классовых битв».

Эти взволнованные слова, дающие краткий и столь выразительный анализ творчества нашего первого художника-баталиста, взяты мной не из труда искусствоведа, а из приказа К. Е. Ворошилова по Наркомату обороны, посвященного смерти художника. По этому же приказу была организована изомастерская самодеятельного красноармейского искусства имени М. Б. Грекова, которая вскоре выросла в студию, ставшую сейчас одним из самых видных коллективов мастеров изобразительного искусства в нашей стране.

Я остановился здесь на творчестве М. Б. Грекова потому, что не только рождение и наименование студии, но и вся ее большая, разносторонняя, интересная работа, давно уже получившая всенародное признание, неразрывно связана с именем этого выдающегося баталиста. Художественный коллектив студии, вступившей в дни Великой Отечественной войны в пору расцвета, все ее живописцы, графики, скульпторы в лучших своих работах, каждый по-своему, в особой манере продолжали и развивали традиции М. Б. Грекова, суть которых так точно раскрыта в приказе К. Е. Ворошилова.

Они видели войну собственными глазами. Они знали, верили: военная действительность так насыщена беспримерным героизмом советского народа, сражающегося за честь и независимость социалистической Родины, что ее не нужно ни лакировать, ни искусственно «приподнимать», ни приукрашивать. И из всей массы виденного, из грандиозных батальных панорам, ежедневно развертывавшихся на гигантском фронте, протянувшемся от Белого до Черного моря, грековцы умели в лучших своих работах выбирать самое характерное, что с наибольшей полнотой передавало суть наблюденного, в чем отражался не только сегодняшний день, но уже набухали, прорастая, зерна дня завтрашнего и послезавтрашнего.

Кочуя в силу своей беспокойной профессии военного корреспондента по фронтам Отечественной войны, на разных участках боя, где иной раз решалась судьба сражения, я часто видел человека в военной форме с походным этюдником, или с огромной папкой, или даже комом глины, из которой в короткий перерыв между боями порхающие пальцы искусно лепили простое солдатское лицо. В любой другой армии, кроме нашей, человек с этюдником, усердно делающий свои наброски под свист пуль, был бы, пожалуй, непонятен или даже немыслим. Мы же не видели в этом ничего особенного. Наше искусство, рожденное в народе, всегда было с народом. И в том, что оно, это искусство, в трудные для нашей Родины дни было там, где в смертельной схватке с силами фашизма решалась судьба Отечества, есть своя закономерность.

И, встретив в окопе или солдатской землянке человека, у которого, кроме обычного солдатского или офицерского оружия, были и атрибуты художественной профессии, можно было и не спрашивать, кто он такой. Было ясно, что это художник из студии Грекова. Художники с натуры рисовали подлинное лицо войны, запечатлевали по горячим следам героизм советских людей и там, на фронте, копили бесценный, неповторимый материал — этюды, зарисовки, наброски, эскизы для своих полотен, картонов, скульптур.

Остро и тонко наблюденная правда жизни — самое драгоценное, чем располагает художник, создавая произведение. Это и отличает лучшие батальные и вообще военные работы таких мастеров студии, как Н. Жуков, П. Кривоногов, Е. Вучетич, Б. Неменский, А. Кокорин, И. Евстигнеев, К. Китайка, А. Горпенко, И. Лукомский, В. Дмитриевский, В. Богаткин. Смотришь на их работы теперь, через много лет после войны,— и вдруг начинаешь волноваться, чувствуя, что талант художника как бы переносит тебя в те героические дни. «Советская конница в боях под Москвой» и в особенности полная молчаливого величия «На Курской дуге» П. Кривоногова, чудесные картины «Мать» и «Друзья-однополчане» Б. Неменского, «Ночной бой» и «В прифронтовой землянке» И. Евстигнеева, небольшой, но полный страсти боя графический картон Н. Жукова «За Родину, за Сталина!» и его же лирический рисунок «Утро в партизанском лесу», «Трасса жизни на Ладоге» В. Богаткина и «Враг сброшен в море» П. Баранова и, наконец, полные внутренней динамики и глубокого смысла скульптуры Е. Вучетича «Памятник генерал-лейтенанту М. Г. Ефремову» и в особенности величественный монумент «Воин-освободитель» в Берлине — все эти работы народ признал, полюбил, назвал своими.

Смотришь на образы советских воинов, запечатленные во всех этих и многих других работах студийцев,— и понимаешь, что все это нельзя было рассмотреть в бинокль из безопасного далёка: на снегу настоящая, а не бутафорская кровь, хмурые дымы точно бы отдают запахом пороховой гари, а вдохновенная воля, боевая сосредоточенность, целеустремленная сила в облике персонажей, ликование победы, горечь утрат — все это подлинное, вырванное из жизни.

За 20 лет со дня основания студии коллектив ее прошел богатый творческий путь. И на выставке, посвященной его 20-летию, приятно было убедиться в том, что

Л. Ф. Голованов. А. Я. ПАРХОМЕНКО. Из иллюстраций к повести Вс. Иванова «Пархоменко». 1955 год.

П. А. Кривоногов. ЗАЩИТНИКИ БРЕСТСКОЙ КРЕПОСТИ.

Выставка «20 лет студии военных художников имени М. Б. Грекова».

советские баталисты не почили на лаврах, а продолжают работать над неисчерпаемой военной темой и в работе этой совершенствуют, как бы умудряют свое мастерство.

Отличную новую картину показал на этой выставке И. Евстигнеев. Сухой степной зной, пороховая гарь, чад пожаров. Окоп и в нем горстка бойцов с пулеметом и противотанковым ружьем. Танковая атака, но атакующих машин не видно, они где-то там, вне поля зрения. На лицах солдат, у каждого по-своему, у каждого поиному, написано напряжение, огромное, одухотворенное, боевое напряжение, возникающее, когда человек уже решил для себя: выстоять, выстоять, чего бы это ни стоило, умереть, но выстоять. Один из бойцов уже вылезает из окопа, протягивая руку за противотанковой гранатой. И понимаешь, чувствуешь, догадываешься, что этот обязательно зажжет танк и, быть может, станет героем. Несмотря на остроту ситуации, картина проникнута оптимизмом, верой в победу. Называется она «Под Сталинградом» и достойна этого названия.

Полотно П. Мальцева «Крейсер «Варяг» посвящено бессмертному подвигу экипажа героического корабля. Художники наши не раз уже обращались к этой странице истории русского флота, но все, что написано до сих пор на эту тему, было слишком уж иллюстративно и больше откликалось на известную русскую песню, чем на бессмертный подвиг команды «Варяга». П. Мальцев сумел запечатлеть настоящую народную драму — без искусственных поз, без ложного пафоса. Корабль уже тонет. Волны перекатываются через борт обреченного судна, но оно ведет бой, и люди — от командира до палубного матроса,— зная, что через считанные минуты они погибнут, и каждый по-своему переживая это, продолжают борьбу. Если бы не несколько чрезмерная старательность в выписывании деталей, испортившая многие хорошие картины последних лет, эту работу можно было бы назвать отличной.

Внимание посетителей выставки привлекала служившая не раз предметом споров картина Б. Неменского «Дыхание весны». Талантливый художник, которого мы полюбили за образ солдатской матери, на этот раз попытался совершенно по-новому раскрыть облик советского воина. Прифронтовой лес. Весна. Рассвет. Лучи раннего солнца, пробившись сквозь голые еще деревца, осветили картину пробуждающейся природы. На плащ-палатке, прикрытые шинелями, отдыхают утомленные боем солдаты. Один из них, загорелый здоровяк, по-богатырски раскинувшись, спит крепким окопным сном вдоволь натрудившегося человека. Но робкие солнечные лучи, а может быть, и птичий щебет, разбудили его юного соседа. Тот проснулся и замер, пораженный прелестью пробуждающейся природы, распускающейся вербой, подснежниками, запахом весны. Нежный облик юного воина, умеющего и тут — «в лесу прифронтовом», где на исклеванной снарядами земле притаились замаскированные в хвое танки,— восхищаться прелестью весеннего утра, вызвал вдруг гнев некоторых критиков.

П. Т. Мальцев. КРЕЙСЕР «ВАРЯГ».

Выставка «20 лет студии военных художников имени М. Б. Грекова».

Как так: война — и вдруг соловьиные трели, подснежники, восторженные юношеские глаза? Не «раздвоенная» ли душа у этого солдата? Таким ли должен быть советский воин? Можно ли так показывать солдат?

Многочисленные отзывы посетителей выставки, почти единодушно одобряющих новую картину Неменского, думается мне, решили спор в пользу художника. Но в связи с этой интересной картиной хочется сейчас сказать несколько слов о самом направлении советской батальной живописи вообще. Мне думается, что искусство наших советских баталистов, и коллектива студии Грекова в частности, несколько обедняется тем, что само наименование «баталист» часто понимается слишком уж буквально, по-старинному. Дескать, баталист должен показывать баталию, то есть боевую схватку, ближний бой, штыковую атаку, отражение танковой атаки, разрывы гранат. Так ли это? Или, вернее, только ли так?

В минувшей Отечественной войне противники часто сражались, отстоя друг от друга на большом расстоянии, иногда на много километров. Для современного советского баталиста важно представить себе не только «баталию», то есть ближний бой, но и найти художественные средства, сюжет, композицию для того, чтобы передать психологию, внутренний мир советского солдата, его героизм, мужество, волю к победе в момент их наивысшего взлета, даже и в том случае, когда противник на картине не показан и вообще далек от места действия.

У М. Б. Грекова есть небольшое полотно «В отряд к Буденному». Пустая, раскаленная степь, и по ней едет шажком всадник в военном, ведя с собой и вторую лошадь. Он бросил поводья и свертывает самокрутку. Два низкорослых казачьих конька бредут как бы сами по себе. И все. Ни выстрелов, ни разрывов. Ни убитых. Ни искаженных лиц. Тем не менее это глубокая и умная батальная картина, раскрывающая секрет победы Красной Армии в гражданской войне. Казак, никем не мобилизованный, сам распростился с родной хатой. Он забрал с собой самое дорогое, чем тогда располагал крестьянин,— коней — и едет в Красную Армию, чтобы сражаться за родное ему дело. Для советского баталиста картины такого рода, раскрывающие неразрывное единство армии и народа, или гуманные цели героических побед советских воинов, их благородное поведение в чужих странах, куда они пришли как освободители, не менее значительны, чем показ самого боя. Во всяком случае, такое раскрытие войны, самой сути наших побед — связи народа с армией, делающей ее непобедимой,— не менее важно, чем непосредственное воспроизведение боевых эпизодов.

В связи с этим хочется остановиться на полотнах двух молодых художников: М. Самсонова, интересно, на мой взгляд, показавшего подвиг юного колхозника

К. Д. Китайка. В. И. ЧАПАЕВ. **Выставка «20 лет студии военных художников имени М. Б. Грекова».**

Саши Чекалина,— спрятавшись за печкой, юноша застыл со взведенной гранатой в руке, готовый поразить зашедших в избу оккупантов,—и картину В. Кузнецова «Перед боем», посвященную одной из самых благородных и героических тем Великой Отечественной войны. Наша Коммунистическая партия была единственной из всех существующих на земле партий, в которую люди вступали в самые трудные для государства дни, когда быть коммунистом означало первым идти в атаку, выполнять самые опасные боевые поручения. Сколько раз у убитых беспартийных солдат в гимнастерках находили записки: «Если погибну, считайте меня коммунистом»! И эта великая тема до сих пор еще не нашла достойного отражения в изобразительном искусстве.

И вот картина В. Кузнецова: фронт, блиндаж в притушенном освещении коптилки, как бы передающем минуты тишины, какие всегда бывают перед большим сражением; солдату вручен партийный билет. Художник сумел передать целую гамму чувств человека в этот значительный момент его жизни: и гордость, и радость, и внутреннее, скупо, но выразительно запечатленное волнение, и серьезные, задумчивые лица товарищей.

У обеих этих картин, написанных молодыми художниками, хорошее качество: они, останавливая зрителя, заставляют его задумываться, мысленно дописывать то, чего не сказал автор, делают зрителя как бы соавтором живописца. А это — тоже свидетельство крепнущего мастерства.

Привлекают внимание посетителей: историческое полотно В. Дмитриевского, И. Евстигнеева и Г. Прокопинского «Рождение Красной Армии», показывающее эпизод исторического сражения у Пскова; волнующая картина П. Кривоногова «Защитники Брестской крепости», запечатлевшая героический подвиг советских воинов; романтический портрет В. И. Чапаева, сделанный К. Китайкой.

Особо хочется поговорить о картине Петра Кривоногова «Седьмой удар», и не потому, что эта огромная по размеру картина является досадной неудачей способного живописца, а потому, что такая неудача характерна для иных батальных картин. Сюжет весьма незамысловат: стоят бойцы с автоматами перед кукурузным полем, и им навстречу из зарослей вылезают перепуганные фашистские вояки с поднятыми руками. Солдаты, как водится, молодец к молодцу, противник же испуганный, жалкий, весьма антипатичного облика. Не война, а игра в поддавки. Такие картины, или, вернее, такие тенденции в творчестве иных художников, волей-неволей принижают само значение побед Советской Армии, отнюдь не легко и не просто ей дававшихся, а всегда являвшихся результатом мудрой стратегии Коммунистической партии, зрелого полководческого мастерства, высоких боевых и моральных качеств советских воинов. Нечего уж и говорить, что война не бывает такой, как она представлена в картине Кривоногова; «шапкозакидательские» попытки подобного рода не имеют ничего общего с реализмом в искусстве.

И еще хочется сказать о графике. Графика в искусстве — все равно что жанр рассказа в литературе. Это боевая разведка, идущая впереди других жанров, быстро реагирующая на все новое на своем пути, чутко откликающаяся на все интересное, характерное. В дни войны графика грековцев была хорошей боевой разведкой. Отличные рисунки Н. Жукова, А. Кокорина, интересные серии В. Богаткина, П. Баранова и многих других художников говорят о том, какими большими силами эта разведка искусства располагает. Но, увы, ничего особенно нового эти мастера на последней выставке не показали, ничем не откликнулись они на будни Советской Армии, заполненные сегодня большой и напряженной учебой.

Коллектив художников студии имени Грекова переходит в свое третье десятилетие в расцвете творческих сил. Жизнеутверждающее и многообразное по творческой манере искусство грековцев является боевым оружием. Хочется пожелать, чтобы в новом десятилетии все мастера этого коллектива в полную силу своих разнообразных и ярких дарований трудились над созданием новых документов «суровой и великой эпохи классовых битв»!

Великий поэт польского народа

К 100-летию со дня смерти Адама Мицкевича

Национальный поэт польского народа Адам Мицкевич принадлежит всему человечеству. Именно потому его имя бесконечно дорого нам, что он, выразитель чаяний своего народа, был в то же время страстным борцом «за вашу и нашу свободу».

В возвышенности идей, которым безраздельно отдан был поэтический гений Мицкевича, в необыкновенном благородстве и обаянии его личности скрывается причина того глубокого взаимопонимания, которое устанавливалось между певцом польского народа и выдающимися представителями других наций.

Моя любовь не так, как
на цветке пчела,—
Не на одном почила человеке,
Но все народы обняла
От прошлых дней доныне и
вовеки.
И не столетье, не одну семью,—
Весь мир я принял в грудь
свою,
Как море принимает реки.

Эти проникновенные строки, вложенные в уста Конрада, героя поэмы «Дзяды», выражают широту души самого поэта, вобравшей в себя безбрежное море страданий людей, необыкновенно отзывчивой и чуткой к народному горю, содрогающейся святой ненавистью к тирании, к душителям свободы.

Мицкевич — сын своей эпохи. Он отобразил судьбу своего народа в один из самых трагических периодов его истории, и это объясняет нам многое в противоречивом сознании поэта, в сложном творческом пути, который он прошел. И, разумеется, не временное и преходящее, не частные заблуждения следует видеть прежде всего в художественном наследии Мицкевича.

На отдалении целого века, прошедшего со дня смерти поэта, с предельной ясностью вырисовывается для нас все величие, те ценнейшие черты облика художника-борца, которые роднят его с современностью, делают его вечно живым в памяти потомков.

Как гениальный поэт, Мицкевич был и не мог не быть выдающейся личностью, незаурядным, но поистине земным человеком. Уже ранние его стихи поражают богатством внутреннего мира, потрясающей правдивостью человеческих чувств. Одной любовной лирики, посвященной Марыле Верещак, проникновенных песен и описаний природы, грациозных шуток и импровизаций было бы достаточно, чтобы поставить имя поэта в один ряд с ярчайшими представителями мировой поэзии. Ступень за ступенью Мицкевич поднимался все выше в своем творческом самосознании. Превозмогая боль и отчаяние собственного сердца, он сумел возвыситься до подлинных вершин гражданской скорби и гражданского мужества.

В то время, когда Мицкевич вступал на литературное поприще, в польской поэзии безраздельно господствовал классицизм. На долю молодого поэта выпала нелегкая благородная миссия — выступить против мертвящего засилия канонизированных правил одряхлевшей пиитики и утвердить поэзию вдохновения, страсти, живых человеческих чувств. Подняв знамя романтизма, Мицкевич отстаивал требования самого передового, революционного крыла в европейском романтизме.

Бесспорно правильные выводы делают исследователи, когда отмечают благотворное влияние на Мицкевича передовых литературных идей, воспринятых им в России от Пушкина и его окружения. Блистательный расцвет русской поэзии и направление ее развития еще больше убедили Мицкевича в правильности избранного им пути. Бесспорно и то, что своеобразные романтические формы, в которые отливались мысли и чувства Мицкевича, наиболее соответствовали духу его свободолюбивой поэзии и были необходимой ступенью в развитии реализма.

Глубоко личное, сокровенное, сохраняя всю трепетность и неповторимость человеческой судьбы поэта, все больше, однако, отступало в творениях Мицкевича на задний план, растворяясь в общенародных чаяниях и тревогах, подчиняясь высоким целям борьбы за свободу Польши, за человеческое благоденствие.

Мятежные думы, богоборческие мотивы, условно романтическая символика — все это были формы и средства воплощения освободительных идей, которыми насквозь проникнута муза поэта.

Жертва полицейского сыска и жестоких преследований со стороны царских властей, свидетель кровавых последствий восстания 1830 года, Мицкевич не только лично страдал. «На гневный лад настроив лиру», он взывал к продолжению борьбы, укреплял веру в грядущую победу над темными силами беззакония и порабощения. Только пламенная любовь к своему народу могла породить такие редкие по силе поэтического выражения строки:

Как сын глядит безумным оком,
Когда отца ведут на эшафот,
Так я гляжу на мой народ,
Ношу его в себе, как носит
мать свой плод...

Тяжкие испытания, через которые суждено было пройти Мицкевичу вместе с лучшими сынами польского народа, обратили ищущий дух поэта к самым важным социальным проблемам эпохи. Пусть противоречивы и во многом наивны общественно-политические взгляды, складывавшиеся у Мицкевича под влиянием исторических событий. Суть их, однако, в том, что поэт приходил к мысли о порочности и недолговечности миропорядка, основанного на угнетении, насилии, социальном неравенстве. Осуждая на страницах «Пана Тадеуша» спесивых магнатов, изобличая жестокость, бесчестье, ренегатство, поэт всецело на стороне простых, бесхитростных людей, живущих трудом своих рук. Собственность — зло, яблоко раздора, поссорившее всех в мире, рабовладелец — имя, позорящее человека. Земля и все богатства земли должны принадлежать тем, кто трудится до седьмого пота и за счет кого живет весь мир.

Среди мыслей и призывов Мицкевича-публициста много таких, которые созвучны нашим дням, выражают чувства интернациональной солидарности, идею борьбы за свободу. «Народы никак не заинтересованы в том, — писал Адам Мицкевич в «Воззвании к русским», — чтобы истреблять друг друга. День падения деспотов будет первым днем мира и дружбы народов».

Фактом в высшей степени знаменательным была сердечная дружба между гениальными поэтами двух братских народов—Мицкевичем и Пушкиным. Изгнанник, преследуемый царским произволом, Мицкевич нашел в передовой России не только ценителей своего таланта, но и единомышленников, советчиков, союзников по общему делу борьбы с деспотизмом, за священные идеалы свободы. Никакими клеветническими измышлениями и фальсификацией нельзя извратить главного, самого важного во взаимоотношениях Мицкевича с представителями передовой русской общественности. Последующие исторические события изгладили и предали забвению то, что было лишь временным осадком или отдельными неприятными оттенками восприятий. Зато навеки остались в памяти народов светлые страницы взаимной дружбы, духовного общения и братской солидарности.

Свободолюбивые мечтания и надежды Адама Мицкевича находят жизненное воплощение в современной, народно-демократической Польше. Воздавая поэту дань глубочайшей любви, польский народ вправе гордиться своим великим сыном. Вместе с поляками широко отмечают 100-летие со дня смерти поэта все народы мира.

Бессмертные творения Адама Мицкевича читают в переводах и в подлиннике, их высоко ценят и любят в Москве и Ленинграде, в Литве и Белоруссии, на Украине и в Эстонии—во всех уголках нашей необъятной страны.

Имя великого польского поэта навсегда останется символом всепобеждающих сил разума, справедливости и крепнущей дружбы народов.

Якуб КОЛАС

НА РОДИНЕ МИЦКЕВИЧА

В оправе угрюмого леса
густого
Лежащее гладью зеркальной —
Там озеро Свитезь
огромной подковой
Простор расстилает
хрустальный.

Сколько таких превосходных строк посвятил Адам Мицкевич белорусскому краю!

Заосье, родина поэта, Новогрудок, Щорсы, деревня, где и поныне сохранился большой старый дуб — «дуб Мицкевича», как называют его, — в тени которого любил отдыхать будущий поэт, Чомбров, Тухановичи — названия этих мест воскрешают перед нами детство и юность великого польского поэта, историю его

Дом-музей Адама Мицкевича в Новогрудке.

большой любви к Марыле Верещак.

Услышанные здесь сказания и песни питали творчество Мицкевича. Когда ему, жившему в изгнании, в Париже, принесли однажды сборники русских, белорусских, польских, литовских и других народных песен и сказок, он перелистал их и сказал: «Замечательно, что все эти песни, за очень малым исключением, я слышал, еще будучи ребенком, в Новогрудке, в родительском доме. Служившая у нас Гожевская знала все эти песни и распевала их вместе с девушками, приходившими прясть. В то время я знал их все наизусть и даже сейчас могу напеть любой мотив и поправить имеющиеся в книжках ошибки».

В 1922 году в связи с приездом в Новогрудок (этот город входил тогда в состав Польши) сына поэта—Владислава Мицкевича—здесь возникло добровольное научное общество, так называемый «Мицкевичевский комитет». В него вошли известные польские литераторы, исследователи творчества Мицкевича — Богуш, Ремер, Лоренц — и представители новогрудской общественности. Одной из главных задач комитета было массовое издание произведений А. Мицкевича. С 1931 по 1939 год было издано 80 тысяч экземпляров недорогого полного собрания сочинений Адама Мицкевича. На средства, собранные комитетом, была куплена земля на Малом Замке; местные жители и многочисленные посетители насыпали тут 15-метровый «Холм Мицкевича». В июне 1931 года в Новогрудке были проведены «Дни Мицкевича», во время которых состоялось торжественное открытие этого своеобразного памятника, а в доме, где жил поэт, были основаны литературный музей и библиотека.

Организаторы музея хотели сделать его научным центром, где будут собраны все материалы о жизни и творчестве Адама Мицкевича. Однако до воссоединения Западной Белоруссии с БССР этот замысел не мог осуществиться: «Мицкевичевский комитет» не имел в своем распоряжении денежных средств ни для приобретения экспонатов, ни для научной работы.

Гитлеровские захватчики, вторгшиеся в Советский Союз, разрушили и сожгли всю центральную часть Новогрудка, в том числе и Дом-музей Адама Мицкевича.

За послевоенные годы воскрешенный Новогрудок стал сравнительно крупным промышленным и культурным центром Белоруссии. Советское государство отпустило более 250 тысяч рублей на восстановление Дома-музея Мицкевича. Проведена большая работа по сбору экспонатов. В ней принимали участие многие учреждения и организации страны. Из Москвы, из Центрального государственного архива литературы и искусства, получены обнаруженные там материалы, касающиеся переписки Адама Мицкевича с Зинаидой Волконской, С. Соболевским, П. Вяземским, собственноручные переводы с польского на французский язык, а также многочисленные воспоминания выдающихся русских литераторов о польском поэте. С Украины пришли документы о пребывании поэта в Одессе и Львове, фотографии домов, где он жил.

Четыреста пятьдесят экспонатов поступило в музей из Польской Народной Республики. Среди них копии рукописей поэта, портретов, картин, документов, книги, относящиеся к жизни и творчеству Адама Мицкевича, аттестат зрелости, выданный поэту после окончания Новогрудской доминиканской школы...

Недавно в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Белорусской ССР найден очень интересный документ. Тридцать пять лет назад, 16 сентября 1920 года, в разгар боев с войсками Пилсудского, Новогрудский уездный революционный комитет издал приказ (№ 40) об организации в городе Дома-музея Адама Мицкевича. В этом приказе говорилось:

«а) В городе Новогрудке жил когда-то известный всему миру великий польский писатель — поэт, Адам Мицкевич. После него остался дом, в котором он когда-то жил, библиотека и проч.

б) Советская Власть, являясь носителем культуры и света, помнит о тех, кто на этом поприще трудился и память об них увековеченную их трудами соблюдает и оберегает. Вследствие чего ПРИКАЗЫВАЕТСЯ:

...§ 3.

Отделу Народн. Образов. немедленно приступить к организации в этом доме музея или народной библиотеки имени Адама МИЦКЕВИЧА.

§ 4.

Отделу Народн. Образов. собрать все имеющиеся в уезде книги и проч. памятки о МИЦКЕВИЧЕ и включить их в музей или библиотеку».

В каждой строке этого приказа, написанного в тяжелую для нашей страны пору,— свидетельство большой любви и уважения народов Советского Союза к польской культуре и великому сыну польского народа.

Все, что связано с именем Адама Мицкевича в Белоруссии, любовно и бережно хранят трудящиеся республики. Многие замечательные творения польского поэта переведены и переводятся на белорусский язык и с интересом читаются колхозниками, рабочими и служащими, студентами и школьниками Советской Белоруссии. Сбылась мечта А. Мицкевича, о которой говорил он в эпилоге к «Пану Тадеушу»:

Дожить бы мне до радостного
мига,
Когда пойдет по селам эта
книга,—
Чтоб девушки за пряжею
кудели
Не только бы простые песни
пели...
...Чтоб взяли девушки ту книгу
в руки,
Простую, как народных песен
звуки.

Настало время, которого так страстно ждал и за которое боролся А. Мицкевич. Все миролюбивые народы чтут сегодня память великого польского поэта.

А. ХАЦКЕВИЧ,
заведующий отделом пропаганды и агитации Молодечненского обкома КП Белоруссии.

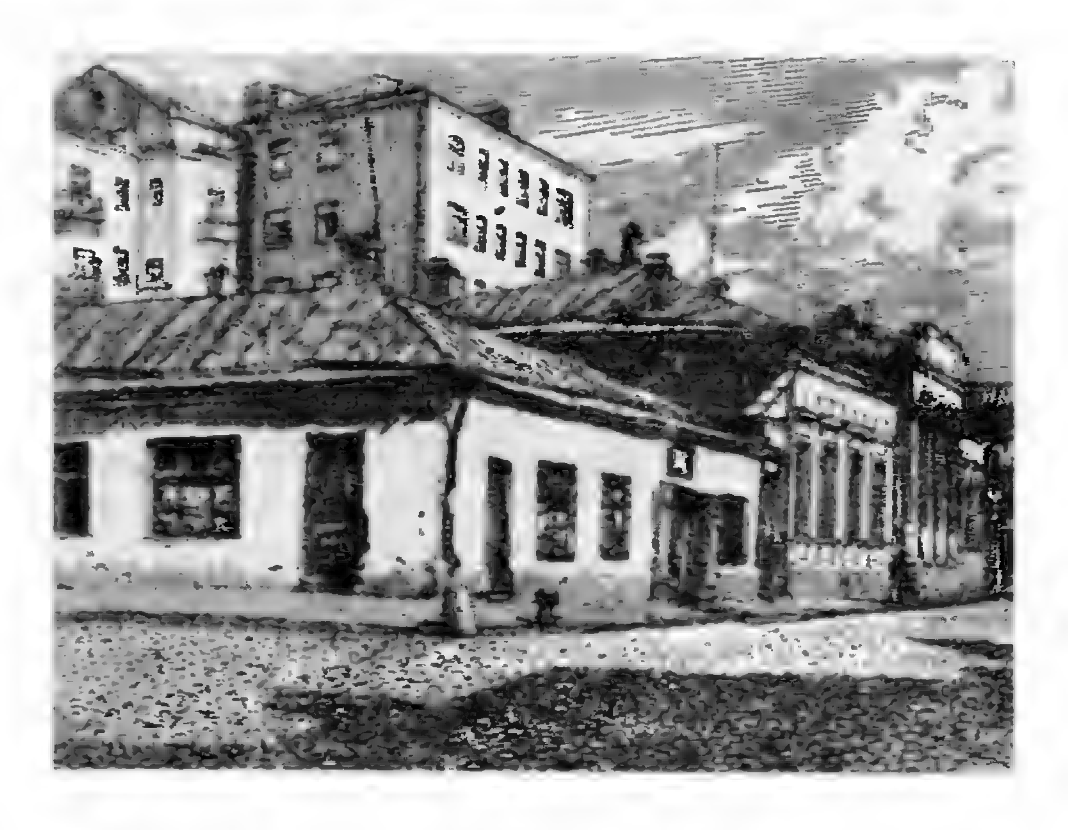
ПАМЯТНЫЕ МЕСТА

МОСКВА

Впервые Адам Мицкевич приехал в Москву в декабре 1825 года. Он очень скоро вошел в круг московских литераторов и почувствовал себя среди друзей. Приветливый, образованный, блещущий остроумием, «...он был всегда у места и в кабинете ученого и писателя, и в салоне умной женщины, и за веселым приятельским обедом».

Московские литераторы встретили польского поэта тепло и радушно. Творчество его получило здесь полное признание. Произведения поэта печатались в московских журналах. Лучшие русские поэты переводили стихи и восторженно слушали блестящие импровизации Мицкевича. Он бывал у молодого талантливого поэта Д. Веневитинова, у поэтов Е. Баратынского и А. Хомякова, у друзей Пушкина — П. Вяземского и С. Соболевского. Вскоре он стал постоянным посетителем известного в 20-х годах XIX века салона Зинаиды Волконской. В ее доме собирались художники, артисты, музыканты и писатели. Здесь устраивались литературные вечера, спектакли, чтения, концерты.

Много знакомств завязал Мицкевич в Москве. Со многими подружился. Этому способствовало блестящее знание русского языка, которым он овладел в течение нескольких месяцев.

Дом С. Соболевского, где встречались А. Пушкин и А. Мицкевич.

Но самой значительной для Мицкевича была встреча с А. С. Пушкиным. Многое роднило обоих поэтов: и любовь к своему народу и мечты

...о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.

Присутствие в Москве таких поэтов, как Пушкин и Мицкевич, заметно оживило в 1826—1828 годах здешнюю литературную жизнь. Решено было издавать под редакцией М. П. Погодина новый журнал — «Московский вестник».

Весной 1828 года Мицкевич уезжал из Москвы. Друзья провожали его. Впоследствии поэт любил вспоминать свою жизнь в Москве. После гибели Пушкина Мицкевич написал о великом русском поэте статью и, передавая ее в Россию, сказал: «...Мне хотелось бы особенно, чтобы ее прочли в Москве, где я жил в большой дружбе с русскими писателями».

Н. ВЕРХОВСКАЯ

КАУНАС

Великий польский поэт А. Мицкевич после окончания Виленского университета в 1819 году был направлен в Ковно (нынешний Каунас), где занял место учителя в шестиклассной уездной школе. Здесь поэт учительствовал по 1823 год.

Эти годы были весьма плодотворными в творчестве молодого поэта; он пишет целый ряд стихотворений: «Песнь Адама», «Песню филаретов», «Оду к молодости», баллады «Тукай», «Лилии», «Холмик Марыли», «Свитезь», «Свитезянка». В 1822 году он заканчивает поэму «Гражина», начатую годом раньше.

В 1822 году издается первый том поэзии Мицкевича, в который входят баллады и романсы, написанные большей частью в Ковно. На следующий год из печати выходит и вторая книга. В ней были впервые напечатаны поэмы «Гражина» и «Дзяды» («Поминки»). Выход в свет этих двух сборников принес широкую известность молодому поэту. Позднее, в Париже, Мицкевич писал:

Ведь от Понарских гор, от Ковна
стен родных
Со славой прозвучал
за Припятью мой стих...

Живя в Ковно, поэт бывал в окрестностях города, которые часто упоминает в своих сочинениях. Поэт особенно любил одну долину под Ковно, которая позже была названа именем Мицкевича. Эту долину он описал в «Гражине»:

Бывал я в дивной ковенской
долине.
Русалки там и летом и весною
Луг устилают пеленой цветною.
Прекраснее долины нет на свете!

В долине сохранился большой камень с инициалами «А. М.» и датой «1823». На нем любил сидеть Мицкевич. Литовский народ бережно сохраняет памятные места поэта. В дни юбилея на здании школы в Каунасе, где когда-то учительствовал Мицкевич, а также у камня в долине будут установлены мемориальные доски с барельефом поэта.

В. ЮРКШТАС

БОРОК

О. ШМЕЛЕВ

Фото Я. РЮМКИНА.

Один бывалый человек, избороздивший моря и океаны и даже дрейфовавший на льдинах, походил по Рыбинскому водохранилищу на тральщике в штормовую погоду, покачался на волнах и сказал: «Да-а, это не какая-нибудь лужа, с ним на «вы» надо разговаривать!»

В лоциях и на географических картах этот громадный резервуар именуется водохранилищем. Рыбаки, матросы, жители прибрежных сел и городов называют его морем. Простирается оно с северо-запада на юго-восток более чем на 140 километров, а ширина его местами достигает 60 километров. Вода здесь пресная и цветом похожа на крепко заваренный чай: настоялась на торфе.

Когда «делалось» это море, люди точно рассчитали его границы, они заранее знали, как оно «ляжет». Но как море будет жить, предугадать было невозможно. Для этого необходимо долго и кропотливо изучать его...

На одном из многочисленных, вдающихся в море мысов расположилась научно-исследовательская биологическая станция «Борок» Академии наук СССР. Летопись ее кратка. Еще три года назад здесь работала небольшая группа людей, которые ставили своей задачей изучить влияние водоема на развитие сельского хозяйства прибрежных районов. Группа была создана по инициативе почетного академика Николая Александровича Морозова, в прошлом известного народовольца. После революции Н. А. Морозов жил в «Борке» и скончался в 1946 году, уже будучи глубоким стариком.

Сейчас «Борок» стал неузнаваем. Руководимая Иваном Дмитриевичем Папаниным биологическая станция превратилась, по сути дела, в научно-исследовательский институт, оснащенный новейшими приборами и инструментами, ведущий многогранную исследовательскую работу.

Научные сотрудники станции изучают биологическую деятельность моря, взаимоотношения его обитателей, условия размножения и роста рыб, определяют развитие кормовой базы. Из отдельных наблюдений микробиологов, гидрологов, ихтиологов складывается глубокое знание жизни моря.

Водоемов, подобных Рыбинскому морю, в стране становится все больше, и работу биологической станции уже нельзя считать «домашним» делом «Борка». Накапливаемые ею знания пригодятся на всех других водоемах.

Конечно, немало трудностей встречается у работников станции. Расстояние до ближайших городов исчисляется десятками километров. Нет всех тех удобств, которыми располагают научно-исследовательские учреждения, работающие в крупных городах. Но зато биологическая станция «Борок» имеет большое преимущество: из окон ее лабораторий слышен шум моря, которое в этих лабораториях изучается.

Москвичей, ленинградцев, ростовчан, которые приехали сюда работать, не испугали трудности и неудобства.

Более двухсот человек занято на станции, в том числе 76 научных работников.

Станция располагает целой флотилией исследовательских судов. Лучшие из них — быстроходный «Академик Морозов», красавцы-тральщики «Академик Несмеянов» и «Академик Опарин».

Сейчас на Рыбинском море не осталось такого места, которое не было бы исследовано. В заливчиках и устьях речек, на мелководье и на глубинных местах — везде не раз брали пробы воды, грунта, планктона. Эти пробы не надо везти далеко, чтобы сделать химический анализ, взглянуть на них в бинокуляр: на судах в специальных кубриках есть настоящие лаборатории.

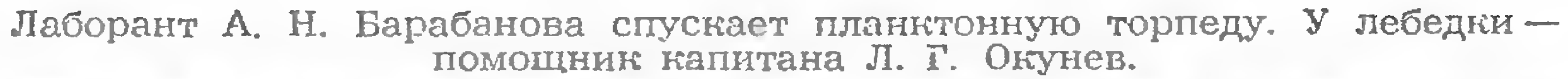
Поскольку на карте моря не осталось белых пятен, исследования ведутся на постоянных контрольных точках. Микробиологи, ботаники, геохимики, гидрологи поочередно отправляются на судах в длительные экспедиции. Вот как это бывает.

...Рано утром выходит в море очередная экспедиция на «Опарине» — группа ихтиологов под руководством кандидата наук Александра Алексеевича Остроумова.

В полдень с капитанского мостика докладывают:

Экспедиционное судно «Академик Опарин».

Лаборант А. Н. Барабанова спускает планктонную торпеду. У лебедки — помощник капитана Л. Г. Окунев.

Городок, где живут сотрудники станции.

Старший лаборант Валентин Володин (слева) и руководитель ихтиологической лаборатории А. А. Остроумов метят леща.

— Пришли в точку!

Спускается трал, и «Опарин» сразу сбавляет скорость: раскрытый трал, словно опущенный в воду громадный зонт, тормозит ход судна.

Через сорок пять минут трал выбирается. Трепещет, сверкает чешуей на солнце крупная рыба — лещ, судак, серебрится аккуратный синец...

Остроумов и старший лаборант Валентин Володин готовятся к мечению рыбы. Они садятся в шлюпку, пришвартованную к борту.

На воду бросается большой садок — сбитая из толстых брусьев квадратная рама с прикрепленной к ней сетью. В садок выпускается выбранная тралом рыба.

Валентин Володин достает сачком большого леща, измеряет его, потом быстро оттопыривает толстую перламутровую пластину жабры и щипцами прикрепляет к ней небольшую металлическую скрепочку, на которой выбиты буквы и цифры. Пока Володин производит все эти манипуляции, Александр Алексеевич осторожно, с ловкостью хирурга, отделяет от чешуйчатого панцыря рыбины несколько чешуинок,— это не обеднит наряд леща, наоборот, даже сделает его модным: над многими жителями моря уже проделана подобная операция.

Между тем лещ начинает чувствовать себя неважно, рот у него раскрыт, но тут как раз его отпускают с миром восвояси. С секунду постояв в воде светлым клинышком и придя в себя, лещ быстро уходит на дно, туда, где он привык жить и кормиться.

Валентин Володин записывает в журнал все данные о леще: место вылова, размер... Может быть, через год — два этот же самый лещ попадется в трал исследователей или в сети рыбаков, и ихтиологи, сравнив новые данные со старыми, получат ценные сведения об условиях роста рыб, об их излюбленных маршрутах.

Когда мечение рыб заканчивается, Остроумов идет в лабораторию и садится за микроскоп — определять возраст меченых экземпляров. Любопытная деталь: на чешуинках, как на срезе древесного ствола, есть кольца, и, так же как у дерева, одно кольцо обозначает один год. Сколько колец — столько лет. Даже у такой малютки, как снеток, на его микроскопически малых чешуинках есть эти годовые кольца! Оригинальный способ определять возраст по чешуе разработал старший научный сотрудник станции Федор Игнатьевич Вовк.

Рыбинское море стало рыбным. Было время, когда судака, например, вообще запрещали ловить из-за его малочисленности, а теперь он составляет пятую часть общего улова. Очень много ловится леща. Даже такие непопулярные в других местах рыбы, как чехонь и синец, в Рыбинском море выгуливают крупными и жирными. Пришедший из Белого озера снеток, о котором раньше местные рыбаки и понятия не имели, стал промысловой рыбой, и по берегу уже построены для него специальные сушилки.

Через десять дней, собрав материалы, ихтиологи возвращаются домой, в «Борок», чтобы подвести итоги, обобщить полученные сведения. А тем временем их место на судне займут сотрудники другой лаборатории — гидрохимики или паразитологи.

...Суда флотилии ходят с экспедициями по морю до самой зимы, пока море не оденется в лед. Но и тогда не прекращается работа станции. Зимой экспедиции выходят на санях.

Постепенно район действия станции расширяется. Ее научные сотрудники выезжают в экспедиции на другие озера и водохранилища Большой Волги. Обратно возвращаются довольные и радостные: всех ждет интересная работа в лабораториях. И потом, как ни хорошо на судах, а дома все-таки лучше. Сотрудники имеют удобные, просторные квартиры.

Живут дружно, весело. Много здесь молодежи. Создаются новые семьи. Не так давно, например, появилась чета Поддубных: он ихтиолог, аспирант, она гидробиолог. Артуру Георгиевичу и Тамаре Леонтьевне предоставили после свадьбы просторную квартиру с верандой.

В поселке станции строится большой клуб. Есть больничный городок. Работает школа; пока в ней только три класса, но скоро будет десятилетка.

На крепкие ноги становится «Борок»!

Кандидат наук Ю. И. Сорокин измеряет радиоактивность водорослей на установке для работы с мечеными атомами.

50 лет назад

СОБЫТИЯ В ДОМЕ ФИДЛЕРА

В статье «Уроки Московского восстания» В. И. Ленин, отмечая ход декабрьского вооруженного восстания в Москве, писал:

«9-го днем: избиение толпы драгунами на Страстной площади. Вечером — разгром дома Фидлера».

В этом доме, помещающемся в Лобковском переулке (Чистые пруды), находилось тогда реальное училище Фидлера. Здесь с ведома директора училища И. И. Фидлера в октябре 1905 года собирались митинги и собрания железнодорожных служащих, почтово-телеграфных работников, студентов, рабочих. Здесь формировались вооруженные боевые дружины.

7 (20) декабря 1905 года вышел первый номер «Известий Московского совета рабочих депутатов» с призывом 7 декабря с 12 часов дня объявить всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание.

Вечером 9 (22) декабря разыгрались кровавые события в здании на углу Лобковского и Мыльникова переулков. Об этом мы подробно узнаем из «Обвинительного акта по делу потомственного почетного дворянина Ивана Ивановича Фидлера и других».

Около 7 часов вечера пристав 1-го участка Яузской части подполковник Гедеонов получил приказание московского градоначальника немедленно отправиться в сопровождении наряда городовых и полуэскадрона 3-го драгунского Сумского полка к зданию реального училища, окружить его, арестовать и обезоружить собравшуюся там боевую дружину.

Двери здания были закрыты наглухо и заперты изнутри. Ретивые блюстители порядка продолжительно звонили, стучали в дверь, но безуспешно. Тогда было приказано сломать дверь. На ступенях парадной лестницы стояло несколько десятков людей, которые держали ружья и револьверы, направленные на вошедших. Находившийся среди дружинников И. И. Фидлер обратился к Гедеонову с вопросом:

— Господа! Что все это значит? Что вы делаете?

— Мною получен приказ обезоружить и арестовать участников данного собрания,— последовал ответ пристава.

Боевики заявили, что они согласны покинуть помещение, но оружия не сдадут и арестовать себя не позволят.

— Мы будем сопротивляться. У нас есть бомбы...

По настоянию И. И. Фидлера, доктора Н. Г. Котика и делегатов подполковник Гедеонов предоставил часовой срок для обсуждения предложенных им условий.

Затем царские сатрапы вытребовали еще роту пехоты и артиллерию. Получив подкрепление, Гедеонов объявил собравшимся, что дальнейшие распоряжения он передает ротмистру Рахманинову как начальнику военного отряда. Директор училища И. И. Фидлер был арестован, выведен из здания на улицу и поставлен позади роты солдат. Ротмистр приказал пехоте дать несколько ружейных залпов по окнам третьего и четвертого этажей. В ответ из окон и с крыши здания начали стрелять в полицию и войска, были брошены три — четыре бомбы.

Когда Гедеонов и Рахманинов решили проникнуть в помещение, их еще раз обстреляли. Разъяренные опричники произвели одиннадцать орудийных выстрелов по училищу. Только после этого сопротивление было подавлено.

В здание проникла полиция. Боевики группами выходили из блокированного войсками и полицией помещения. Все были подвергнуты тщательному обыску и тут же арестованы. Всего задержали свыше 115 дружинников.

Так закончились события в доме Фидлера. В здании, где 50 лет назад разыгрывались эти события, ныне помещаются институты Академии педагогических наук РСФСР.

М. ЭДЕМСКИЙ

Гудок первой русской революции

1905 год. Москва. Пресня.

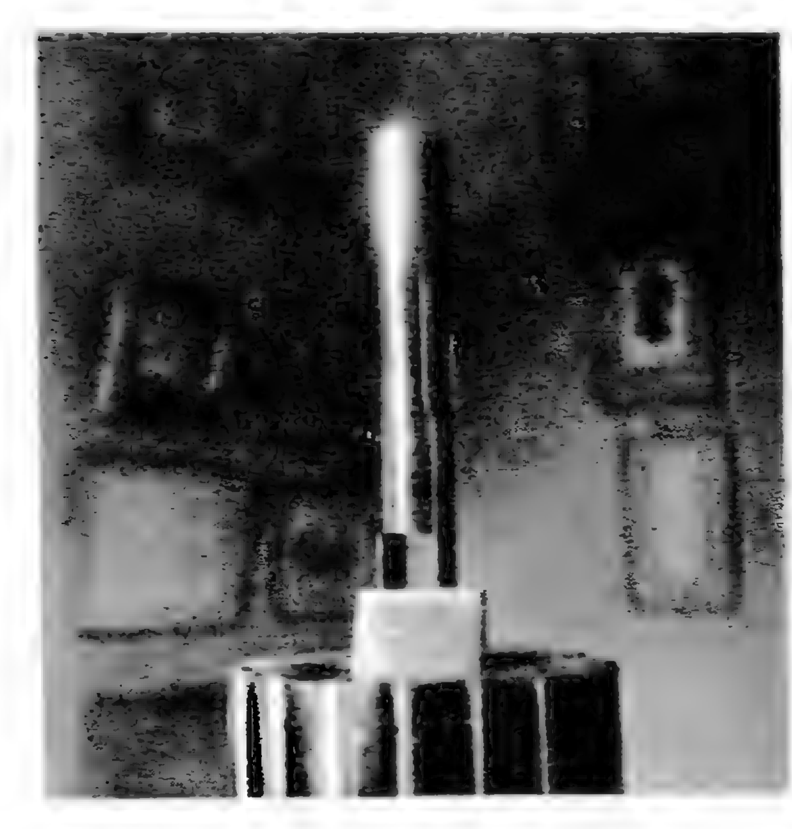
Ясный морозный день 7 (20) декабря. Уже с утра на улицах Пресни чувствовалась настороженность. На Александровский вокзал прибыла воинская часть; в парадных и дворах вокруг Брестских вагоноремонтных мастерских засели агенты охранки; в мастерских дежурил отряд жандармов. Полиция готовилась сорвать восстание. План ее был таков: в 12 часов дня, когда рабочие уйдут на обед, ввести войска в мастерские.

Гудок Брестских мастерских славился на Пресне своей зычностью; не услышать его голоса было невозможно. Руководители подпольной ячейки мастерских получили указание по 12-часовому гудку начать политическую забастовку.

В ночь перед забастовкой партийная ячейка во главе с Г. Н. Розановым собралась на совещание. Чтобы обмануть полицию, решено было дать гудок не в 12 часов, как обычно, а раньше. Выяснилось, что ни у кого нет часов. Ориентиром был взят гудок паровоза поезда Москва — Можайск, ежедневно уходящего с Александровского вокзала в 11 часов 20 минут.

7 (20) декабря четверо рабочих, переодетые, с выпачканными сажей лицами, «усердно трудились» недалеко от котельной. Со стороны вокзала донесся свисток паровоза: машинист поезда Москва — Можайск дал отправление. Пора!.. Рабочие быстро вошли в котельную, заперли дверь. Розанов влез на котел и открыл вентиль гудка до отказа. Гудок сначала захлебнулся, умолк на секунду и загудел.

Рабочие через окно вылезли из котельной. Жандармский начальник, сидевший в проходной, с недоумением вытащил часы: в чем дело, почему сейчас гудок? Многие хозяйки Пресни подвели часы: «Брестский гудит,— значит, 12 часов». А в мастерских народ бросал работу и шел в условленное место на «Канаву». Забастовка началась.

В музее «Красная Пресня». Гудок Брестских мастерских.

На «Канаве» открылся митинг. В кузнечном цехе все, что только можно было, перековывалось на шашки, сабли, ножи. На митинге постановили: ни одного паровоза под составы не давать.

На всех фабриках и заводах Пресни рабочие бросали работу. Открывались митинги, создавались боевые дружины.

В музее «Красная Пресня» стоит никелированный стакан исторического гудка. Конечно, в те дни он не был таким красивым и блестящим; тогда это был обыкновенный чугунный стакан. Но рабочие вагоноремонтного завода «Памяти революции 1905 года» перед тем, как отдать в музей, отникелировали его. Копию с этого гудка рабочие поставили у себя в клубе.

Р. ЛИХАЧ

ДЕНЬ В КОНСУЛЬТАЦИИ

Из записок адвоката

Анатолий БЕЗУГЛОВ

Рисунки К. АРЦЕУЛОВА.

Каждый день в юридическую консультацию приходят сотни граждан. И никто из них не переступает наш порог, чтобы поделиться радостью, поведать об удаче, рассказать о счастье.

Нужно терпеливо выслушивать каждую историю, тщательно разбираться в хитросплетении поступков, действий. Иногда слушаешь и не видишь выхода из того положения, в котором оказался человек. А он ждет от тебя доброго совета и поддержки. Приходят иногда и с другими намерениями. Но об этом ниже...

Мне хочется описать только один день в консультации: несколько встреч с обычными, ничем не примечательными с виду людьми. Встретишься с ними на улице и никогда не подумаешь, сколько волнения, горести, а иногда и злости может нести в себе человек.

I

У стола сидит молоденькая девушка Галя Захарова. Коричневое платье, воротничок на манер школьного, ленточка в пышной косе делают ее похожей на десятиклассницу. Но Гале уже двадцать два. А школу она оставила восемь лет назад, когда умерла мама. Трудно пришлось тогда сестрам Гале и Вере, но девушки всячески поддерживали и ободряли друг друга. Они поступили на завод. Старшая, Вера, стала к станку, младшая, Галя, пошла учиться на чертежницу. «Может быть, нехорошо так говорить,— задумчиво вспоминает Галя,— но я даже от мамы не видела столько заботы и тепла, сколько от Веры. И учиться она меня заставила».

Год назад Вера вышла замуж. Муж ее, Николай, оказался на редкость симпатичным человеком. Сразу после свадьбы молодожены переехали в пригород к родителям Николая, у которых был там собственный дом. Вера перешла на другой завод, где работал ее муж. До старой квартиры было довольно далеко, и сестры виделись редко.

А недавно Вера вернулась. Нет, она не ушла от Николая. Молодые приехали вместе и привезли с собой ребенка. Приехал с ними и младший брат Николая, студент первого курса. Галя радостно встретила их. Одиночество наскучило ей. Как хорошо снова жить вместе! Но уже через несколько дней, вернувшись с вечерних занятий в техникуме, Галя не узнала своей комнаты. Ее вещи были сложены в углу. Там же стояла раскладушка. От остальной комнаты и от обоих окон эта часть была отгорожена листами фанеры.

— Ты не сердись, Галочка,— весело сказал Николай,— тебе же лучше будет. Мы тебе не станем мешать, а ты — нам. По закону тебе полагается одна пятая часть комнаты — три с половиной метра, а мы тебе почти пять отделили.

Гале было очень обидно. Она готова пойти на любые жертвы ради счастья сестры, но почему Николай сделал все это так по-воровски, ни слова не сказав ей. Впрочем, что сделано, то сделано. Галина видела, что сестра сама огорчена поведением мужа, но ссориться с ним ей не хотелось.

Через несколько недель Николай принес домой какую-то бумажку и попросил Галю подписать ее.

— Хоть мы и родные, но вместе жить трудно,— объяснил он,— есть возможность обменять одну комнату на две. Мы берем себе четырнадцать метров, тебе дадим шестиметровую. Пять тысяч доплаты вношу я из своих денег.

Галя задумалась. Ей казалось, что Николай действует справедливо. Ведь их же четверо, да он еще приплачивает свои деньги.

Девушка согласилась и подписала бумагу.

Только через три дня, когда Галя увидела свою будущую комнату, она поняла, что ее обманули. Это была бывшая ванная, без окон, с тусклым светом, пробившимся через матовое стекло двери, ведущей в большую и шумную коммунальную кухню.

— Ничего,— говорил Николай, похлопывая девушку по плечу.— Сейчас все деньги ушли на обмен. А на будущий год я отремонтирую твою комнату: конфетка будет, а не комната. Даже окно пробьем...

Галя пробовала было протестовать.

— Что же ты раньше не сказала,— ответил он.— Теперь уже поздно. И деньги назад не вернут, и расписка твоя есть. Что с воза упало, то пропало.

Галя взглянула на вздрагивающие губы сестры, которая была готова расплакаться, и покорно сказала:

— Ладно, проживу и здесь.

И она переселилась в каморку. Плохая, да своя. Это смелое решение дорого стоило ей. На второй же день девушка заболела ангиной. Районный врач, отправляя ее в больницу, уговаривал не возвращаться в эту каморку: «Поживите до ремонта у родных, попросите общежитие на заводе. С вашим горлом жить здесь нельзя».

Прямо из больницы — она пролежала там три недели — Галя приехала к Вере. Николай был дома.

— К нам? — закричал он.— Ну, знаешь ли, такого барства я от тебя не ожидал. Своих кровных пять тысяч внес, чтобы у тебя комната была, а теперь еще ремонт делай тебе! Да ты что, графиня, что ли? Дам тебе инструменты, купишь краски, еще чего там нужно — и сама ремонтируй.

— И буду ремонтировать,— пообещала девушка.— Только не сейчас, а через два — три месяца. Мне нужно диплом защитить. И так я много упустила.

— Диплом,— передразнил Николай.— Проживешь и без диплома. Я вон с пятью классами, а себя обеспечиваю не хуже, чем кое-какие инженерики! Лучше бы о женихах подумала. Чтобы сразу и муж и квартира...

Вера пробовала было вступиться за сестру. Николай окрысился.

— Я и эту комнату разменять могу на законном основании,— пригрозил он.— Тебя и ребенка на одну площадь, сам на другой останусь...

— Я никому обо всем этом не говорила,— рассказывала Галя,— ночевала неделю у подруги. А вчера не выдержала, расплакалась на заводе и все рассказала. И девочки и ребята взяли с меня честное комсомольское, что я приду к вам и посоветуюсь. Вот я и пришла.

Долго беседовал я с девушкой, объяснил ей, что Николай — ловкий обманщик: никакого права на четыре пятых площади он не имел. Верховный суд указывает, что супруг, вселяясь на площадь другого супруга, получает право не на соответствующую долю всей площади семьи, а только на часть площади, полагающейся второму супругу. В данном случае Николай и его семья имели право на половину оставшейся от матери комнаты, а второй половиной могла распоряжаться по своему усмотрению только сама Галина. Произведенный обмен можно поэтому признать недействительным, так как Галя была введена в заблуждение.

Мы написали заявление в суд.

II

Пожилой, очень тщательно одетый мужчина положил передо мной листок папиросной бумаги. Это был приказ директора магазина об увольнении старшего продавца Мосолкова И. Г. по собственному желанию.

— Это что же, было сделано без вашего заявления? — попытался догадаться я.

— В том-то и дело, что заявление я подавал,— вздохнул Игнатий Гаврилович.

— Так о чем же вы хотите посоветоваться?

— Вот о нем самом, о собственном желании. Оно, как бы вам сказать, не совсем собственное... Даже не знаю, с чего начать...

— Начинайте с самого начала. Так будет понятнее.

Мосолков начал рассказ об обычной трудовой жизни. Пятьдесят с лишним лет назад он поступил мальчиком в чайный магазин купца Кузнецова на тогдашней Мясницкой. Потом хозяин перевел его в другой магазин, на окраину. Давно сбежал за границу «чайный король», давно уже Игнашка стал Игнатием Гавриловичем и старшим продавцом. Менялись директора и заведующие секциями, бывшая окраина стала почти центром города, дети Мосолкова выросли: один сын — инженер, другой — офицер, дочь — врач, внучки учатся в институтах. А старый продавец, как и много лет назад, каждое утро появлялся за прилавком в белоснежном халате, в подкрахмаленной шапочке и, дружески улыбаясь покупателям, говорил:

— Краснодарского никогда отведать не приходилось? Рекомендую. На мой вкус, не хуже грузинского. Однако при заварке стоит попробовать такой вот способ...— и объяснял, как завари-

вать чай, чтоб не терялись чудесные его, бодрящие свойства, букет и все прочее, что так ценится любителями чаепития.

Был, правда, за эти десятилетия один неприятный случай. Перед войной Мосолкова, несмотря на все его протесты, выдвинули на должность заведующего мясным магазином. Поработал он недолго — всего два месяца. Ревизия обнаружила злоупотребления у его подчиненных. Старого продавца привлекли к суду за халатность. Приняв во внимание неосведомленность Мосолкова в новом деле и все смягчающие обстоятельства, суд приговорил его к условному наказанию. Через год судимость должна была быть снята.

Игнатий Гаврилович вернулся на старое место. Все было попрежнему. Только жена жаловалась соседям, что старик очумел: на старости лет возненавидел мясо и записался в вегетарианцы.

Снова менялись заведующие и директора. Один из бывших учеников Мосолкова стал профессором-чаеводом. Трижды ездил Игнатий Гаврилович в Грузию, к колхозникам, выращивающим чай, и на чайные фабрики: вызывали туда старого продавца посоветоваться. Давно уже шла ему пенсия. И вот...

В магазин пришел новый директор. А через месяц в секции появился новый заведующий.

— Я его про себя называл Иван-чай,— рассказывает старик.— Вы человек молодой и об этом не знаете. А в кузнецовские времена собирали траву такую, Иван-чай, обрабатывали и за настоящий чай продавали. Так и этот Иван Герасимович. С виду человек: костюмчик, галстучек, очки роговые, обходительность, а на деле трава, да еще вредная. Стал я замечать что-то неладное. Пришлют цейлонский или индийский, я и пачки не продал, а его уже нет. С кофеем опять же что-то странное: слишком быстро усыхает. Я, конечно, никому не говорю, однако Ивану самому подозрение высказал. А он смеется. «Есть,— говорит,— такая болезнь, старческая подозрительность. Это от расслабления мозгов». Я тогда на собрании выступил. Но Иван ловко вывернулся. Документы у него оказались в полном порядке. Недостач нет, жалоб нет. Индийский чай, оказывается, переслали в другой магазин.

А дня три спустя вызвал меня директор. Очень обходительно поговорил, потом показывает жалобную книгу. Нагрубил я кому-то. Я этого случая не помню, а он и не ругает. Ничего, говорит, обойдется на первый раз, но чтобы в будущем поосторожней были.

И вдруг, понимаете, словно прорвало, за неделю на меня пять жалоб написали. Одна гражданка лезет без очереди, я ей так вежливо говорю: «Гражданочка, вы молодая, у вас все впереди, не надо так торопиться». А она меня же старым хамом обозвала, кричит: «Я не допущу намеков на мой возраст!» — и жалобную требует. Что делать, закон на ее стороне, я-то не могу книгу потребовать и на покупателя пожаловаться... Да. А потом еще, значит, жалоба...

Короче, вызывает меня директор и спрашивает:

— Что с тобой делать? Придется «строгача» записать.

Я молчу.

— Я бы на твоем месте уволился по собственному желанию,— советует.

Такая жизнь, и вдруг на старости лет всю песню выговором испортить. А тут еще новый завкадрами заходит.

— Кстати,— говорит,— гражданин Мосолков, почему у вас скрыт в анкете факт судимости?

Я объясняю:

— Полагал, что снята.

— Кто ж ее снимал? — спрашивает.— Где у вас документы о снятии? А вы читали приказ министра торговли, чтоб ни одного человека с судимостью в торговой сети?

— А мне старый завкадрами говорил: «Не надо писать»,— отвечаю я, а самому неловко: вдруг и в самом деле подумают, что пытался скрыть.

— Вот старого-то и сняли за то, что много говорил,— усмехается новый.— А вы не мальчик. Внуки уже есть. Сами все понимаете.

И в такой, значит, оборот он меня взял. Насилу директор его успокоил.

— Игнатий,— говорит,— Гаврилович покидает нас по собственному желанию, ввиду преклонного возраста. И не будем в колокола звонить, коли жених со свадьбы сбежал...

А тот кричит:

— Пусть покидает, но сначала запишем ему выговор в соответствии с жалобами покупателей!

Директор за меня.

— Никаких выговоров! Пусть уходит с незапятнанным листком по учету кадров... А насчет судимости нам стало известно, мол, после его ухода...

Ну, я написал заявление. Кому охота на старости лет трудовой путь марать!

— Так что же вы хотите теперь?

— А вы и не смекнули,— покачал головой Мосолков.— Все ж это комедия. Иван-чай, выпивши, хвастался: «Вот мы с директором старого хрыча ловко выжили». Все продавцы слышали. А потом посидел я без работы — не могу. Тут еще звонки одолевают. Из Елисеевского к себе зовут, из ГУМа три раза звонили: «Иди к нам!» На площадь Восстания зашел в новый магазин. А там тоже один мой ученик, кричит: «Молодец, что уволился, правильно, катай сюда!»

Новому магазину нужны старые хорошие традиции...

Я ему про судимость, а он хохочет. «Она,— говорит,— через год автоматически снялась — раз, да после этого две амнистии было,— значит, ты трижды не судившийся».

— А вы хотите восстановиться на старом месте? — догадался я.

— Хочу,— вздохнул старик.— Вы простите за нескромность, но без меня там полный тупик. Я вот зайду, посмотрю, и бог знает, что там делается. Дама спрашивает печенье к чаю, а ей московские хлебцы предлагают, которые только к кофию идут. Я разъяснительную работу попробовал провести, а Иван-чай меня из магазина выгнал... А я,— Мосолков вдруг засмеялся,— жалобную книгу потребовал. Раз я не работник прилавка, могу теперь сколько угодно писать, и вписал...

Да, смех смехом, а думаете, мне приятно слышать, как люди говорят: «За хорошим чаем надо теперь в Елисеевский ездить»,— грустно закончил он.

Я задумался. Ясно было, что директор и заведующий секцией попросту выжили старого продавца. Важной уликой было признание Иван-чая, сделанное спьяну. Все поведение начальства в магазине свидетельствовало о том, что старик был «сучком в глазу» для директора и его присных. Но как помочь Мосолкову? Следовало восстановить все события, указав, какие именно факты и люди могут подтвердить, что все, изложенное Игнатием Гавриловичем,— правда. Нужно было учесть все возможные уловки его противников, предвидеть, что заведующий и начальник отдела кадров станут отрицать все. Этим мы и занялись.

— Секретарь подтвердит,— вспоминал Мосолков.— Она мне сама говорила: «Я б на вашем месте в суд подала. В случае чего я могу рассказать, как было». Завкадрами ее как раз с моим личным делом в кабинет вызвал.

Нужно было проверить записи в книге жалоб, они, по всей вероятности, были спровоцированы. Для этого требовалось запросить через суд книгу жалоб и установить, кем именно делались записи.

Два часа просидели мы со старым продавцом, составляя заявление в суд. Уходя, он сказал:

— Между прочим, боялся к вам идти. После того случая, в сороковом году, такой страх перед судами и всеми судейскими. И знаю, что ни в чем не виноват, а все равно боязно...

Я помог Мосолкову написать заявление в суд.

III

После обеденного перерыва к моему столу подсел гражданин в черном костюме и шепотом сказал:

— Серьезное дело. Вы обязаны помочь.

Клиент еще не стар. Но две глубоко запавшие складки между бровями да линия тонких, плотно сжатых губ свидетельствуют, что человек живет в постоянном напряжении. Его вступительные слова меня настораживают.

Посетитель расстегнул добротный, но уже потертый портфель и вынул оттуда толстую папку. Он перелистал аккуратно подшитую кипу бумаг.

— Вот здесь все,— сказал он, подвигая ко мне папку.— И борьба за справедливость — мои жалобы, и борьба против справедливости — бюрократические ответы на них. Вы будете поражены, ознакомившись с этим материалом. Хотя мы и живем в самом демократическом государстве, но бюрократы у нас еще не перевелись!

— Прошу вас ближе к делу,— посоветовал я.

— Войну веду,— коротко объяснил посетитель.

— Против кого?

— Против бюрократов всех мастей. Началось дело с соседей, но главная опасность не в них. Не так страшны преступники, как их укрыватели, которые преступным попустительством создают почву для новых и новых нарушений правопорядка...

— Простите,— снова перебил я.— Мне думается, нужно держаться ближе к сути дела.

— Вот вам суть! — воскликнул посетитель. Он раскрыл большую, тщательно разграфленную таблицу.— Взгляните, и вам станут понятны и мое возмущение и моя правота.

Я с недоумением разглядываю таблицу, а клиент услужливо объясняет:

— Графа номер один: постоянные жильцы нашей квартиры, в количестве десяти человек, включая несовершеннолетних, графа вторая — переменный состав. Иллюстрирую примером: у Фоминых гостила мать. Продолжительность пребывания — три дня. Следовательно, в эту графу плюсуются три человекодня. И все расходы на газ, освещение мест общего пользования, уборку, смену электролампочек и произведенную в апреле окраску две-

ри раскладываются пропорционально количеству прожитых каждой семьей человекодней.

— Хлопотно, но оригинально, а возможно, и справедливо,— заметил я.

— Дело не в этой графе, — перебил жалобщик.— Только ненормальный мог бы протестовать против высшей справедливости этого принципа. Предметом спора стала графа третья. Это коэффициент поправок. Я одинокий человек, никогда не принимающий у себя гостей, следовательно, я могу принять себя за платежеобязанную единицу. Фомины принимают гостей изредка,—их коэффициент — единица двенадцать сотых; у Никоновых что ни день — вечеринка,— коэффициент повышается до единицы сорока четырех сотых...

— Но как же вы определяете коэффициент?

Посетитель смотрит на меня почти с жалостью:

— Эмпирическим путем! Я не мелочен и не голословен. Я взял выборочные данные за два месяца и вывел среднемесячное число визиточасов, общее по квартире и отдельное для каждой семьи с учетом примерного количества кипячений чая, посещений туалета и так далее.

Будучи натурами с буржуазными наклонностями, мои соквартирники — я стыжусь назвать их старым добрым словом «соседи» — увидели выход в установке индивидуальных осветительных приборов и соответствующих счетчиков. Но индивидуализм — отец анархии. Гости путают выключатели и из хулиганских побуждений включают все время мою лампочку. И так далее. Дошло до того, что я вынужден обрезать мою проводку и выходить на кухню со свечой.

— Что же, в кухне не осталось лампочек?

— Нет, там есть четыре лампочки, но я не желаю пользоваться чужим светом. Я претендую только на свое. И пусть горят эти лампочки — я обойдусь и свечой.

Я представил себе фигуру старого холостяка, входящего в залитую светом четырех лампочек кухню со свечой в руках, и еле удержался от хохота.

— А следствием явилось все это,— продолжал посетитель, придвигая папку поближе ко мне. Чего только не было в папке! И заявления в милицию по поводу пребывания в квартире посторонних граждан без прописки более двадцати четырех часов, и с завидной тщательностью составленные акты по поводу нарушения тишины после десяти часов вечера, и протест против проигрывания граммпластинки с записью идеологически невыдержанной песенки «Муча», с приложением газетной вырезки из «Советской культуры», где критиковалась злополучная песня.

Хотя меня и ошеломил такой поток жалоб, но самым удручающим было то, что на каждой из этих анекдотических — иначе их не назовешь — бумажек стояли красные, синие, фиолетовые резолюции. Каждая жалоба рассматривалась в десятидневный срок, и моему клиенту присылались успокаивающие ответы: «Уважаемый товарищ, Ваша жалоба будет проверена», «Ваша жалоба будет принята во внимание», «Соответствующие меры будут приняты», «Рекомендуем обратиться в суд». И так далее.

И не нашлось ни одного строгого начальника, трезвого голоса, наконец, просто умного человека, который написал бы: «Гражданин! (О каком тут уважаемом товарище может идти речь!) Перестаньте склочничать и сутяжничать. Вы любите ссылаться на законы, так перечитайте уголовный кодекс. Там есть хорошие статьи об оскорблениях и клевете. Призадумайтесь, не то попадете под суд».

Заметив, что я закрыл папку, мой посетитель поспешно разъяснил:

— Видите, одна лишь бесполезная переписка. Комиссия из райжилотдела абсолютно неавторитетна. Оргвыводы ее нелепы. Предполагаю, что не обошлось без взятки. А райисполкомовцы определенно получили на лапу. И я же виноват. За что? Пишу жалобы. Но это — право каждого гражданина. Такова наша самая демократическая в мире конституция.

Эх, если бы я не был адвокатом, исполняющим служебные обязанности! Я уж сказал бы этому гражданину несколько «теплых слов». Но положение обязывает. И я мог только спросить стереотипное:

— Что же вы намереваетесь делать теперь?

— В суд! — воскликнул мой собеседник.— Административные органы бессильны! Я в этом убедился. Только демократический суд, гласный, построенный на принципе состязательности сторон, сможет беспристрастно вскрыть подлинное лицо моих соквартирников и их покровителей.

И тут мне в голову пришла одна мысль.

— Послушайте,— доверительно сказал я.— А не получится так, что вы сами окажетесь в дураках?

— То есть? — насторожился посетитель.

— Заявление в суд может погубить вас,— мягко объяснил я.

Не жалея красок, нарисовал я картину будущего судебного заседания. Я доказал клиенту, что у него есть все шансы быть выселенным из квартиры за склочничество и нарушение правил социалистического общежития. Больше того, я не выдержал и заметил, что как только писаниями моего клиента заинтересуется не бюрократ, а настоящий, с душой работающий человек, то мой жалобщик безвозвратно пострадает.

Посетитель помрачнел.

— Вы не доверяете мне! — воскликнул я.— С вашего позволения, я доложу дело лучшим нашим адвокатам, и вы можете услышать их мнение.

К счастью, в консультации всегда можно найти пять — шесть свободных от дел адвокатов, и я без труда собрал консилиум. Все присутствующие подтвердили мои доводы.

И вдруг мой клиент вырвал папку из рук престарелого адвоката Ч., подбежал к двери и зло закричал:

— Все понятно! Не подмажешь — не поедешь! Калыму захотели? Ну что ж, и не таких орлов сажали под засов!

Но тут я услышал обычное: «Разрешите к вам» — и забыл на время о неуживчивом клиенте.

IV

История, которую рассказала девушка, не отличалась новизной. Кому не приходилось слышать о юном существе, которое, попав в большой город, с жадным любопытством глядит вокруг с уверенностью, что вот сейчас, через минуту, в ее жизни должно свершиться что-то очень хорошее, большое и красивое.

— Он был очень добрый,— говорила девушка, и я видел, что она с трудом удерживается, чтобы не разрыдаться.— Я смотрела на него и думала: ведь такой человек никогда никому не сможет сделать зла. Так хорошо говорил он о нашем счастье, что у меня голова кружилась.

Когда он сделал предложение, я испугалась. Все-таки он образованный, а у меня шесть классов. За столом сидеть я правильно не умею, поговорить толком не знаю как. А он смеется. «Это все — дело наживное».

Подали заявление, пошли расписываться. В загсе сказали: придете через неделю. Я бросила работу и перешла жить к дедушке. Мы-то как решили: распишемся, и он увезет меня. Минуло шесть дней. В воскресенье я встала пораньше. Он поехал за цветами, я оделась, приготовилась. Пришли свидетели. Ждем его. Не идет. Целый день ждали. Стали звонить в скорую помощь, в милицию...

А потом явился почтальон — и вот...

Девушка слабо вздохнула и положила на стол измятое письмо. Бросились в глаза расплывшиеся в нескольких местах слова. Да что там говорить, и без этого было ясно, с каким чувством и сколько раз читалось роковое письмо. Я приведу несколько выдержек из него:

«Здравствуй, Клавочка!

Ну вот и кончился мой отпуск. Когда ты получишь это письмо, я буду уже лежать на мягкой полке, и скорый поезд помчит меня в дальний край к месту службы. Надеюсь, что ты будешь достаточно умна, чтобы понять: все, что было между нами,— это только развлечение отпускника дальнего севера, соскучившегося по девичьей ласке. Ты ведь такая рассудительная и умная!

Я люблю романтику и всегда красиво ухаживаю. Надеюсь, что тебе со мной было так же хорошо, как мне с тобой. Остальное не имеет значения. Помнишь, я читал тебе стихи о том, что на земле не по сто раз живут. Ты еще тогда рассердилась на меня. Не ругай меня за историю с загсом. Пойми, иначе было нельзя, я знал, что такая девушка, как ты, по-другому не согласится».

Заканчивалось письмо сочувственным советом: «Не верь мужчинам — все мерзавцы. Бери от жизни все, что можно. Никогда не жалей о прошлом — это портит нервы». После прощальных слов стояли латинские буквы P. S. и приписка мелким почерком: «О деньгах, которые я у тебя взял, не беспокойся. Вышлю в первую же получку, так как я честный человек».

Девушка заметила, что я кончил читать письмо, и тихо сказала:

— Видите, вот как получилось. Уже год прошел — и ни одного письма... А когда я пошла... В тот же загс... Записывать сына... Выписали ему метрики. А там, где отца пишут... перечеркнули. Говорят, отца не положено записывать, что я мать-одиночка.

Она умолкла. Потом грустно сказала:

— Разве это правильно? Какая же я одиночка? У меня сынок. Я же никогда не скажу ему, что у него отца не было. Так же не может быть. У всех детей должны быть отцы. Сначала я решила: выдумаю ему хорошего отца и скажу, что он помер... Только как же? Вырастет маленький, станет грамотным, посмотрит в свои метрики, а там... Должен же ведь быть какой-то закон, чтобы мальчику отца записали!..

Она молчала. Молчал и я. Осторожно, стараясь говорить как можно мягче и сердечней, я объяснил посетительнице, что нанесенная ей обида не останется безнаказанной. Наш закон рассматривает подобный обман девушки как изнасилование. Прокурор разыщет преступника — и его строго накажут.

Я взял лист бумаги и начал быстро писать жалобу. Думается, что никогда еще я не писал с таким волнением и страстью.

А девушка все молчала. Я подал ей бумагу и попросил подписать. Она прочла только первые строки, испуганно положила бумагу на стол и грустно сказала:

— К этому руки я не приложу. Вы уж тут как знаете, а я свою любовь судить не стану. Совесть ему судья...

Она заплакала. Потом резко встала из-за стола и очень тихо сказала:

— Не нужен он мне. И мальчику не нужен... Но как же быть? Неужели так и останется у сына в документе? Навсегда... За что?

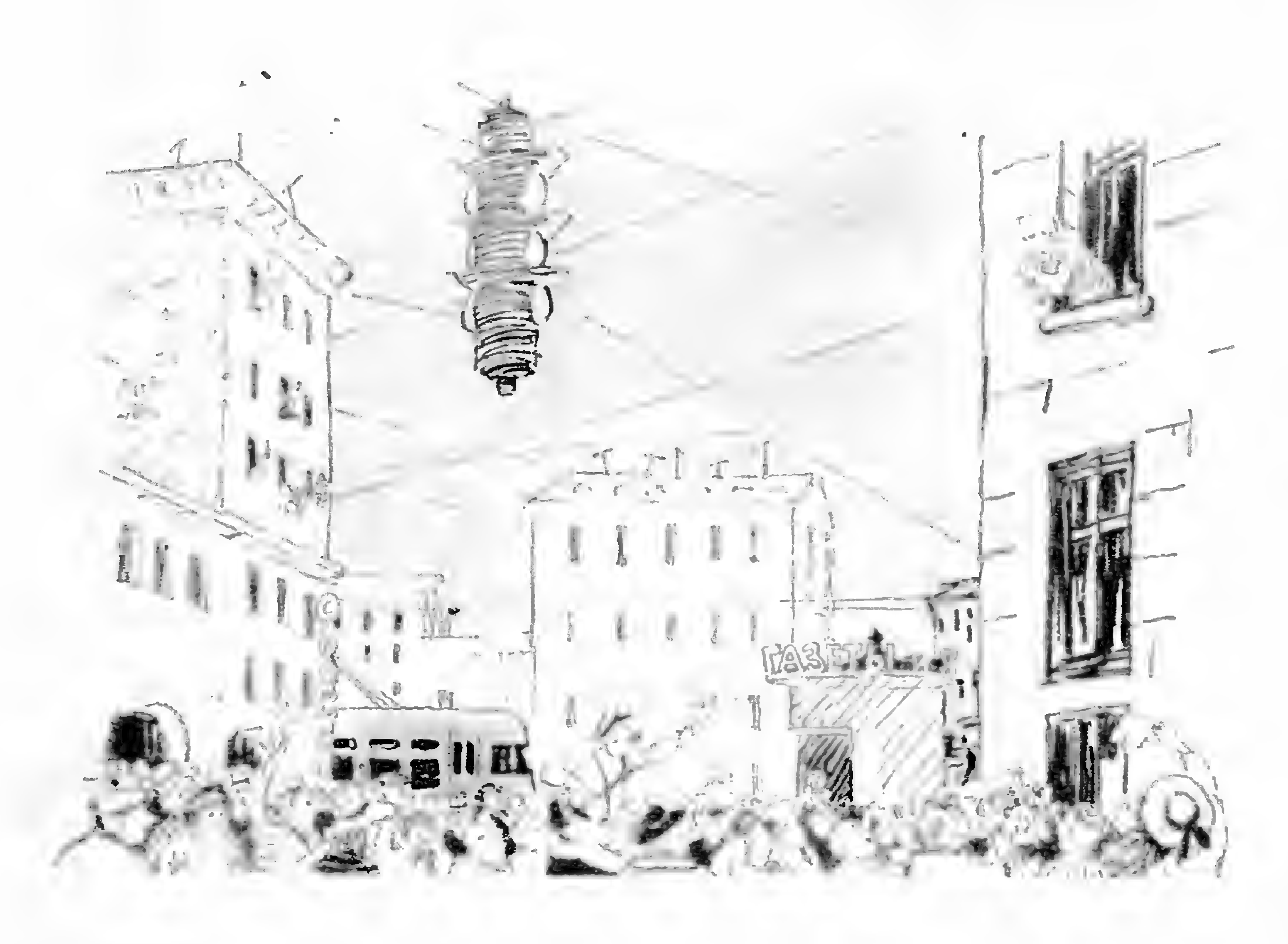
Круто повернувшись, она выбежала из комнаты.

А я остался, держа в руках ненужную жалобу.

Необыкновенное уличное происшествие

Леонид **ЛЕНЧ**

Рисунок Е. Горохова.

В таком большом городе, как Москва, ежедневно происходит много уличных происшествий. Это понятно: ритм московской жизни стремительный, спешка сильная. Отсюда «все качества».

Один мой старый друг, погостив две недели в Москве, потом прислал мне из далекого тихого городка на востоке страны, в котором он живет и поныне, письмо. В нем есть такие строки:

«У меня осталось впечатление, что вы, москвичи, даже во сне перебираете ногами, все куда-то спешите!»

...Уличные происшествия бывают разные. Иногда они драматичны, иногда забавны, очень часто трогательны.

Маленькая девочка, курносенькая, с широко открытыми глазками, потеряла маму. Прижимает к себе плюшевого зайца с одним ухом и ревет громко, отчаянно, страстно. Ее утешает милиционер, румяный, здоровый, плечистый и очень молодой. Похож на Алешу Поповича с картины Васнецова. До того похож, что ловишь себя на смешной мысли: если сейчас поехать в Третьяковку, то на картине лошадей будет попрежнему три, а всадников — уже два!

«Алеша Попович», присев перед девочкой на корточки, говорит сочным окающим баском:

— Не плачь, кукла, найдем твою мамашу.

«Кукла» заливается еще громче, еще отчаяннее. Дома ее, наверное, пугали милиционером («Вот будешь плакать, отдам тебя милиционеру»), а здесь, на улице, как только мама куда-то исчезла, «страшный милиционер» сам подошел к ней, да еще смотрит в упор своими огромными глазищами, да еще гладит по русой головке жесткой, богатырски неумелой рукой. Попробуй тут не испугайся!

Останавливаются прохожие. И, конечно, начинают ругать маму-растяпу. Особенно стараются женщины.

— Наверное, зашла в какой-нибудь магазин и забыла все на свете!

— У таких надо отбирать детей!

— Ну, это вы уж слишком, отбирать!

— Именно отбирать. И отдавать на воспитание желающим. Да я бы первая взяла такую прелестную девчушку. А вы бы разве не взяли?!.

И вдруг появляется мама. Бледная, глаза несчастные, шляпка на боку. Действительно зашла в магазин и «...забыла все на свете».

— Галочка!.. Доченька!..

«Алеша Попович» делает мамерастяпе внушение, но она его не слушает. Прижала к себе свою Галочку и целует ее в щеки, в нос, в лоб, в уже сухие, веселые глазки. Все кончилось хорошо. Можно расходиться.

И все расходятся, мгновенно забыв и плач девочки, и ее мамурастяпу, и «Алешу Поповича» с погонами старшины милиции на саженных плечах. Он тоже возвращается на свой пост. На его румяном, очень русском лице написано:

«Н-да-а, это тебе не то, что сидеть на рыжем коне в Третьяковке! Хлопотливая службишка!»

Но я отвлекся. Приступаю к описанию необыкновенного уличного происшествия, свидетелем которого был в конце минувшего лета.

Я приехал в город по делам на один день из подмосковного санатория, в котором отдыхал. Был знойный летний полдень, когда мягкие московские краски становятся резкими и яркими настолько, что даже наш серый, заезженный асфальт делается ослепительно белым, как на юге, и почему-то кажется, что вот дойдешь до угла — и там тебе в глаза густым ультрамарином плеснет море!

Я шел вверх по Петровке, к Эрмитажу, и, вдыхая бензиновый перегар, с вожделением мечтал о том, как, покончив с делами, снова вернусь под сень вековых берез полюбившегося мне санаторного парка.

И вдруг я увидел, что впереди что-то случилось. Остановившиеся машины и люди образовали на площади в конце Столешникова переулка плотную «пробку». Движимый естественным любопытством, я ускорил шаг. Подхожу и слышу поразительный по красоте и силе мужской бас.

Спрашиваю стоящих людей:

— Что случилось?

— Поет!

— Кто поет?

— Неужели не слышите?! И не мешайте, пожалуйста!

Звуки несутся из переулка откуда-то сверху, вроде с неба. Что за наваждение?! Уж не ангел ли небесный распелся по случаю хорошей погоды? Но ведь ангелы, они тенорами сладчайшими должны «воздавать хвалу творцу», дискантами, в крайнем случае фистулой, а тут бас, земной, глубокий, бархатный!

В толпе шепчутся:

— Ну и голосище!.. Просто шаляпинский!

— Я шел, услышал, думал, это по радио. А это он!

— На каком языке, как вы думаете? Не разберу! По мотиву словно на «Бродягу» похоже.

Стою, слушаю, наблюдаю. Невидимый певец продолжает петь. Толпа растет. Уже весь Столешников переулок и большая часть Петровки запружены народом. Люди выходят из магазинов, стоят и слушают. Высовываются в открытые окна домов и слушают. Строители, занятые ремонтом большого дома в переулке, прекратили работу, стоят на лесах и слушают. Шоферы машин, попавших в «пробку», положили руки на баранки и тоже слушают. Даже милиционеры, немного растерянные от сознания своего бессилия (ну, как тут прекратишь такое странное нарушение правил уличного движения!), и те стоят, улыбаются конфузливо и слушают.

Наконец на какой-то совсем уже немыслимой ноте пение обрывается. Секунда молчания — и все начинают аплодировать. Аплодируют люди, стоящие на улице, аплодируют в окнах, аплодируют строители на лесах и шоферы в застывших машинах. Вся «пробка» аплодирует! И тогда в открытом окне на третьем этаже гостиницы «Урал» появляется певец — молодой индиец-гигант с лицом и фигурой ожившей статуи. Он в своем национальном костюме: в длинной белой рубахе-тунике. Вихрь аплодисментов мгновенно становится бурей.

Индийцу кричат:

— Бис!

— Еще давайте!

— Да здравствует дружба народов!

— Бис! Бис!..

Сложив руки лодочкой и подняв их на уровень глаз, певец, кивая красивой головой, приветствует бушующую улицу. Кто он? Наверное, студент, делегат фестиваля. Захотелось попеть — он и запел, не подумав об открытом окне и мощности своего дивного голоса!..

Овация гремит и гремит.

Певец продолжает приветствовать толпу.

По лицам людей видно, что они хотят во что бы то ни стало добиться продолжения концерта. Над уличным движением одной из центральных магистралей столицы нависает серьезная угроза. Тогда на «сцене» появляется пожилой младший лейтенант милиции. Это уже не «Алеша Попович». Это бывалый солдат, с суровым усатым лицом старого служаки, гроза нарушителей и зевак.

Он становится так, чтобы певец мог сразу заметить его, и, подняв руки в белоснежных перчатках, сначала вежливо аплодирует индийцу. Потом он складывает свои ладони лодочкой и, копируя жест гостя из «страны чудес», приветствует певца. Выполнив этот, с его точки зрения, дипломатический ритуал, младший лейтенант обеими руками показывает на скопище машин и людей и, снова сложив ладони лодочкой, повторяет приветственный жест. Усатое, умоляющее лицо младшего лейтенанта и его жестикуляция настолько красноречивы, что индиец, поняв все, улыбается ему, кивает толпе и исчезает.

Вот и кончилось необыкновенное уличное происшествие! Догорела живая сказка жизни. Очнувшиеся постовые милиционеры под руководством расторопного младшего лейтенанта быстро и ловко «расшивают» «пробку».

— Давайте! Давайте!..

Люди расходятся. Лица у них задумчивые и какие-то просветленные.

Я замечаю группу иностранных туристов на углу. Они тоже слушали индийца. Подхожу к ним и по разговору слышу, что это французы. Несколько молодых женщин, какой-то экспансивный брюнет в светлом, модном костюме и крупный, хмурый, седоусый мужчина — не то бухгалтер, не то провинциальный учитель по внешнему виду — с зонтиком в руке. С ними гид, наша девушка, хорошенькая, в очках, изо всех сил старающаяся казаться очень серьезной.

— Что он пел, какую песню? — тормошат французы-туристы свою проводницу.

И та, улыбаясь, отвечает:

— C'est une chanson de paix! Это песня мира!..

Французы тоже улыбаются ответно: одни вежливо, другие широко, от всего сердца. Седоусый турист поднимает зонтик и трясет им, словно угрожая тем, кому не по душе эта песня мира, спетая неизвестным индийским студентом в Москве в конце лета 1955 года.

А. С. Бантиков. НА БАКЕ.

Выставка «20 лет студии военных художников имени М. Б. Грекова».

А. А. Ефимов. БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ.

А. В. Кокорин. МЕТКИЙ ВЫСТРЕЛ (В ЦЕЛЬ).

Выставка «20 лет студии военных художников имени М. Б. Грекова».

Н. Н. Жуков. В ДОБРЫЙ ПУТЬ.

К 225-летию со дня рождения А. В. Суворова

А. В. СУВОРОВ В ТУЛЬЧИНЕ

Памятник Суворову в Тульчине.

Фото И. Пирковского.

В начале 1796 года Суворов был назначен командующим армией, штаб которой находился в Тульчине (ныне Винницкой области).

В Тульчин полководец прибыл в марте 1796 года.

С началом лагерного периода войска располагались под Тульчином, на полях сел Кинашево и Нестерварка.

К северо-востоку от Тульчина, по плану Суворова, солдаты построили в течение двух недель укрепление для учебных занятий. Укрепление это сохранилось до наших дней.

В 1797 году в Тульчине на разводе был оглашен приказ царя Павла: «Фельдмаршал граф Суворов, отнесясь к его императорскому величеству ...что так как войны нет и ему делать нечего, за подобный отзыв отставляется от службы».

Суворов пожелал проститься с солдатами. Войска были выстроены. Перед фронтом сложили пирамиду из барабанов и литавр. Суворов вышел к строю в простом солдатском мундире, с орденами и знаками отличия. Великий полководец обратился к солдатам с трогательной речью: «Оставляю вас, может быть, надолго, может быть— навсегда, проведши пятьдесят лет с вами и не теряя вас ни на минуту из виду. Отец ваш, который пил, ел и спал с вами, останется теперь один и утешаться будет, думая о детях своих... Но я еще надеюсь с вами видеться: тогда Суворов будет опять среди вас, и тогда наденет он опять сии знаки отличий, которые, в знак любви, вам оставляет. Не забывайте, что он носил их, побеждая вместе с вами неприятеля».

С этими словами фельдмаршал снял с себя ордена и положил их на пирамиду. Солдаты плакали, прощаясь со своим любимым полководцем.

В селе Кинашево Суворов с началом лагерного периода помещался в хате сельского фельдшера Ивана Дегтяря. Сейчас в селе живут потомки сельского фельдшера. От них можно услышать воспоминания их предков о пребывании Суворова в Кинашеве.

Филипп Давидович Дегтярь рассказывает:

— Домик был расположен, говорили мне, в живописном месте, в садике на берегу реки Сельницы. По ту сторону реки находились лагеря, укрепления, учебные поля. Еще говорили, что беседка из лозы на лугу около реки была любимым местом Суворова. Он поместил туда простой крестьянский стол. Там он завтракал, обедал и работал, а иногда за рюмкой по душам беседовал со своим другом-хозяином.

В августе 1954 года в Тульчине был открыт новый памятник (вместо бюста) — Суворов на лошади.

В Тульчинском краеведческом музее экспозиция одной из комнат посвящена жизни и деятельности Суворова.

В этом году комнату Суворова посетило более 15 тысяч человек.

М. НЕДОБОЙ,
научный работник Тульчинского краеведческого музея.

ПИСАТЕЛЬ-КОММУНИСТ

Указом Президиума Верховного Совета СССР писатель Иван Андреевич Козлов, автор известной книги «В крымском подполье», награжден орденом Ленина в связи с пятидесятилетием общественно-политической деятельности.

50 лет на сцене

Исполнилось 50 лет сценической деятельности народной артистки СССР Веры Николаевны Пашенной. Ученица А. П. Ленского, выдающегося артиста и замечательного режиссера-новатора, Вера Николаевна является одной из самых ярких представительниц реалистического искусства Малого театра.

В. Н. Пашенная.

Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

Начав профессиональную деятельность на рубеже двух эпох — в годы первой русской революции,— В. Н. Пашенная только после Великого Октября смогла полностью раскрыть свое дарование. С момента появления первых советских пьес Пашенная становится неутомимым их пропагандистом.

Спектакль Малого театра «Любовь Яровая» (1926 год), в котором В. Н. Пашенная создала образ русской революционерки, ознаменовал собой начало нового этапа в истории русского театрального искусства. Начиная с «Любови Яровой» Пашенная участвовала в создании почти всех постановок лучших советских пьес на сцене Малого театра.

В спектаклях по произведениям Грибоедова, Гоголя, Островского, Толстого, Горького артистка создала незабываемые по яркости, глубине, точности и самобытности характеристик образы женщин дореволюционной России.

Советские зрители любят страстное, смелое, яркое искусство В. Н. Пашенной. Пятидесятилетие своей сценической деятельности она встречает полная творческих сил.

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР.

Фрагмент резьбы на доме в деревне Салагузово.

Городецкая резьба

Городец, Горьковской области, где сейчас строится электростанция,— один из древнейших русских городов.

Здесь и особенно в прилегающих к Городцу районах жители в прошлом работали на постройке судов. Уже в начале XVIII века городецкие расшивы (плоскодонные парусные суда) не имели себе равных по всей Волге не только по нарядности, но, главное, по быстроходности. Известно, что в свое время искусные городецкие мастера строили суда для Азовского похода Петра I.

Свое искусство украшать суда барельефной, так называемой «глухой» резьбой умельцы перенесли и в жилища.

И поныне, не изменяя традициям, многие жители района искусно вырезают из дерева фигурки, композиции, украшают свои дома.

Пепельница работы резчика И. Абрамова.

Мастер-резчик И. Абрамов создает чудесный фантастический мир причудливых образов. Артистически режет по дереву фигурки людей новой, социалистической деревни и целые композиции И. Дерюгин. Произведения самобытных мастеров бережно хранятся в Городецком краеведческом музее, вызывая восхищение посетителей и экскурсантов.

О. ЛАРИН
Фото А. Горячева.

Дом в деревне Салагузово, Городецкого района (резьба второй половины XIX века).

В третий раз

А. КУЛЕШОВ

Стокгольм... Вена... Мюнхен. Таковы этапы борьбы сильнейших штангистов СССР и США. Вот уже три года встречаются они на помосте мирового первенства, и каждая новая встреча двух команд заканчивается победой советских тяжелоатлетов.

Мне довелось быть свидетелем двух последних встреч.

Сейчас, когда пишутся эти строки, кажется, что иначе и быть не могло, что победа советских атлетов вполне естественна, что никто в ней не сомневался, да и не мог сомневаться. Что же, трудности и волнения порой легко забываются, если достигнут успех. Но когда вспоминаешь эти дни огромного напряжения, то становится ясным, что достигнутая победа была если и закономерна, то нелегка.

...В октябре в Мюнхене туманы то и дело сменяются моросящим дождем. За две недели, проведенные нами в баварской столице, лишь один раз над островерхими крышами, над монашеской фигуркой, венчающей шпиль городской ратуши, раскрылось голубое небо. Мюнхен — большой город, с населением, превышающим миллион человек. По его оживленным улицам движется сплошной поток машин различных марок, из многих городов Европы, а в часы «пик» трудно протолкнуться сквозь густую толпу пешеходов, заполняющих тротуары. Так же трудно было протолкнуться и в громадный зал «Аусштелунгсхалле», вмещающий 4 500 зрителей: здесь всегда было очень многолюдно.

В день открытия мирового чемпионата зрители заполнили зал до отказа. Под звуки марша одна за другой со знаменами выходят делегации. Команды поднимаются на эстраду. С каждым годом растет число участников первенства; в этом году их 108 человек.

Наконец торжественный церемониал окончен. Над помостом со штангой вспыхивают ослепительные лампы, заставляя членов апелляционного жюри, занявших свои места слева от эстрады, то и дело вытирать платками потные лбы и бросать укоризненные взгляды на беспощадные прожекторы. А на помосте уже началась напряженная борьба между командами СССР и США.

В отличие от предыдущих встреч, когда американцы не выставляли своего атлета в легчайшем весе, теперь мировое первенство в этой весовой категории оспаривает штангист США Ч. Винчи.

Уверенно начинает состязание советский атлет В. Стогов. Он заканчивает жим новым мировым рекордом — 107 килограммов. Прежний рекорд, принадлежавший американцу Ди-Пиетро, перекрыт на 500 граммов. Но уже в рывке такого же успеха добивается Винчи, он тоже установил мировой рекорд, подняв штангу весом в 102,5 килограмма. Американец сделал все, чтобы перегнать Стогова. В толчке он пытался поднять 137,5 килограмма, но не смог. Установив еще один мировой рекорд, в сумме трех движений — 335 килограммов, Стогов открыл победный счет своей команды, отодвинув Винчи на второе место.

— Я никогда не представлял себе, что в этом весе можно показать такие результаты,— заявил после победы Стогова генеральный секретарь Международной федерации гиревого спорта Е. Гуло.— Советский спортсмен надолго закрыл рекорд в своей категории.

Победители поднимаются на пьедестал почета. Девушки в черно-желтых национальных костюмах под аплодисменты зала преподносят спортсменам цветы. Президент международной федерации Б. Ниберг вручает Стогову золотые медали чемпиона мира и Европы. Звучит Гимн Советского Союза.

Как и следовало ожидать, борьба в полулегком весе свелась к единоборству между Р. Чимишкяном и И. Удодовым. Французская спортивная газета «Экип» писала, что выступление полулегковесов было «просто чемпионатом СССР в Мюнхене». Звание чемпиона мира вторично завоевал советский спортсмен Чимишкян, установив мировой рекорд в рывке — 110 килограммов. Второе место, как и в прошлом году, занял И. Удодов, третье — египтянин А. Махгуб.

В легком весе выступало наибольшее количество участников — 20 человек, и советскому атлету Н. Костылеву, выезжавшему в прошлом году в Вену в качестве запасного, предстояло теперь серьезное испытание в борьбе за титул чемпиона мира. Задача эта была тем более сложной, что соперниками Костылева являлись египтянин С. Гоуда, завоевавший на прошлом первенстве второе место, и очень сильный бирманец Тун Моунг.

В рывке Костылев поднимает 125 килограммов. Это новый мировой рекорд. В зале овация. Даже египетские болельщики бурно аплодируют советскому спортсмену. На сцену несут весы. Стрелка весов долго колебалась, словно в нерешительности, и наконец замерла... 67 килограммов 560 граммов. Костылев тяжелее установленной нормы на 60 граммов. Рекорд не может быть засчитан!

В толчке борьба становится еще напряженнее. Тун Моунг просит поставить 140. Бирманец долго поправляет штангу, затем медленно отходит, но тут же быстро оборачивается, бросает на нее подозрительный взгляд и грозит кулаком, словно штанга собиралась убежать от него. Вес он берет. Костылев ставит 145 килограммов. Если он возьмет этот вес, то побьет на 12,5 килограмма мировой рекорд в сумме трех движений, принадлежавший американцу П. Джорджу. По существующим правилам, мировой рекорд в сумме засчитывается лишь на первенствах мира и олимпийских играх.

В зале мертвая тишина. Слышно только стрекотание кинокамер.

Атлет спокойно подходит к штанге, поднимает вес и под гром аплодисментов так же спокойно покидает эстраду. Надо заметить, что такое поведение было вообще характерным для советских спортсменов. Они не разгуливали по сцене, не кричали истошным голосом после того, как брали вес, не возились по полчаса со штангой, которая от этого никак не становилась легче. Они без всякой рисовки выходили и поднимали штангу.

Подняв 382,5 килограмма, Костылев завоевал звание чемпиона мира и Европы, установив новый мировой рекорд.

Когда на помост вышли атлеты полусреднего веса, советская команда набрала уже 18 очков, в то время как штангисты США имели всего 3. Но американцы иначе распределили свои силы. Не выставив атлетов в полулегком и легком весах, они припас-

На пьедестале почета. Слева направо: К. Эмрич (США), А. Воробьев (СССР), М. Рахнаварди (Иран).

В. Стогов (слева) и Ч. Винчи.

ли свои «козыри» для выступления в следующих весовых категориях. Итоги подводить было еще рано.

И вот борьба двух команд разгорается с новой силой. Молодой советский штангист Ф. Богдановский набрал в сумме трех движений столько же килограммов, сколько американец П. Джордж,— 405. Но Богдановский оказался тяжелее Джорджа на 800 граммов и вынужден был перейти на второе место.

Еще одно поражение советская команда понесла не на спортивном помосте: неожиданно в день своего выступления заболел Т. Ломакин. Температура — 40,3. А надо заметить, что Ломакин находился в блестящей форме и имел все основания рассчитывать не только на первое место, но и на новый мировой рекорд. Вместо Ломакина на помост выходит В. Степанов. Сильнейшего американского штангиста Т. Коно победить он не смог, но задачу свою выполнил, отбросив на третье место американца Д. Джорджа.

Наступает решающий момент борьбы. Перед выступлением атлетов полутяжелого веса у команды СССР 24 очка, у команды США 14 очков. Но к этим 14 очкам можно заранее прибавить еще 8: американцы П. Андерсон и Я. Бредфорд, выступающие в тяжелом весе, не имеют равных противников.

Таким образом, если штангисту США К. Эмричу, выступающему в полутяжелом весе, удастся обогнать А. Воробьева, то штангисты США и СССР закончат состязания с равным числом очков — 27. Это принесет командную победу американским штангистам, так как они займут четыре первых места, в то время как советские спортсмены — только три.

Поэтому легко представить, с каким напряжением все ждали результатов последнего дня состязаний. Терпак, тренер американской команды, с таинственным видом возился около Эмрича с целым набором каких-то снадобий и растираний. Спокойным оставался лишь один человек — Воробьев. Он не спеша прогуливался за кулисами, улыбаясь своей обычной, сдержанной улыбкой, а потом выходил на помост, выполнял попытку и снова уходил. Казалось, что он ведет не напряженную борьбу, а участвует в показательном выступлении.

После первого же движения всем стало ясно: Воробьев намного сильнее Эмрича и судьба первенства решена. Никто, кроме товарищей Воробьева по команде, не подозревал, что незадолго до отъезда в Мюнхен он чувствовал себя не совсем здоровым.

В сумме трех движений Воробьев обошел американца на 27,5 килограмма. В жиме Воробьев поднял 145 килограммов и установил мировой рекорд.

Так команда СССР в третий раз стала чемпионом мира.

Чемпион мира в полулегком весе Р. Чимишкян.

ВТОРОЙ ГОД ВСХВ

Главный Комитет Всесоюзной сельскохозяйственной выставки наградил медалями участников выставки 1955 года — 147-летнего колхозника Лерикского района, Азербайджанской ССР, Махмуда Айвазова и 11-летнюю школьницу из Ухтомского района, Московской области, Галю Еремееву.

Награждение этих двух участников — один из ярких, характерных фактов. В 1955 году право участвовать в выставке завоевало свыше 220 тысяч передовиков — людей разных возрастов и профессий. Здесь и колхозники, и научные работники, и работники МТС, и юннаты.

159 дней — с 5 июня по 10 ноября — Всесоюзная сельскохозяйственная выставка была открыта для массового посещения. Выставку в нынешнем году посетило свыше 300 тысяч человек, объединенных в экскурсионные группы. В лекториях ВСХВ было прочитано 1 100 лекций и докладов. В качестве лекторов выступали сами передовики сельского хозяйства, специалисты, ученые. Более 5 миллионов посетителей выставки просмотрели сельскохозяйственные фильмы. Было издано 25 миллионов путеводителей, каталогов, брошюр, листовок о передовом опыте, о работе экспонентов.

В этом году выставку посетило свыше 1 150 иностранных делегаций и туристских групп — представители 73 стран мира.

Сейчас вся массовая работа переносится в колхозы, совхозы, МТС, на животноводческие фермы, в юннатские кружки. Продолжается соревнование за право участия в выставке будущего, 1956 года.

М. ВЛАДИМИРОВ

Советские футболисты за рубежом

В Москве закончился футбольный сезон, но четыре сильнейших команды столицы, ленинградский коллектив общества «Зенит», а также киевские динамовцы с успехом выступали и выступают за пределами Родины.

Впервые наши футболисты посетили Китай и Индонезию.

Первую встречу в Китае «Зенит» провел со сборной командой института физкультуры и Первого министерства машиностроения. Встреча закончилась вничью — 2 : 2.

Три последующие встречи — с молодежной командой, коллективом Народно-освободительной армии, а также в Тяньцзине — ленинградские футболисты выиграли.

Очень тепло встречали московских спортсменов общества «Локомотив» в Джакарте, в Паданге, на острове Суматра. Оба соревнования выиграла команда «Локомотив».

Московский «Спартак» выезжал в Югославию. В Белграде москвичи победили команду «Партизан», а в Загребе сделали ничью с «Динамо».

Коллектив ЦДСА выступал в Норвегии и легко добился победы над футболистами Бергена и Осло. В Дании армейцы выиграли у спортсменов клуба «Альянсен».

Очень напряженными были встречи советских и английских футболистов. Столичные динамовцы выступали в Вулверхемптоне против хорошо известных москвичам «волков». Игра закончилась победой хозяев поля — 2 : 1.

Второй матч динамовцы провели в Сандерленде, где они встретились с лидером английского чемпионата клубом «Сандерленд». Победили динамовцы. Счет 1 : 0.

Киевляне в Берлине сделали ничью (2 : 2) со сборной города (демократический сектор).

На снимке: игроки китайской молодежной команды и футболисты «Зенита» приветствуют друг друга.

Фото Юань Лина (Синьхуа).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОРЕВНОВАНИЯ ПО ПЛАВАНИЮ

Три дня в Москве проходили крупные международные соревнования по плаванию с участием спортсменов Великобритании, Венгрии, Нидерландов, Франции, Швеции и Советского Союза. Наибольшего успеха добились спортсмены Венгрии.

На снимке: старт женского заплыва на дистанцию 100 метров.

Фото А. Бочинина.

Что, как и на что

Рассказ

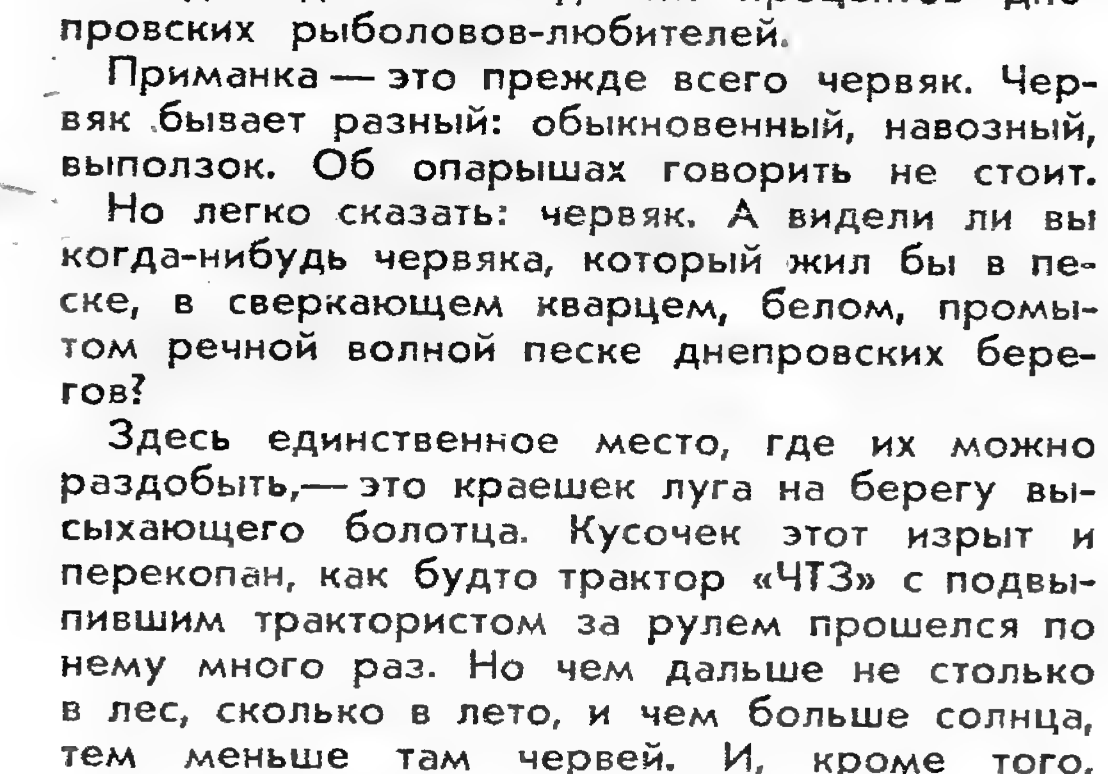
Ванда ВАСИЛЕВСКАЯ

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Чтобы ловить рыбу, человеку необходимы две вещи: снасть, на которую ловят, и приманка. Исключение составляют, конечно, те, кто ловит на блесну, когда животрепещущая проблема приманки отпадает. Но таких, чистой воды узких спиннингистов не много числится на наших рыболовных просторах, поскольку рыба не всегда берет на блесну, не на всякую блесну, не во всякое время и не всякая рыба. Итак, приманка остается проблемой для девяноста девяти процентов днепровских рыболовов-любителей.

Приманка — это прежде всего червяк. Червяк бывает разный: обыкновенный, навозный, выползок. Об опарышах говорить не стоит.

Но легко сказать: червяк. А видели ли вы когда-нибудь червяка, который жил бы в песке, в сверкающем кварцем, белом, промытом речной волной песке днепровских берегов?

Здесь единственное место, где их можно раздобыть,— это краешек луга на берегу высыхающего болотца. Кусочек этот изрыт и перекопан, как будто трактор «ЧТЗ» с подвыпившим трактористом за рулем прошелся по нему много раз. Но чем дальше не столько в лес, сколько в лето, и чем больше солнца, тем меньше там червей. И, кроме того, огромная конкуренция: копают мужчины, женщины, дети, недружелюбно поглядывая друг на друга.

Легенда говорит о богатом месторождении червей у помойной ямы за одной из хат, но она захватывается и ревностно стережется дачниками, снимающими эту хату. Итак, червей надо привозить из Киева. Пять километров дороги до автобуса и пять обратно не останавливают энтузиастов.

В зоомагазине ввели строгие ограничения и продают только по двести граммов на душу. Очередь перед магазином внешне имеет совершенно иной вид, чем все остальные: она состоит исключительно из мужчин. Но в отношении всевозможных хитростей и увертюк она превосходит, пожалуй, все остальные. Сами понимаете, что двести граммов червяков — это ничтожный запас для нескольких дней лова. Учитывайте при этом десятикилометровый марш по песку в адский зной.

Кроме зоомагазина, есть еще садики знакомых, загородные участки и даже цветочные ящики на балконах. Каждый старается сделать запас побольше, памятуя, что попытки попрошайничества на месте не достигают цели, что лучший друг, готовый снять для тебя последнюю рубаху, не поделится с тобой червями. Запас их вселяет веру в будущее, создает солидное самочувствие, уверенность действий.

Однако наличие запаса рождает новую проблему: как сохранить его, как продлить жизнь червяка? Потому что червяк, как все существа на земле, к сожалению, смертен, хотя нашлось бы, наверное, много таких любителей, которые, не будь бессмертие души пережитком и предрассудком, охотно продали бы ее дьяволу взамен за бессмертие известного количества червяков.

Не имея в наличии бессмертной души и готового к сделке дьявола, приходится придумывать иной способ сохранения жизни и подвижности этих земляных и навозных существ. И здесь тоже, кроме, разумеется, отъявленных лентяев, каждый имеет свой метод. Будто бы если влажный мох перемешать с кофейной гущей и поместить туда червей, они живут и здравствуют неделями. Есть сторонники кормления хлебом, смоченным в молоке. Наш питомник состоит из ящика, наполненного землей, сухими листьями, навозом, корешками пырея, причем смесь ежедневно смачивается слегка водой. Длительное наблюдение показало, что наши воспитанники при таком режиме не только не худеют и не гибнут, но растут и прибавляют в весе.

И вот вы обладатель сокровища — ящика червяков. Как каждый червяковод, вы печетесь о своем питомнике не менее ревностно, чем специалист по разведению чернобурых лисиц или бобров — о своем. С улыбкой превосходства смотрите на обливающихся потом, отчаянно роющих берег высыхающего болотца искателей счастья, поленившихся основать собственную червячную ферму.

Червяк — это основа и фундамент. На пучок червяков берет сом, его хватает язь, с аппетитом глотает окунь, не говоря уже о леще. На червяка ловится судак. Бывает, набросится на него даже легкомысленная щука.

Но червяк — это еще не все. Кроме хлеба, кукурузы, гороха, существует еще живец.

С одним представителем этого рода приманки я познакомилась впервые на Буге, где рыбаки насаживали маленькую рыбку на крючки перемета как приманку на угря. Что ж, рыбка как рыбка; тогда я смотрела на нее че рыбацкими глазами, и в голову не приходило, что это маленькое, темное и скользкое существо доставит в будущем столько хлопот.

И вот:

— На что ловите? На червяка? На живца попробуйте. Лучше всего на щипалку берет.

— А где ее взять?

Старый рыбак задумчиво почесал в затылке.

— Достать-то можно... Только холодно уж больно... Ревматизм ноги ломит...

Стали упрашивать, не стыдясь явного заискивания. Если уж так хорошо берет на щипалку...

После долгого ожидания появилось наконец ведро. На дне плавали темные подвижные рыбки. Да это мои знакомые по Бугу!

— Это вот и есть щипалка,— объяснил нам соседский внук.

— Щиповка,— поправил кто-то из взрослых.

— А под Корсунем, на Роси, называют явдошкой.

— А у нас говорят просто сцикавка.

Всегда хочется знать, с кем имеешь дело. Взялись за словари. Гринченко привел меня через сцикавку-сикавку наконец к латинскому cobitis taenia. Отсюда прямой путь ко второму тому «Рыбы пресных вод СССР» Берга, где я узнала, что «щиповка, местами сиколка, сиковка, секун, секуша, кусачка и пр.» принадлежит к такому-то и такому-то виду, живет там-то и там-то и имеет такие-то и такие-то особенности. Маленькая рыбка выросла в нашем мнении, как будто научный багаж восьми печатных страниц, посвященных ей в книге, сделал ее значительней.

Но оказалось, что легче заполучить массу названий и подробностей о жизни и нравах щиповки, чем ее самою. Наше заискивание давало слабые результаты: ревматизм у рыбака усиливался, появление щиповок на дне ведра считалось праздниками. С течением времени рыбка становилась для нас все желаннее и все дороже в переносном и буквальном значении этого слова. Два года подряд мы целиком зависели от погоды, от силы ревматических приступов, от хорошего или плохого настроения единственного нашего поставщика.

Но годы идут, а человек, как известно, волей-неволей учится до самой смерти.

Годы идут, и вместе с ними растут не только щиповки, но и дети. А если живешь на Днепре и ты, пусть еще маленький, но член семьи, в которой все охвачены рыболовной манией, то начинаешь ловить рыбу почти с колыбели.

И вот однажды за обедом раздались слова, которые произвели на нас не меньшее впечатление, чем если бы молния в ясный день ударила в супницу, стоящую посреди стола. И произнес их невинный голос ребенка:

— Мы с Надей наловили сегодня сто-о-лько щипалок!

— Чего? — спросила я не своим голосом.

— Щипалок. Они так кусаются!

— Нет, не кусаются, а у них шип под глазами. Они его высовывают и прячут, — воспользовалась я знаниями, почерпнутыми из Берга.

— Постой! — остановил меня Саша, словно боясь спугнуть жар-птицу. — Много поймали?

— О, много! Может, с полведра.

— И что?

— Выпустили.

Все глаза с ужасом остановились на легкомысленном ребенке. Выпустили! И об этом говорится так просто, будто речь идет о бабочке или жуке!

Дитя сообразило, что что-то не в порядке.

— Мы еще можем наловить.

— А чем же вы ловили?

— Руками. Их там по-о-олно!

— Где?

— На той стороне. И здесь есть. В жабуринье. Полно сидит в жабуринье!

Разумеется, обед мы не доели. Сломя голову переправились лодкой на другой берег. Под водой низкие гряды песка, как ребра. Со стороны ската, направленного по течению, они поросли густыми, как вата, скользкими, как шелк, зелеными, как ярь-медянка, водорослями. Это и есть жабуринье.

Только ступили мы босыми ногами на жабуринье, как из-под ног стали убегать, проскальзывать между пальцами облые, подвижные рыбки. Дитя было право: достаточно запустить руку в жабуринье, чтобы почувствовать в ладонях три — четыре щиповки. Только большинство из них тут же ускользает. Но не зря ведь мы живем в век техники, механизации, индустриализации!

Согнутый железный обруч, обшитый марлей, оказался вполне пригодным инструментом. Прижимаешь его с обеих сторон ко дну, таща вдвоем с более глубокого места, где начинается жабуринье, несколько шагов вдоль песчаного ребра к берегу, и там из сетки, полной ила, песка и водорослей, выбираешь десятки извивающихся, мечущихся темных рыбок — желанных щиповок.

Наконец! Мы обрели независимость от ревматизма, от погоды, от плохого или хорошего настроения. И теперь, возвращаясь с рыбной ловли, мы со щедрым благородством выплескиваем из ведра всех остающихся щиповок в их родное жабуринье. Ведь можно наловить в любую минуту сколько угодно.

Но и щиповка — это еще не все, потому что не только у рыбаков бывают ревматизмы и настроения. Они бывают, к сожалению, и у рыбы. Сегодня она ест одно, а завтра ей хочется чего-то совсем другого. Перебирает. Привередничает. Капризничает. Требует каких-то невиданных лакомств. Приходится разнообразить меню. К тому же, хотя, возможно, это нам только кажется, но с тех пор, как у нас есть столько щиповок, сколько нам нужно, рыба берет на них хуже. Надо думать о какой-нибудь другой приманке.

Пиявка — существо не очень приятное: отвратительно извивается, и в воде ее совсем не так легко поймать, как кажется. Говорят, есть любящие жены, которые залезают в болото и стоят, пока к ногам не присосется нужное количество кровожадных черных ленточек. Но не всякая жена способна на такую жертву, а из мужей, наверно, ни один, и поэтому нам остается лишь старательно рассматривать погруженные в воду бока лодок, к которым, неизвестно почему, видно, из-за отсутствия живого объекта, присасываются пиявки.

Находим. Четыре великолепные пиявки. Впускаем их в бутылку с водой, обвязываем горлышко марлей, чтобы бедненьким было чем дышать. Завтра пойдем ловить сомов: сом, по рыбацким рассказам, обожает пиявок.

Пиявки присасываются круглой мордочкой к стенкам бутылки, и их плоские, длинные тела развеваются в воде, как ленты на ветру. Четыре пиявки, четыре сома!

Но утром, придя за бутылкой, столбенеем. Бутылка стоит на столике, завязанная, как мы ее завязали вчера. Но пиявки исчезли. Как понять это чудо? Подозрительно поглядываем на нашего кота. Но он спокойно смотрит на нас прищуренными золотистыми глазами с выражением существа, убежденного в полной чистоте своей совести. И если коты даже едят пиявок, о чем мы до сих пор не слышали, как бы мог он достать их из бутылки и снова завязать марлю? Тайна остается тайной; допрос всех домашних не дает никаких результатов.

На следующий день опять ловим несколько пиявок. Ставим на веранде, под скамейкой, опять в бутылке, обвязанной марлей.

И вдруг один из гостей нагибается под стол.

Что такое?

По ноге течет тоненькая струйка крови, выплывая из сине-красного кружочка, явственно выступающего на коже. Пиявка? Но пиявок нигде нет. Нет их и в бутылке.

Как пиявка пролезает сквозь марлю, как раздвигает ее нитки, что толкает ее покинуть родную стихию — воду — и пускаться на незнакомую почву дощатого пола, где и как исчезает она так молниеносно, остается для нас тайной. Запоминаем навсегда: бутылку с пиявками надо закрывать пробкой. В противном случае придется проводить осмотр постели, вытряхивать белье, подозрительно заглядывать в тапочки, в тарелку с супом, хвататься внезапно за босые ноги, постоянно опасаясь кровожадного существа, более неуловимого, чем мираж счастья.

Когда есть на что ловить, начинается второй этап — ловля. У каждого, как известно, свой пунктик, каждый ловит по-своему. И каждый считает, что его способ самый лучший, самый правильный.

Спиннингисты бегают по берегу и, размахивая руками, как ветряные мельницы, забрасывают далеко, на середину, а иногда на другой берег всевозможные побрякушки, цинично пытаясь обмануть рыбу. Они с остервенением наматывают катушку, вытаскивая на конце лески по большей части совсем не щуку, как им кажется, а пук водорослей или тяжелую, годами гниющую на дне корягу. Причем в пяти случаях из десяти леска путается, с катушки свисает великолепная, окладистая борода, и несчастный спиннингист распутывает ее часами. Бывают, конечно, и такие, счет которых — это десять к десяти, причем распутывание длится с раннего утра до темноты. Таким образом, одного заброса им хватает на целый день.

Каждый спиннингист привозит с собой катушку, которая в отличие от всех остальных катушек никогда не путает. Увы, жестокая действительность показывает, что хотя и изобретена водородная бомба и мы умеем применять атомную энергию в мирных целях, но проблема не путающей катушки, повидимому, еще более сложна, и человечество до сих пор не смогло ее разрешить.

Летом берега Днепра густо заселены племенем «закидушников». Рядами стоят вбитые в песок колышки, от которых тянутся в воду шнуры, снабженные приманкой. На конце, привязанном к колышку, звоночек. «Закидушники» мечутся от одной закидушки к другой. Не успеют они добежать по песку через заросли ивняка к самой крайней закидушке, оповещающей звонком, что рыба потянула приманку, а приманка уже давно съедена, и рыба, взмахнув хвостом на прощание, скрывается в глубине. Теперь звонит на другом краю, несчастный бежит туда галопом, путаясь по дороге в шнурах, уже не зная, рыба ли это или он сам раскачал звонок. Еще хуже, когда зазвонят сразу два или три звоночка, тогда, наверное, ничего не удастся поймать, и тогда-то рождается легенда об огромных рыбах, которые клевали, но в последний момент сорвались с крючка.

Те, кто ловит спиннингом с блесной, относятся с презрением к тем, кто приспособил его под донную удочку, считая такое использование благородного орудия святотатством. Ловящие таким именно донным спиннингом относятся с пренебрежением к обыкновенным «донникам», довольствующимся удилищем без катушки. «Донники», со своей стороны, пожимают плечами, глядя на «закидушников». Сторонников «чистого» спиннинга, и «донников», и «закидушников» объединяет и сплачивает полное, беспощадное, стопроцентное презрение к ловле рыбы на перемет.

Мы, разумеется, тоже пренебрегаем этим способом.

— Это не спорт!

— Никакого интереса! Какая там ловля! Поставил шнур, и он за тебя ловит.

— Просто промысел. Тогда лучше пойти на рынок и купить.

Все мы, конечно, с этим согласны. И когда к пристани причаливает лодка и из нее выходит сосед с полной корзиной рыбы, а наш садок почти пуст, мы утешаем себя:

— Ясно. Перемет стазил. Так и пуд рыбы не трудно принести.

Уголком глаза следим, как счастливец прибирается в лодке. Перемета не видно.

— Хитрец, припрятал, хвастнуть хочет. Или снова поставил, а вечером приедет очки втирать, что клев великолепный.

Причем здесь нужно добавить, что в нашем рыболовном шкафчике уже два года лежит перемет — в деревянной плоской коробке, заграничный, какой-то особенный: в вырезанных в стенках коробки желобках кругом уложены крючки; синий крученый шнур скудлачен посередине коробки в непонятную гущину. Зачем при всем нашем презрении к такого рода снастям мы купили его, неизвестно. Каждый раз, когда открываем

шкафчик, в глаза бросается большая плоская коробка.

Как-то, собираясь вновь в поездку по Днепру, я спросила:

— А может, все-таки возьмем наш перемет?

— Зачем?

— Так... Лежит столько времени, а мы не знаем даже, как он выглядит.

— Гм... Разве только чтоб посмотреть, как сделан. Но ставить не будем.

Конечно, не будем. К чему? Но взять можно.

Плоская коробка лежит в лодке. Мы натыкаемся на нее каждый раз, вытаскивая на ночь одеяла. Назойливо и упрямо лезет на глаза, буквально путается под ногами.

Погода чудесная. Утра струятся росой; на восходе солнца Днепр розовеет, как зацветающий яблоневый сад; вечером вода горит огненным пожаром; ночью плывут две луны — по небу и по реке. Утром, днем, вечером, ночью возле нас беспрерывно кидается рыба, ударяя по поверхности плоским боком, плеская большими плавниками хвоста, вызывающе демонстрируя острые плавники хребта, но не клюет — ни на пиявку, ни на щиповку, ни на червяка.

К нашему стыду и позору, открываем банку консервов — судак в томате. Какой срам! В лодке, на Днепре, рядом с целой коллекцией удочек самых разнообразных видов и систем есть консервированного судака — ниже нельзя пасть. Наша сковорода поблескивает с упреком, большая кастрюля для ухи зияет пустотой, и какой красноречивой!

Наша лодка стоит под берегом маленького островка, точнее, песчаной отмели, заросшей в глубине ивняком. Днепр делится здесь на три рукава. Главное течение омывает только край нашего островка и уходит влево. Почти напротив нас, немного ниже, расположен другой островок — с высоким крутым берегом. Между ним и нами широкий рукав с глубинами и водоворотами. Второй рукав, широкий и спокойный, отделяет нас от берега. Можно ловить на что угодно и как угодно, и мы ловили здесь не один раз. Там, где Днепр только начинает разветвляться, берут лещ и судак, вечером — сом. В одном и другом рукаве попадаются большой окунь, судак, случается язь и всякие другие представители днепровской фауны. Но сейчас мы сидим на нашем островке уже второй день — и ни одного поклева.

Наконец кто-то, доедая судака в томате, неуверенным голосом предлагает:

— Может, все-таки...

— Что «все-таки»?

— Может, попробуем на перемет?

К облегчению предложившего, криков возмущения не слышно. Внутренняя борьба принципов с искушением, предрассудков с требованием жизни происходит в молчании и

приводит к быстрой и единодушной капитуляции.

— Что ж... Разве только попробовать...

— Конечно, только попробовать! Делать-то нечего — не клюет!

— И вообще неизвестно, сумеем ли мы его распутать...

Значит, только чтобы попробовать, только посмотреть, какой он — просто так, от нечего делать.

Открываем коробку — красиво уложенные в желобках крючки и гора спутанного синего шнура.

Но когда вынимаем первый крючок, оказывается, что шнур вовсе не спутан. Один за другим кладем крючки вдоль берега, прямо над водой; темносиний шнур распутывается гладко, без препятствий. Вот он и лежит, готовый, ожидая наживку.

И тут мы забываем обо всем: о нашем пренебрежении к перемету, о том, что это не спортивный способ ловли, о том, что это не интересно и слишком просто. Нас охватывает обычный азарт, горячка рыбачьей страсти.

Впятером начинаем наживлять крючки: один крючок — пучок червяков, другой крючок — щиповка. Так попеременно. Никогда мы не видели, как ставят перемет, но преисполнены веры в себя и надежды.

Заходит солнце, небо чистое, без единого облачка, и, не обращая внимания на последние лучи, уже вылезла луна.

— Тут забьем колышек, привяжем один конец. Чтобы шнур лежал на дне, подвяжем камень. К другому концу тоже подвяжем камень, отвезем на лодке и бросим.

— А к чему эти пробковые дощечки на концах?

— Черт знает! Какие-то заграничные выдумки!

При помощи ножа легкомысленно ликвидируем заграничные выдумки и продолжаем наживлять: червяки — щиповки, червяки — щиповки. Все готово.

Двое садятся в лодку. Но легче сказать, чем сделать. Течение сносит лодку. Шнур туго натягивается. (Боже, каким он кажется длинным!) Вдруг натянутый шнур вместе с наживленными крючками повисает в воздухе. Погруженный на дно у наших ног, привязанный к шнуру камень начинает двигаться по песку.

— Стоп! Стоп! — кричим с отчаянием.

Двое в лодке не слышат. Еще секунда — и шнур лопнет! Мы подпрыгиваем, как медведь на раскаленной плите, делая знаки руками. Довольно, довольно, бросайте.

Поняли наконец! Бросают камень — и шнур легко идет в воду, ложится на дно. Его синий цвет ярко выделяется на белом песке дна, чтобы через несколько шагов от нас погрузиться в глубину, где уже ничего не видно, только кружащаяся мелкими воронками, блестящая, как кремень, и темная, как кремень, вода.

Получилось! Все довольны. Крючки в воде. А на крючках: червяк — щиповка, червяк — щиповка...

Солнце зашло совсем. Теперь вступила в свои права луна, круглая, толстощекая. Вода шелестит, плещется; наш маленький островок кажется огромным необитаемым островом. Холмы на правом берегу Днепра становятся стенами зубчатой крепости. Немного ниже, у их подножия, сгущается тень огромных, как дубы, верб, верхушки которых поблескивают в свете луны, как серебряная, тихо переливающаяся вода. На реке, вверху и внизу, маленькие огоньки бакенов.

— Какая ночь, спать жалко! — говорит кто-то, и все соглашаются с ним.

Спать в такую ночь? Это — преступление.

Комары тоже, видно, пришли к такому выводу. К счастью, мы закалены — никакие их усилия не помешают нам наслаждаться красотой ночи.

Хором поют сверчки. Пассажирский пароход проходит мимо, как странное, непонятное явление из другого мира, сверкающее электрическими огнями, гремящее оркестром, полное людей. Вдали темной черточкой скользит лодка бакенщика, даже не слышно ударов весла.

Наши донки стоят недвижимо, как стояли весь день. Рыба не клюет по каким-то своим, ей известным причинам. Но дело ведь не в рыбе, а в воде, песке, луне, далекой песенке где-то на том берегу, в восходе и заходе солнца, в просторе, когда кажется, что весь воздух мира, голубой и прозрачный, серебряный от лучей луны, заполняет легкие, и человек дышит легко и радостно, как будто вдыхает не воздух, а само счастье. К тому же еще есть перемет — столько-то крючков, столько-то червяков, столько-то щиповок — плюс надежда, неиссякаемый запас надежды. Можно спокойно сидеть на берегу, глядеть в небо и на воду: перемет работает на нас.

— Когда будем вытаскивать?

— Утром. Но не слишком рано, пускай и утром половится.

Конечно, пусть ловится. Чем больше, тем лучше.

Голоса звучат все более сонно. Почему-то уже никто не утверждает, что спать в такую ночь — преступление. Трое исчезают в палатке. Мы расстилаем одеяла на песке.

Ночью движение на реке еще больше, чем днем. Когда расходятся два парохода, высокая волна поднимает нашу лодку, и она мягко колышется, то опускаясь вниз, то взбираясь вверх по серебряной воде. Волна выползает на песок и уходит с тихим шорохом, громко всплескивает, ударяя о крутой берег соседнего островка. И наконец все сливается в один серебряный, полный голосов воды и лунного блеска сон.

Утром рыба бьет где-то совсем близко. На наших донных удочках находим только одного-одинешенького кольчатого носаря — как в насмешку,— но мы не огорчаемся. Ведь есть перемет.

Когда солнце высушило росу, с биением сердца беремся за проверку: как ночь щиповки и червяки поработали на нас? Все слегка взволнованы. Ведь это впервые!

Лодка едет медленно.

— Есть!

На одном из первых крючков — судак.

— А вот второй,— говорит нарочито спо-

койным голосом Саша, вытягивая еще кусок перемета.

И вдруг рывок — судак кидается в сторону, ударяет о борт лодки и исчезает, как будто его никогда и не было.

— Ничего, если с самого начала два... Представляете, сколько будет дальше?

Разумеется, представляем. Человеческая фантазия не знает границ. Кто-то из нас, любитель точных подсчетов, размышляет вслух:

— Если на шести крючках было два судака, то...

— Стоп!

В лодке происходит оживленный обмен мнениями.

— Что случилось? — кричим с берега. Нас с художником оставили дежурить на островке.

— Перемет оборван.

— Как оборван?

— Так. Оборван — и все. Видно, лопнул.

— А где он?

— А мы откуда знаем?!

Да, да. Мы все предусмотрели, кроме этой единственной возможности,— что перемет может лопнуть. С глупыми лицами разглядываем все, что нам осталось: шесть крюч-

ков, кусок синего шнура, один судак в садке и память о другом, что ушел в глубину.

— Где же перемет?

— Надо искать.

— Наверно, снесло под берег того острова.

— Почему под берег? Скорее на главное русло.

— Как на главное русло? Мы бросили камень на том месте, напротив лагеря.

— Напротив лагеря? Вы бросили возле бакена, на мели.

— Ничего подобного!

— Как ничего подобного? Мы хорошо видели!

— А мы бросали.

Спор длится долго. Трое в лодке имеют над нами явное превосходство. Мы мечемся по берегу и беспомощны; они двигаются по воде, как и куда хотят, а сквозь треск и шум мотора наши крики доходят до них в приглушенном и неубедительном виде. Мы отказываемся от добрых, но напрасно бросаемых в пространство советов и в положении сторонних наблюдателей смотрим, что будет дальше.

Неизвестно почему на лодке окончательно решили, что течение должно было снести сорванный конец перемета в рукав, под крутой берег соседнего островка. Двое управляют лодкой, один прыгает в воду. Вода там черная, кружатся мелкие водовороты, в волнах подпрыгивают подхватываемые сильным течением ветки свисающего с обрыва ивняка.

— Там никак не может быть! — протестую, не выдерживая.— Еще утопят человека!

— Ничего не случится: плавает, как рыба,— успокаивает меня художник. Но я ясно вижу, как он с беспокойством следит за действиями, происходящими в двухстах метрах от нас.

Мокрая голова исчезает, появляется снова. Вода кружится, булькает; в моем воображении водовороты закручиваются во все более широкие и глубокие воронки.

— Вылезай! — кричу, но легкий ветерок дует с той стороны, и все трое так поглощены поисками, что вообще не обращают на нас внимания.

— Черт с ним, с переметом! Вылезай! Хватит!

Все напрасно. Я понимаю, конечно, рыбацкую страсть, но это начинает походить на преднамеренное убийство.

— Возвращайтесь! Немедленно возвращайтесь!

Не вследствие моих криков, но из-за бесплодности поисков ныряльщика втаскивают в лодку и возвращаются.

— Так ничего не выйдет. Надо взять якорь и тянуть по дну. Если зацепим за перемет, вытянем.

— Прежде всего, вы искали не там, где нужно.

— Если бы мы оставили ту пробковую дощечку...

Конечно. Если бы мы оставили, то пробковая дощечка спокойно плавала бы на воде над брошенным в глубину камнем с концом перемета, и дело было бы совсем простое, или, точнее, никакого дела бы не было.

— А все же пароходы могли бы его сорвать.

— Вы ведь у бакена бросили, не на главном течении.

— Но что упало, то пропало. Давайте попробуем с якорем!

Спускают якорь. Раз, другой, третий бороздят участок, где теоретически мог бы находиться наш перемет. И ничего.

Наконец на четвертый раз цепляют за что-то.

— Есть! Только не перемет.

— А что?

— Не знаю, что-то тяжелое.

— Коряга?

Оказывается, что вовсе не коряга. И не утопленник. Просто большой заржавленный якорь.

— На что он нам?

— Возьмем. Вместо маленького соседского, что потеряли вчера.

— И что? Отдадим соседу старый пароходный якорь вместо нового от лодки?

В унынии стоим на берегу. Баланс невеселый: кусок шнура, несколько крючков, один небольшой судак и огромный старый якорь, торчащий на берегу, как угрызение совести. И сознание содеянных глупостей. Во-первых, раньше чем отрезать пробковую дощечку, надо было подумать, с какой целью она привязана. Во-вторых, здравый смысл должен был нам подсказать, что незачем бросать перемет на главное русло Днепра, где за ночь прошло не меньше пятнадцати пароходов, каждый из которых мог спокойно зацепить его и потянуть на Десну, Припять или еще куда-нибудь. Ведь были в нашем распоряжении два рукава!..

— Все жадность! — ворчит кто-то.

— Какая там жадность!

— А как же! Днепр без рыбы хотели оставить!

— Ничего подобного! Мы только попробовать...

— Да, сначала! А потом?

Что правда, то правда. Не успели мы еще наживить все крючки, как разгулялось воображение: сколько будет рыбы, да какая...

Легче всего было бы теперь вернуться к первоначальной концепции: мол, ловля на перемет — это никакая не ловля и т. д. Но мы все же имеем совесть. Ведь бегали мы по берегу, как дикари; кричали, забыв все на свете, когда опускали перемет в воду; громким «ура!» приветствовали первого судака; чуть не утопили одного члена семьи, загипнотизированные миражем сомов и судаков, висящих на той, оборванной части перемета. Не надо кривить душой. Ловля на перемет — такая же ловля, как всякая другая, и также находится в пределах рыбацкой мании. Поэтому мы не отрекаемся от перемета. Наоборот, решаем в самом недалеком будущем попробовать еще раз.

— Удлиним, надвяжем крючки... И как удачно, что остались пробки.

Забываем, что, не срежь мы их, у нас остались бы не только пробки, но и перемет и пойманная рыба. Но в нашем грустном положении мы радостно хватаемся за любое утешение.

— Конечно, великолепно, что есть пробки. И, кроме того, крючки были, собственно, слишком велики. Привяжем поменьше — и перемет будет действительно хорош.

Еще легче, чем пессимистическим, человек поддается оптимистическим настроениям. Особенно здесь. Плеск воды, мягкий песок под ногами, колыхающаяся на воде лодка, чайки, с криком пролетающие над нами, зеленый, голубой, благоухающий простор вокруг — вот источник неисчерпаемых запасов оптимизма. Очень скоро приходим к убеждению, что все сложилось как нельзя лучше. Новый перемет будет лучше старого, а ценой небольшой потери — шнур с крючками — мы приобрели бесценное сокровище — опыт. Теперь знаем, как и где ставить перемет, или, точнее говоря, хорошо знаем, где и как его ставить не следует. А это чего-нибудь стоит!

— И якорь мы вытащили почти у островка. Мы здесь не в последний раз — могли бы пораниться во время купания.

Островок наш теперь стал еще более заманчивым местом, потому что нет теперь опасности распороть себе живот заржавленной лапой якоря. А она, хотя мы и не знали этого, все же существовала.

Словом, немного надо человеку для счастья. Поэтому наше приключение с переметом в конечном счете расцениваем положительно. Тем более, что обошлось без человеческих жертв, хотя в этом направлении было сделано все возможное.

Аккуратно складываем в коробку остатки синего шнура и уцелевшие крючки (хотя они и слишком большие). Когда на своей маленькой лодочке появляется бакенщик, говорим ему с легкостью, как будто речь идет о пустяке:

— Где-то здесь оборвался наш перемет. Может, вы поищете?..

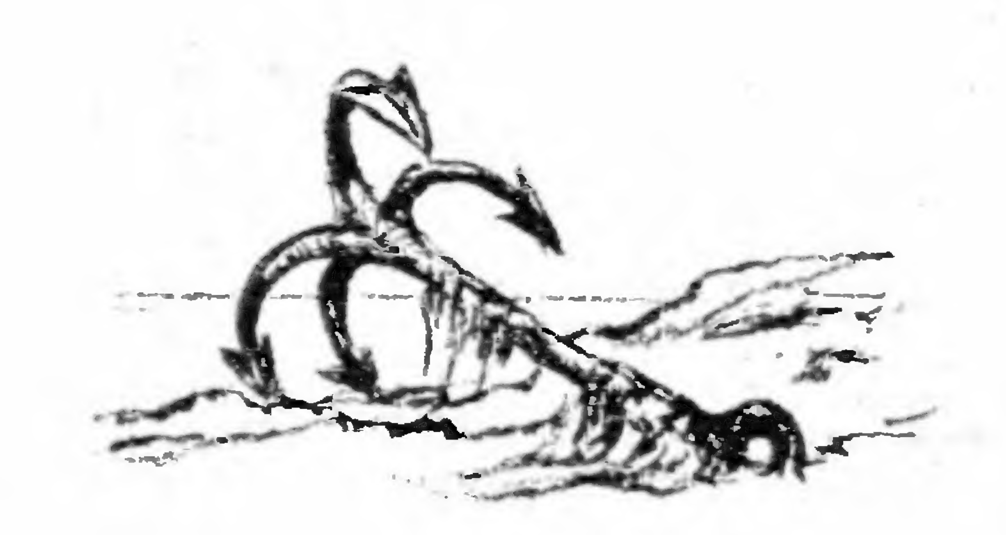
Будьте спокойны. Если наш перемет находится еще в границах его участка, бакенщик обязательно найдет его. Только будет ли рыба еще свежая или начнет всплывать белыми животами на поверхность?

И теперь нам становится ясно, что дело вовсе не в перемете, а в рыбе — в тех пойманных на крючки сомах и судаках, которые мечутся теперь где-то в глубине, недоступные нашим глазам и рукам; в тех сомах и судаках, которых можно было привезти домой и показать на пристани, небрежно откинув крышку садка. Причем — о человеческое коварство! — мы чувствуем, что в таком случае спрятали бы перемет на самое дно лодки, чтобы не бросался в глаза, потому что тщеславие любого писателя, художника, ученого — ничто по сравнению с тщеславием рыбака, тем более, если он же писатель, художник, ученый. И ничто не может сравниться со сладостью момента, когда на пристани с нарочито равнодушным лицом вытаскиваешь необычной величины сома, судака или щуку, говоря с фальшивой скромностью:

— Нет, нет, что вы, не такой уж большой!.. Пять кило? Да что вы! Самое большое — четыре восемьсот, четыре девятьсот...

И все равно, на какую приманку и каким способом поймана рыба. А даже если и не поймана,— и тогда не беда. Всегда остается надежда и лазурь, зелень, ветер, роса и необъятная красота Днепра, наполняющая глаза и сердце.

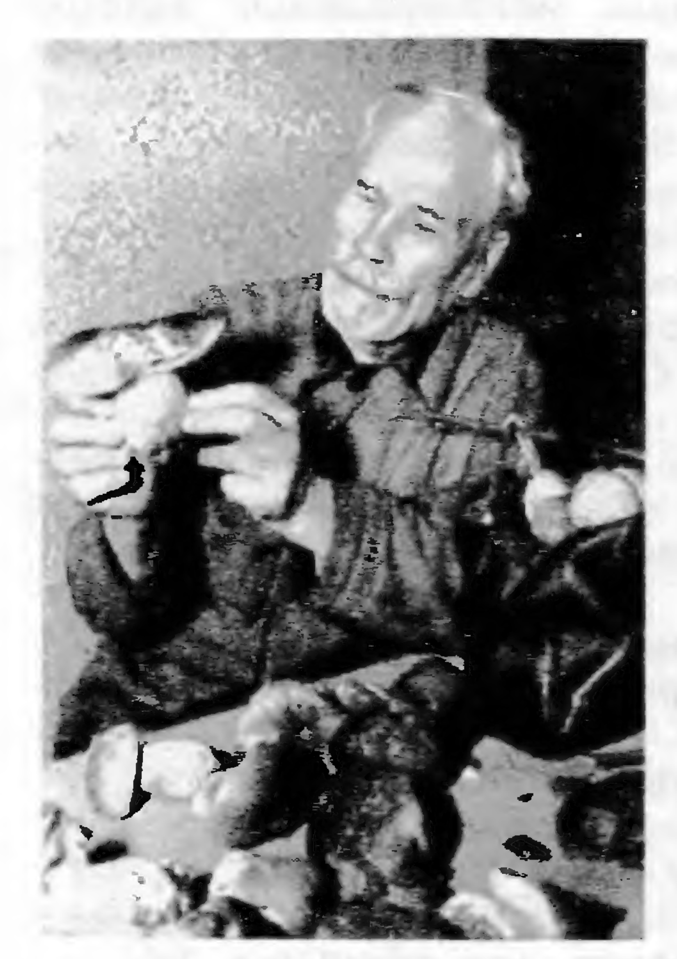
Перевод с польского Э. ВАСИЛЕВСКОЙ.

НЕОБЫЧНЫЙ ПОДАРОК

У бывшего кондуктора Белорусской железной дороги, ныне персонального пенсионера, В. С. Силаева сын получил новую квартиру. Старику хотелось сделать новоселам какой-нибудь необыкновенный подарок...

В раннее ноябрьское утро отправился Василий Силыч в звенигородский лес, где, по его расчетам, в заветном месте уже подросли славные семейки белых грибов.

Вряд ли кому-нибудь пришло в голову собирать грибы под снегом. Однако в этом году боровики изменили своим привычкам. Разгребая сухие листья, запорошенные молодым снежком, Василий Силыч набрал полное лукошко крепких рыжеголовых грибов.

Подарок, и правда, получился необычный!

Т. НИКОЛАЕВА

Фото М. Савина.

Юрий ЯКОВЛЕВ

Папа с мамой любят Гришу,
А закон в семье такой:
Если папа скажет:
— Тише!
Мама тут же скажет:
— Пой!

Папа скажет сыну:
— Слушай,
Ну-ка, Гриша, скушай грушу!

— Груша — дрянь! —
Заметит мать.
— Можно зубы поломать!
Лучше мягкие бананы
Скушай, Гришенька, сперва.
Папа скажет:
— Очень странно!
Что бананы — что трава!

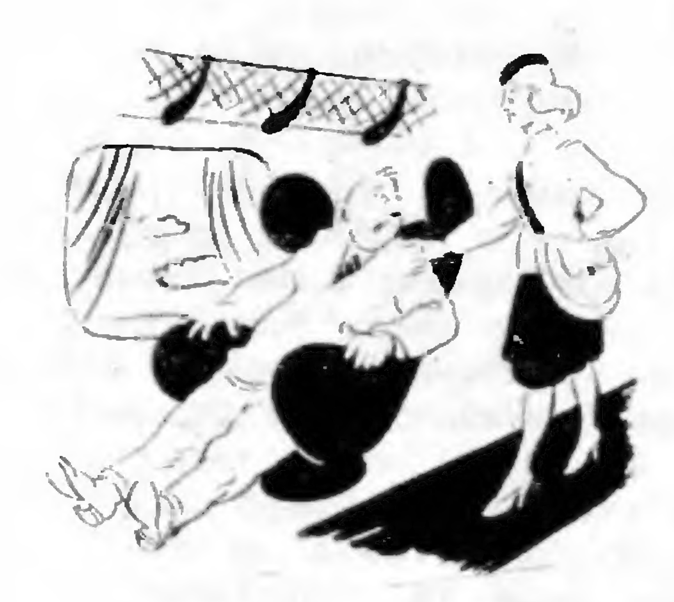
Если дождь пройдет хороший,
Мама скажет:
— На галоши!
Папа скажет:
— Без галош
Не расклеишься, дойдешь!

Гриша делает уроки,
Пробежали криво строки.

— Не пиши в тетрадку
наспех, —
Мать советует сынку.
Папа скажет:
— Курам на смех
Целый час писать строку!
Гриша морщит лоб упрямо,
Мучает вопрос его:
Слушать папу или маму,
Или вовсе никого?

Рисунки Ю. Федорова.

В РЕАКТИВНОМ САМОЛЕТЕ

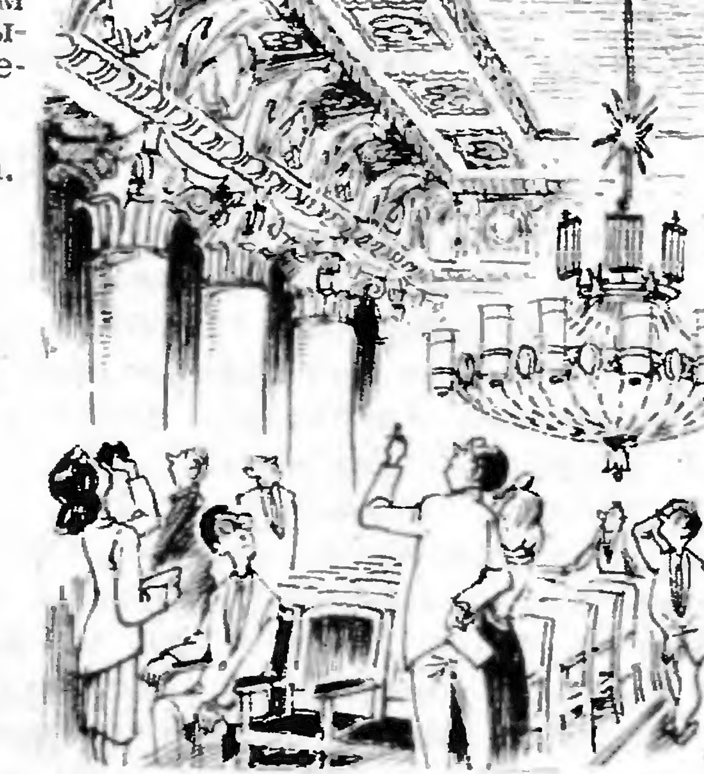
— Гражданин, платите штраф! Билет брали до Новосибирска, а проспали до Владивостока.

Рисунок В. Кащенко.

В НОВОМ ТЕАТРЕ

Некоторые архитекторы, увлекаясь оформлением театральных залов, забывают об удобствах зрителей.

Рисунки Ю. Черепанова.

Видимость... →

...и слышимость. ↓

В этом номере на вкладках: репродукции картин П. А. Кривоногова «Защитники Брестской крепости», П. Т. Мальцева «Крейсер «Варяг», К. Д. Китайки «В. И. Чапаев», Г. И. Прокопинского «К. Е. Ворошилов в мастерской у М. Б. Грекова», В. К. Дмитриевского «Здесь стояли насмерть», А. С. Бантикова «На баке», А. А. Ефимова «Балтийское море», А. В. Кокорина «Меткий выстрел», Н. Н. Жукова «В добрый путь» и одна страница цветной фотографии.

ЗОЛОТЫЕ СЛОВА

Из цикла «Сказки-присловицы к мудрым пословицам»

Заспорили Туча с Рекой: кто кого породил? Туча ли Реку дождем налила, Река ли Тучу из себя выпарила?

Заспорил Арбуз с Семечком: кто из кого вырос? Арбуз из Семечка или Семечко из Арбуза?

Заспорили Рыба с Икрой: кто кому мать? Щука ли Икре, Икра ли Щуке?

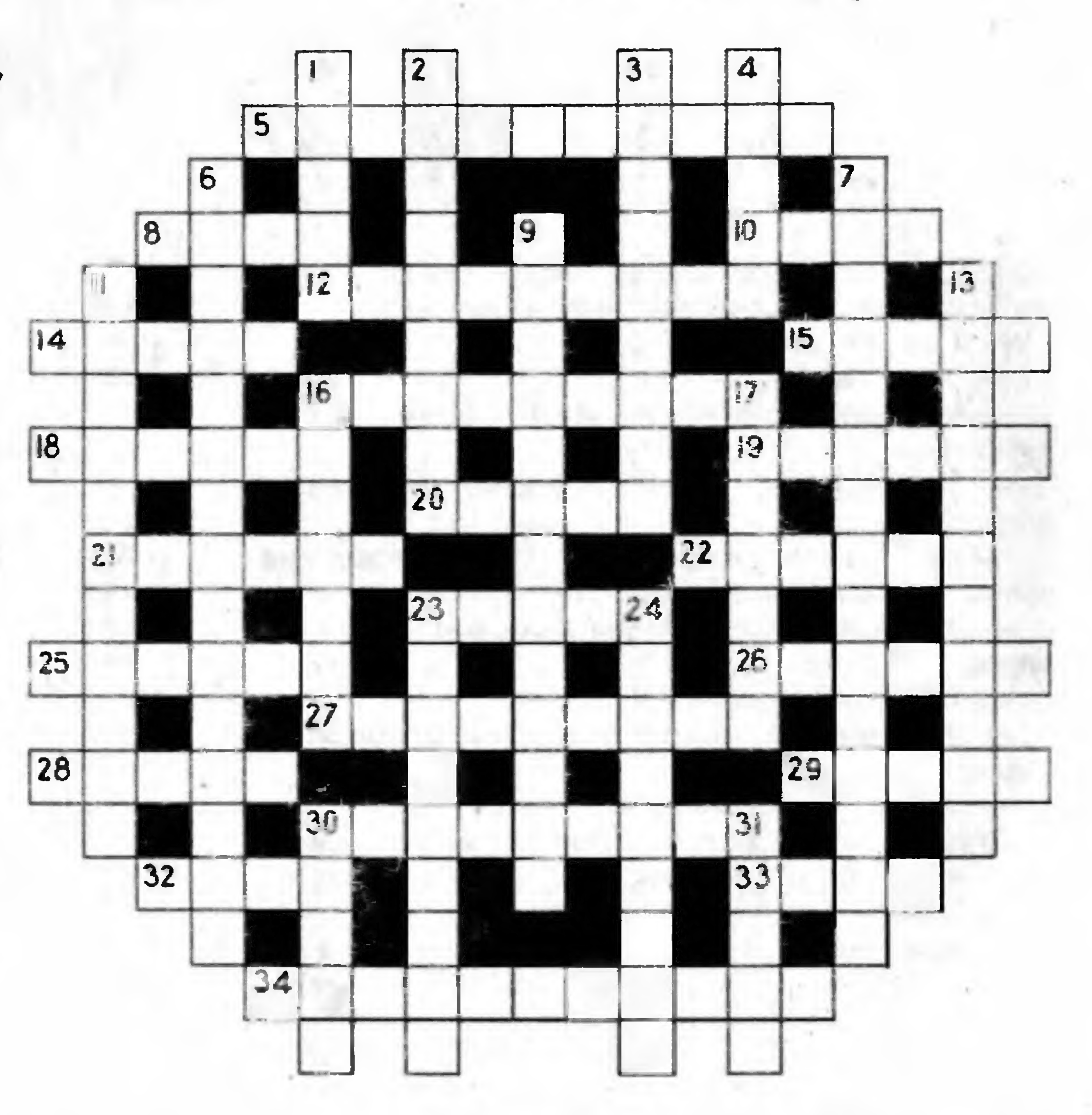
Глядя на них, и Яйцо с Курицей старинный спор подняли: кто первый на свет появился?

Мать Земля слушала их, слушала, да и сказала золотые слова:

«У кольца нет конца, а у глупца — начала».

Ев. ПЕРМЯК

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Измерительный инструмент. 8. Металл. 10. Топливо. 12. Украинский философ и поэт XVIII века. 14. Русский музыкальный критик и композитор. 15. Надежная защита, твердыня. 16. Летчик. 18. Вкладыш в соединениях деревянных конструкций. 19. Забор. 20. Приток Чусовой. 21. Герой поэмы А. С. Пушкина. 22. Младший командир на судне. 23. Приспособление в ударном механизме оружия. 25. Бесцветный газ. 26. Химический элемент. 27. Учреждение. 28. Отрицательно заряженный ион. 29. Текстильные изделия для украшения. 30. Русский писатель. 32. Декоративное растение. 33. Стиль. 34. Совокупность доводов.

По вертикали:

1. Танец. 2. Негармоничное сочетание музыкальных звуков. 3. Ягода. 4. Учение о морали. 6. Разведка местности. 7. Человек, производящий научные опыты. 9. Путешественник. 11. Совокупность психических свойств человека. 13. Прибор для накопления электричества. 16. Ларек. 17. Город в Канаде. 23. Глубокое проникновение. 24. Вещество, способное своим взрывом вызвать взрыв другого вещества. 30. Спортивная лодка. 31. Город в Японии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46.

По горизонтали:

3. Циолковский. 9. Молоко. 10. Дракон. 12. Нерпа. 14. Криолит. 15. Артикул. 18. Ирак. 20. Кулибин. 21. «Мать». 22. Лестница. 23. Ковентри. 25. Риск. 27. Кошевой. 28. Кама. 32. Острота. 33. Русанов. 34. Стенд. 36. Сулема. 37. Есенин. 38. Методология.

По вертикали:

1. Синоним. 2. Литавры. 4. Лион. 5. Оперение. 6. Сода. 7. Борона. 8. Розина. 11. Артиллерист. 13. Культиватор. 16. Аукцион. 17. Синолог. 19. Каток. 21. Минск. 24. Федченко. 26. Страус. 29. Анализ. 30. Стрелец. 31. Бурение. 34. Сако. 35. «Дело».

Ответ на задачу «Скоростной рейс» (№ 46)

900 километров. Самолет находился в полете 24 минуты + 4 часа, которые составляют разницу в поясном времени между Красноярском (VI пояс) и Москвой (II пояс). Когда самолет стартовал в 6 ч. 00 м. из Красноярска, часы в Москве показывали 2 ч. 00 м.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 05664. Подп. к печ. 16/XI 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 850 000. Изд. № 944. Заказ 2940. Рукописи не возвращаются.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Золотая осень. Фото А. Скурихина.

75-летний колхозник сельхозартели «Страна Советов», Кировской области, Илья Сенников на охоте.

Цена номера 3 руб.